

Леанід МАРАКОЎ

НЕПАМЯРКОЎНЫЯ

Апавяданні

кніга другая

УДК
ББК
М

Авторское издание

М

УДК
ББК

© Маракоў Л.

ISBN

Бацька і сын

Бацька ўзяў сына на рукі, спыніў таксі, і яны паехалі. Дурасць, вядома, але — няхай: за гады, праведзеныя ў лагеры, ён атрымаў сякую-такую кампенсцыю — павінна хапіць, каб пражыць на волі, не клапацячыся пра грошы, адзін дзень. Гэты дзень надышоў сёння. Дзень нараджэння сына. Так і сказаў таксісту:

— У нас з мальцам свята. Будзем гуляць. І ты з намі. Дапазна. Згода?

— Гуляць дык гуляць, — пагадзіўся той. — Мне што...

Вярнуўся бацька напярэдадні. Аднаму Богу вядома, чаго яму каштавала трапіць дадому акурат пад гэты дзень. І вось, ушчэнт змучаны, побач з сынам ён пакрысе ачуньваў. Яны раскашавалі на заднім сядзенні. У нейкі момант бацька нахіліўся, ціха сказаў:

— Маленькі мой выратоўца, які ж я шчаслівы, што пабачыў цябе.

Сын не разумеў, якім чынам ён зрабіўся бацькавым ратаўніком, але адчуваў сябе на сёмым небе:

татка вярнуўся! Ён не ведаў і не мог ведаць, што яшчэ падчас папярэдняга следства ва ўнутранай турме НКУС, так званай «амерыканцы», два вылюдкі катавалі бацьку. Перад імі была пастаўлена задача: «Адбіць разумніку мазгі, каб уласную маці не пазнаў!» І яны пастараліся. Шматлікія кровазліцці «затапілі» памяць, і калі б не вядомы лінгвадэкаўскі хірург, які быў арыштаваны «па справе ўрачоў» і сядзеў разам з бацькам, наўрад ці пазнаў бы ён каго-небудзь, наўрад ці наогул вярнуўся б з лагера. Хірург аказаўся і неблагім псіхалагам: апякуючыся бацькам, ён нястомна паўтараў: «Не забывайцеся — вас чакаюць дома». Гэтая «мэдыцына» тэрапія дапамагла.

— Татка, на скрыжаванні давай павернем направа, там, на рагу, ёсць цір, — крануў сын бацьку за плячо.

— Прыпыніся, браток, — сказаў бацька, і таксіст прытармазіў ля невялікага, кшталту гаража, будынка. — І пачакай.

Сыну не цяпелася пастраляць з «амаль сапраўднай вінтоўкі». Ён першы выскачыў з машыны і кінуўся ў расчыненыя насцеж дзверы.

— Рады вас бачыць, маладыя людзі, — вітаў іх аднарукі пажылы чалавек. — Мяне завуць Анатоль Сцяпанавіч. А вы можаце й не гаварыць пра сябе нічога. І так бачу: бацька з сынам прагуляўца выправіліся. Якія вінтоўкі выбераце? «Пад абрэз» ці «па цэнтры»? Раю «пад абрэз». Яны лепш прыстраляныя.

— Што ж, — усміхнуўся бацька, — нясіце прыст-

раляныя. І сыну, калі можна, падстаўку падбярэце па ягоным росце.

— Усё зробім, не турбуюцца. Трымайце вашу зброю.

— Татка, колькі возьмем кулек? Хочацца і вятрак запусціць, і танк падбіць, і карабель, і ў самалёт пацэліць. У самалёт цяжэй за ўсё. Я аднойчы спрабаваў — нічога не выйшла. Бачыш, якая маленькая пад ім кропачка? Збіць самалёт — мая мара.

— Гэта не мара, сыноч, гэта хутчэй задача. Мара — гэта нешта іншае. Напрыклад, я мару аб тым, каб ты вырас сапраўдным чалавекам. Смелым, сумленным. Каб памятаў, дзе нарадзіўся... А кулек мы купім, колькі захочаш. І не спяшайся, добранька цэлься. Але дай Бог, каб гэтыя практыкаванні табе ніколі не спатрэбіліся.

— Ну вы, хлопцы, даяце! — ахаў Анатоль Сцяпанавіч. — Усё пазбівалі. Нават і не памятаю, калі ў маім ціры надаралася такое апошні раз. План па продажы кулек памаглі выканаць. Можа, чым чорт не жартуе, па другім крузе пройдзецца?

— Не, — пакруціў галавой бацька. — Па другім крузе — не трэба. Круг — гэта кола, ланцуг, бязвыхаднасць. Толькі наперад! Дзякуй вам за ўсё, але — паедзем далей. Так, Валік?

— Правільна, татка! У мяне ўжо ў вачах дваіцца, — кіўнуў сын і з гонарам падумаў: «А самалёт я ўсё-такі збіў».

— Заходзьце, — развітаўся Анатоль Сцяпанавіч, праводзячы іх да машыны. — Такім гасцям заўсёды рады.

— Куды цяпер, панове снайперы? — спытаўся таксіст, адчыняючы дзверцы.

— А давай, татка, у парк махнём, — прапанавалі Валік. — Хлопцы расказвалі — там атракцыёны новыя.

— Жаданне імянінніка — закон! — усміхнуўся бацька. — Давай, дружа.

— Няма праблем. Даімчым за дзесяць хвілін, — запэўніў таксіст.

Але бацька астудзіў ягоны імпат:

— Гнаць не трэба. Я ў гонках пражыў усё жыццё. У гонках са смерцю... Хопіць! Едзь паціхеньку.

— Як скажаце, — прыціх таксіст.

Святочная атмасфера парку захапіла сына. Ён перабягаў ад аднаго атракцыёна да другога:

— Татка, а тут пакатаемся? А на той вунь білеты возьмем?

На «чортавым коле» Валік затрымаўся надоўга.

— Спадабалася на горад з вышыні глядзець? — пацікавіўся бацька, калі па просьбе сына яны ўзнесліся пад неба трэці раз.

— Я, татка, калі папраўдзе, вышыні баюся, але з табой мне ані не страшна, вось і выходваю сябе.

— Ты ў мяне — малайчына! — абняў бацька сына. — Цяпер мы разам, а разам мы — сіла, і табе няма чаго баяцца...

Доўга каталіся на розных «кружылках», машынах ды паравозіках, а пасля сын зноў пацягнуў бацьку да «чортавага кола».

Той падзівіўся сынавай упартасці, але ўспомніў,

што гэткім жа быў і сам. «Можа, таму і выжыў», — падумаў.

Уволю накружыўшыся, — у Валіка ўжо ногі падкошваліся, — вырашылі перадыхнуць, а заадно і перакусіць.

У рэстаран зайшлі ўтрох — запрасілі і кіроўцу. Да шасці вечара там быў «абед», але таксіст дамовіўся са швейцарам, і іх пусцілі. Бацька еў асцярожна, як бы з недаверам: адвык ад такой ежы. Там, у сібірскіх лагерах, яна толькі снілася, і паступова памяць сціралася: забываўся смак беллага хлеба, пах смажанага мяса, водар спелага яблыка.

Таксіст жа ўмінаў, быццам перад гэтым пасціўся тры дні. Не адставаў ад яго і Валік.

— Татка, я, мусіць, пасля марожанага не падымуся. Можа, возьмем з сабой?

— З сабой прыхопім мандарыны, а марожанае можаш не даядаць.

Наступны прыпынак падказаў таксіст, якому перадаўся іхні настрой:

— Жонка днямі ў «Дзіцячы свет» заходзіла. Казала, туды імартныя цацкі прывезлі: «Прыгожыя — слоў няма. Але дарагія...»

— Нічога, прарвёмся, — пагладзіў бацька сына па галаве, бачачы, як заблішчэлі ў таго вочы. — Адзін раз жывём. Едзем!

Пад заморскія цацкі ў магазіне адвялі асобную секцыю.

— Ну ж і здрава! — здзіўляўся сын, азіраючы паліцы. — Бачыш, татка, колькі ўсяго?

— Не траць марна часу, выбірай, што падабаецца, — падахвоціў бацька.

Выходзіў Валік з «Дзіцячага свету», і твар ягоны ззяў ад шчасця. Пра такія цацкі ён і марыць не рашаўся і зараз нават на хвіліну не хацеў з імі разлучацца, — а ну як абарвецца гэты чароўны сон? — і нёс усе пакупкі сам.

— Давай хоць што-небудзь вазьму, — прапанаваў бацька.

— Не, татка, — адмаўляўся ад ягоных паслуг Валік. — Я дужы.

Вадзіцель сустрэў іх вясёлым «О-го-го!».

— Складвай свае набыткі, — адчыніў перад Валікам дзверцы. — Эх, мне б такога татку!

— Такі ёсць толькі ў мяне, — пахваліўся Валік.

Бацька забраў у яго вялізную, з карычневага велюру малпу, ярка-чырвоную — ніколі такіх не даводзілася бачыць на дарогах — «Татру» з прычэпам, камплект кітайскіх ракетак для бадмінтона і настольнага тэніса. Заняў імі правую палову задняга сядзення. Сам сеў спераду. Спахпіўся, спытаў у таксіста:

— А ў цябе дзеці ёсць?

— Двое. Пагодкі. Гэткія ж архараўцы, як і твой.

— Валік, — павярнуўся бацька да сына, — няўжо пакінем архараўцаў без падарункаў? Кажы шчыра: чаго не шкада?

Шкада было ўсяго, але яшчэ больш хацелася быць падобным да бацькі.

— Мож, ракеткі гэтыя?... Хай гуляюць.

Таксіст пачаў быў адмаўляцца, але бацька не даў яму гаварыць:

— Калі мы з сынам рашылі, дык назад ходу няма. Пытанне закрыта. Цяпер разварочвайся, паедзем на вуліцу Маякоўскага. Адразу за рынкам — ведаеш? — лазня. Там і прытармозіш. — Павярнуўшыся да сына, патлумачыў: — Святое для нас з табой месца. Яшчэ да вайны мой бацька — твой дзед — вадзіў у гэтую лазню мяне з братамі...

Нягледзячы на падарванае ў лагеры здароўе, парыўся бацька зацята, быццам апошні раз, чым заводзіў іншых мужчын: яны ледзь не ў чаргу выстраіліся па венікі.

— А сыноч увесь у татку, — падахвочваў лазеншчык бацьку, пазвоньваючы бляшанкаю з мокрымі медзякамі. — Вочы вялікія, сінія, нос арліны. — Яму было няўцям, чаму пасля ягоных слоў бацька перастаў усміхацца. А той думаў: «Не ўсё ты, братка, ведаеш... Але не дай Бог хлопцу, паўтарыць маё жыццё: турмы, этапы...»

Пасля лазні ён папрасіў таксіста завезці іх на N-скія могілкі. Сыну зноў патлумачыў:

— Паедзем да дзеда, наведаем.

Ля ўваходу на могілкі бацька абмяняўся парай слоў з вартаўніком, і таксі прапусцілі. Стоячы над зарослым травой, без крыжа, грудком, ён, быццам забыўшыся на розніцу ва ўзросце, распавядаў сыну пра дзеда, які, аказваецца, быў дэлегатом Першага Усебеларускага кангрэса.

— Тады ўпусцілі, можа, адзіны для нашай краі-

ны шанц зрабіцца вольнай, — гаварыў ён Валіку, хоць той кепска разумеў, пра што ідзе гаворка. «А чаму кажуць, што наша краіна — самая свабодная ў свеце?» — губляўся ён у здагадках. Распавёў бацька і аб тым, што дзед іхні ўваходзіў у кіраўніцтва падпольнай царкоўнай антыбальшавіцкай арганізацыі, якая дзейнічала ў Мінску ў сярэдзіне трыцца-тых гадоў.

— Антыбальшавіцкай — гэта супраць бальшавікоў, татка? Хіба былі такія арганізацыі?

— Арганізацыі ў поўным сэнсе слова не было, — нібыта для самога сябе ўдакладніў бацька, — але сёе-тое рабіць людзі спрабавалі. За гэта пасля і адпактавалі. Быў такі працэс — «Дваццаці пяці». На ім судзілі і твайго дзеда. Увогуле ён быў незвычайны чалавек. Вярнуўшыся з лагера, вымушаны як не штодня адзначацца ў органах, усё адно па-ранейшаму слухаў радыё «Свабода».

— А я памятаю, як дзед слухаў прыёмнік, — ажывіўся сын. — Гук быў ціхі-ціхі, і я амаль нічога не разбіраў. Ён і ў шахматы, у шашкі навучыў мяне гуляць. І маляваць. А яшчэ ён любіў чытаць вершы Лермантава. Памятаў са школы. Уяўляеш, татка, — са школы! Я забываю вершы праз тыдзень, а дзядуля памятаў усё жыццё! Як зараз чую ягоны голас:

*Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом,
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?*

— Так, дзед быў дабрэннай закваскі, дарэвалюцыйнай, — падтрымаў Валіка бацька. — А наконт памяці ты не хвалюйся. Памяць разаўецца. Гэта я табе пэўна кажу. Галоўнае — больш чытай, думай. І спортам займайся. У цябе павінна быць дужае, вынослівае цела. Слабыя цела часта і духам слабыя. — Пасля невялікай паўзы дадаў: — Паехалі, нешта цяжка мне тут дыхаецца...

Бацьку было блага. Зноў нахлынулі адчай, безвыходнасць, нежаданне жыць. Спрабуючы ўзяць сябе ў рукі, ён раптам прапанаваў:

— Паехалі ў дом-музей Янкі Купалы.

Але ў музей чамусьці не пайшоў, хадзіў па парку, аб чымсьці думаў. Валік трымаўся побач. Калі падышлі да моста цераз Свіслач, бацька спыніўся.

— На тым баку вуліцы, вунь там, насупраць, шмат гадоў назад стаяў інтэрнат педагагічнага тэхнікума, — павярнуўся ён да сына. — Незвычайная, скажу табе, была навучальная ўстанова. Выкладчыкі ні ў чым не саступалі прафесарам з універсітэта. У свой час тут вучыліся мае браты — твае дзядзькі. І, дарэчы, многія беларускія пісьменнікі. Большасць з іх пасля былі расстраляны. Выжылі адзінкі. У школе ты будзеш вывучаць іх творчасць. З чатырнаццаці супрацоўнікаў газеты, у якой мой брат — твой дзядзька — тады лічыўся рабкорам, дванаццаць арыштавалі і потым забілі. Але аднаго не зачэпілі, нават наадварот — яму даручылі адказнае заданне: набраць новы склад рэдакцыі і ўзначаліць яе. Такое адбывалася амаль ва ўсіх газетах і часопісах: пакі-

далі жывымі, нібы на развод, аднаго-двух. Цяпер яны заслужаныя людзі, лаўрэаты... Але хопіць пра благое, — падсумаваў бацька, падыходзячы да машыны. — Ёсць прапанова. Адсюль ужо недалёка да возера, — паказаў ён рукой. — Як ты глядзіш на тое, каб паплаваць?

— Татка, ты ж ведаеш, купацца я заўсёды гатовы!

«Ведаеш...» Адкуль бацьку было пра гэта ведаць? Якраз тады, калі сяк-так наладзілася з перапіскай, прыйшла вестка, што ў іхнім вялікім доме «хлопец» застаўся адзін: ягоная маці восеньскім ранкам выйшла з дому і больш не вярнулася (знявечанае цела праз год усплыло ў Свіслачы), неўзабаве надоўга злягла і бабуля... Шэфства над імі ўзялі суседка з мужам...

Возера спаткала іх прахалодай і свежасцю. Стаяла чуйная цішыня.

Бацька распрануўся, зайшоў у ваду, паплыў. Крыкнуў:

— Валік, не лезь — вада халодная. Лепш у басейн з'ездзім — там паплаваеш.

Апошні раз бацька плаваў шмат гадоў назад, аднак разумеў: у такой вадзе не толькі ў сына, але і ў яго ў любую хвіліну могуць пачацца сутаргі. Аднак не стрымаўся: ён зноў тут, у свеце свайго маленства! Калісьці разам з братамі плавалі ў гэтым возеры на выперадкі. Ён быў самы малодшы і на фінішы заўсёды аказваўся апошнім. Але не здаваўся — упартасці яму было не пазычаць. І аднаго разу ледзь не дагнаў

братаў, але... у апошні момант ногі адмовіліся служыць яму. Браты прыйшлі на падмогу...

І вось — у яго зноў адзеравянелі ногі. Здрадліва перасталі слухацца. Ён перавярнуўся на спіну, але... патрапіў у вір. Жалезнай хваткай той абхапіў яго і цягнуў на дно. Ён з усіх сіл запрацаваў рукамі, нырнуў, вынырнуў, яшчэ нырнуў...

Валік адчуў бяду: «Навошта татка гэтак далёка заплыў? Яго ўжо не відаць...» Ён яшчэ толькі вучыўся плаваць, але, не раздумваючы, кінуўся ў ваду.

— Татка, татка! — крычаў. — Не заплывай далёка! Я баюся!

Сынаў голас патроіў бацькавы сілы.

«Выплыць! — загадаў сабе і зноў нырнуў. — Сын! — крычала ўсё ў ім. — Я павінен вырвацца з гэтае пасткі!...»

Ён яшчэ больш адчайна замахнуў рукамі... і раптам адчуў — вір паслабляе свае абдымкі, і ногі нібы вяртаюцца да жыцця. І ўсё ж не столькі ногі, колькі рукі, якія доўгія гады валілі лес, уратавалі яго. І ён паплыў да сына.

— Валя, назад, назад! — крычаў яму.

І сын паслухаўся, спыніўся. Але да берага не павярнуў. Не мог.

Падхапіў яго бацька, калі ён ужо захлынаўся...

...Валіка адкачалі, але ачуньваў ён марудна. Пяць дзён і начэй маленькія рукі спіскалі падушку — трымаўся за татку.

Бабуля сядзела на краёчку пасцелі.

— Што прыснілася майму ўнучаку? — спытала, калі ён расплюшчыў вочы. — Нешта страшнае?

Валік не адказаў. Убачыў на супрацьлеглай сцяне бацькаву фатакартку ў драўлянай рамцы. Ражок рамкі чамусьці быў абвязаны чорнай стужкай.

Ён яшчэ не ведаў, што гэта азначае, і з недаўменнем паглядзеў на бабулю. Але тая нічога не сказала...

Міне шмат гадоў, перш чым Валік даведаецца: дадзеную сабе ў лагеры клятву — адпомсціць кату* — бацька стрымаў, але, каб не здавацца жывым, наклаў на сябе рукі. Гэта адбылося на трэці дзень пасля яго вяртання.

І яшчэ адна таямніца раскрыецца яму: чалавек, якога ён зваў таткам, быў ягоным дзядзькам — малодшым бацькавым братам. А бацьку расстралялі, калі Валіку было ўсяго два месяцы ад роду.

* Гл.: «Непамяркоўныя. Кніга першая». Апавяданне «Яблыня».

Дзве капейкі

— Дзень добры, дзеці, — як заўсёды паволі, выразна вымаўляючы кожнае слова, але гэтым разам быццам са здзекам, павіталася настаўніца. — Сёння — панядзелак, першы дзень тыдня. Мы добра адпачылі і з новымі сіламі пачнем вучобу. Але пачнем, на жаль, з разбору аднаго надзвычайнага здарэння, што адбылося ў суботу.

3-ці «б» насцярожыўся. А настаўніца, вытрымаўшы паўзу, працягвала:

— Вы хочаце ведаць, што за надзвычайнае здарэнне? А няхай пра гэта скажа сам герой — у двухоссі, вядома ж. Ён сярод вас. Хачу яго папярэдзіць: мы ведаем усё! Спадзяюся, што ён яшчэ не да канца страціў сумленне і ў яго хопіць смеласці выйсці да дошкі і распавесці сваім таварышам пра тое, што яго падштурхнула на такія агідны ўчынак, які ганьбіць наш клас, усю школу.

Вучні замёрлі ад такога нечаканага пачатку ўрока. Сцяўся і светлавалосы, яснавокі, ціхі, з дзявочым тварам чацвёрачнік Лёша Марачкін. «Відаць,

нехта гуляў з запалкамі і падпаліў дом, — выказаў ён здагадку. — Не, напэўна, адбылося нешта страшнейшае. Можа, у тым доме засталіся людзі, дзеці? — думаў Лёша, гледзячы на настаўніцу. — Вунь як перажывае, калоціцца ўся...

— Такім чынам, мы чакаем! — сарвалася між тым на крык настаўніца. — Чакаем роўна адну хвіліну! — падняла яна ўгору ўказальны палец. — Калі той, хто гэта ўчыніў, не ўстане і не раскажа ўсё нам, як сапраўдны савецкі школьнік і піянер, няхай не крыўдуе. Час пайшоў!

Вучні пачалі азірацца, круціць галовамі. Круціў галавою і Лёша: «Хто ж гэты страшны злачынец? Хто? Што за вораг зашыўся сярод нас?» Але ніхто з-за парты не падымаўся, не выходзіў да дошкі.

— Хвіліна мінула! — аб'явіла настаўніца. — Я папярэджвала. Цяпер хай ён літасці не чакае. — Яна раптам ляпнула далонню па сталае і зараўла: — Марачкін, устань! Зараз жа, бессаромны, устань! Падымі галаву! Глядзі на мяне! У цябе сумленне ёсць? Як ты мог? Як ты, вучань лепшага ў школе па ўсіх паказчыках класа, мог зрабіць такі агідны, скажу болей — жудасны ўчынак?!

Спачатку Лёша нічога не зразумеў. Пры чым тут ён? За што на яго крычаць? У чым ён вінаваты, што такое жахлівае ўчыніў? Але раптам да яго дайшло. Ён успомніў! Успомніў усё, што адбылося ў суботу...

«Так, — апусціў Лёша галаву, — я вінаваты. Але адкуль даведалася настаўніца? Цётка ж тая сказала, што ва ўсім разабралася, што адбылася не-

дарэчная выпадковасць і што яна нікому нічога паведамляць не будзе. Хто ж данёс настаўніцы?»

Суботняя раніца пачыналася добра. Мама, адыходзячы на работу, пакінула яму, як і абяцала, пяцьдзесят дзве капейкі. Дваццаць чатыры — на праявіцель для фотапаперы, семнаццаць — на фіксаж і адзінаццаць — на яго любімы гематаген. Лёша недзе чуў, што гематаген павялічвае запас крыві ў арганізме, і калі ён будзе, скажам, паранены, дык з такім запасам даўжэй зможа пратрымацца. Лёша не ўяўляў, дзе яго змогуць параніць, але чамусьці думаў, што калі-небудзь гэта абавязкова адбудзецца.

Плёнку ён праявіў некалькі дзён таму. Пачак фотапаперы прыслаў на дзень нараджэння з Ленінграда стрыечны брат Сярожа, заставалася купіць хімікаты для друкавання здымкаў. Па дарозе ў «Культтавары», дзе быў адзел фотатавараў, Лёша зайшоў у аптэку і купіў батончык гематагену.

У магазіне падышоў да фотакутка. Было ўсё: і праявіцель, і фіксаж. Узяў з паліцы па пакеціку таго і другога. «Стоп, што гэта? — позірк запыніўся на новай лічбе на цэнніку фіксажу. — Чаму дзевятнаццаць капеек? Ён жа каштаваў семнаццаць. Семнаццаць! Я ж добра памятаю...»

— Цётка, — звярнуўся Лёша да прадаўшчыцы, што стаяла ў зале, — а чаму фіксаж падаражэў?

— У нашай краіне ніколі нічога не даражэе, — падышла да яго прадаўшчыца. — Ты абы-чаго не кажы, — узяла ў рукі пакецік, пакруціла, зірнула на адваротны бок. — Так, зразумела. Той быў расійскі,

а гэты — з Азербайджана, — кінула фіксаж на паліцу. Вярнулася да выхаду з залы і стала ў праходзе за касаю.

Магазіны самаабслугоўвання толькі ўваходзілі ў моду, і разам з імі ўваходзілі ў моду мажныя цёткі, што правяралі пакупнікоў пры выхадзе. Тут жа, каля касы, яны бесцырымонна абшуквалі іх. Абшуканы мог быць кожны. І кожны, пакуль цётка прамацвала яго кішэні, стаяў і, апусціўшы галаву, маўчаў. Як паўсюль і заўсёды, усё сваё жыццё...

Гэтак цяпер стаяў Лёша. На імгненне ён ачуўся, пачаў быў нешта гаварыць, але ўбачыў разяўлены ў крыку рот настаўніцы і з перапалоху зноў анямеў — успамінаў...

Ён тады доўга, як непрыкаяны, хадзіў тудысюды па зале. Думаў: «Што рабіць? От жа не пашанцавала! Каб ведаў, што фіксаж падаражэе, не купляў бы гематаген. І хацеў жа спачатку купіць глюкозу за шэсць капеек. Чаму не купіў? Засталося б яшчэ і на газіроўку з сіропам, і былі б цяпер гэтак патрэбныя дзве капейкі. Што ж рабіць? А ён дома і акенца ў ваннай завесіў, тры ванначкі для праявіцеля, фіксажу і вады падрыхтаваў. І старую чарцёжную дошку на ванну паклаў: Павел Іванавіч, сусед-пенсіянер, падказаў, як абсталяваць у ваннай сякую-такую фоталабараторыю. «Без фіксажу, — казаў Павел Іванавіч, — не абысціся: фотакарткі пажаўцеюць». Ага, прыдумаў! У мяне ёсць гематаген! Добра, што я яго па дарозе не з'еў. Пакладу на паліцу семнаццаць капеек, а замест дзвюх, якіх

не хапае, пакіну гематаген. Праявіцель аплачу ў касе, а фіксаж пранясу так, не паказваючы. Калі ж заўважаць, скажу, што замест дзвюх капеек пакінуў гематаген за адзінаццаць».

Лёша не схаваў фіксаж за пазуху, як гэта зрабіў бы любы зладзюжка, а паклаў у нагрудную кішэньку кашулі. Ён не ведаў, што праз тонкую баваўняную тканіну пакецік не проста відзён, але нават назва яго чытаецца...

Касірка паглядзела на Лёшу, усё зразумела і ўжо хацела была спытаць: «Што ў цябе там, прызнавайся?», ды нечакана перадумала. «Цікава, — вырашыла яна праверыць, — гэтая жаба, экс-спартсменка, кабыла ў спадніцы, Алімпіяда Іванаўна Баран (прыдумаў жа Бог спалучэнне!) заўважыць зладзюжку ці не? Калі не, я тут жа загадчыцы раскажу, як пільна Алімпіяда нясе службу, як хвацка зладзеяў прапускае. Эйш ты яе, дзелавае зрабілася, працаваць вучыць, заўвагі робіць. Я, ці бачыце, марудна людзей абслугоўваю! Ды якая твая сабачая справа?! Пасядзела б сама цэлы дзень на касе...»

Мажная, шырэйшая за дзверы, блізарукая Алімпіяда паглядзела на Лёшу зверху ўніз, нічога падазронага не заўважыла, і ён накіраваўся да выхаду. Ішоў няспешна, каб не выдаць сябе. «Ага, Бараніха, — абрадавалася касірка, — прапусціла-ткі несуну. Не даглядзела...»

— Трымайце зладзея! — усхапілася яна з крэсла, пабегла да дзвярэй і перагарадзіла Лёшу дарогу. — Прызнавайся, што ўкраў? — торкнула хлопчыку ў грудзі.

— Баліць... — прамямліў Лёша, міжволі зрабіўшы крок назад. «Усё так і павінна было скончыцца, — падумаў. — Зло мусіць быць пакарана. А я зрабіў зло...»

— Баліць, ці бачыце, яму! Ах, якія мы датклівыя! Пацёрпіш! — раўнула касірка. — Ану, пакажы, што ў цябе ў кішэні? — Яна зноў торкнула Лёшу ў грудзі. — Во ў гэтай!

— Гэта ф-фіксаж, цётка, — з перапалоху заікнуўся Лёша. — Я за яго заплаціў. Замест дзвюх капеек, якіх не хапіла, паклаў на паліцу гематаген, а ён каштуе адзінаццаць...

— Які яшчэ гематаген?! Што ты вярзеш! — схапіла касірка Лёшу за руку. — Пайшлі да загадчыцы, там разбярэмся!

— Ён і гематаген недзе ўкраў, — учапілася за Лёшаў каўнер Алімпіяда Іванаўна. — Трымай байструка, Верка, мацней трымай! Вядзі да загадчыцы! І міліцыю трэба выклікаць! Няхай ведаюць, гультаі, хто за іх працуе! Злавiлі нарэшце зладзюгу! Гэта ён усё лета магазін абкрадаў! За яго мы свае кроўныя выкладвалі...

Лёшу прывалаклі ў кабiнeт загадчыцы, але той на месцы не было — выйшла да сяброўкі ў суседні магазін «Садавіна-гародніна».

Прайшло пяць, а потым і дзесяць хвілін чакання, але гаспадыня кабiнeта не вярталася. Параіўшыся, касірка і кантралёрка вырашылі-такі выклікаць міліцыю. Руплівая абаронца справядлівасці Алімпіяда Іванаўна патэлефанавала па «02», і цяпер абедзве моўчкі сядзелі, сцераглі Лёшу і чакалі падмогі.

Падмога доўга не з'яўлялася, але да тэлефона жанчыны больш не падыходзілі. Яны былі не супраць, калі чаканне задоўжыцца і да абеду: сядзець у кабiнeце — не тырчэць у зале.

У Лёшы паціху нагортваліся слёзы. Ён ні разу ў жыцці не сутыкаўся з міліцыяй, але чамусьці, калі чуў або вымаўляў гэтае слова, да горла падкочваў камяк.

Алімпіяда Іванаўна выйшла з кабiнeта — яе паклікалі ў залу, а касірка па-ранейшаму ёрзала на крэсле. Ubачыўшы прыбіральшчыцу, якая праходзіла міма, крыкнула:

— Валя, я тут схаджу. Прыгледзь за гэтым...

З мокрай анучаю ў адной руцэ і жалезным вядром у другой у кабiнeт увайшла жанчына — пажылая, невысокая, худая, сівавалосая, у старэнькай шарсцяной сукенцы, падобную да якой Лёша бачыў на бабулі.

— Ну што, хуліган, папаўся? — спытала яна, быццам вітаючыся. — Многа ўкраў?

— На дзве капейкі... — паліліся ў Лёшы слёзы.

Пры гэтай, адзетай у бабуліну сукенку жанчыне ён адчуў сябе спакайней, расслабіўся і заплакаў. «Пры ёй можна плакаць», — вырашыў.

— Супакойся, — падышла да яго прыбіральшчыца. — Не хныч. Першы раз ўкраў?

— Я не краў, абмяняў. Замест дзвюх капеек пакінуў гематаген...

— Гематаген? — перапытала прыбіральшчыца. — Замест дзвюх капеек? Ну, ты даеш! — усміхнулася яна. — Вось дык абмен! Ну і ну... Але ж тут разбірац-

ца не будуць, тут цябе загрызуць. Яны ўжо даўно кагосьці ловаць. Праўда, пакуль кражы былі толькі ў школьным аддзеле: то аловак знікаў, то гумка, то сшытак. Таксама, дарэчы, за дзве капейкі... Слухай, а давай я цябе адпушчу? Толькі ты нейкі час не прыходзь сюды, не паказвайся...

— Ніколі не прыду і не пакажуся! І фатаграфавача болей не буду! — зноў захныкаў Лёша.

— Ну добра, добра, хопіць раўці. Слязьмі гору не паможаш! Гэта ўсё нервы, а нервы, я чула, не аднаўляюцца. Лепш джгай у тыя вунь дзверы і чым хутчэй, — махнула прыбіральшчыца анучай у бок цёмнага калідора. — Пакуль яны недзе ходзяць...

Лёша перастаў плакаць. Выпрастаўся, выцер вочы. Паглядзеў на сваю збавіцельку.

— Уцякаць не буду. Уцякаюць толькі палахліўцы, — успомніў ён словы аднаго з герояў Жуля Верна. — Не хачу быць палахліўцам...

— Ну вось, — развяла тая рукамі, — ужо ідуць. Давядзе цябе твая ўпартасць...

Увайшоў міліцыянер, і яна змоўкла. Лёша прыгледзеўся: не, гэта не міліцыянер, а міліцыянерка, адно што твар у яе нейкі квадратны. Лёша ўжо разбіраўся ў званнях і, зірнуўшы на пагоны, вызначыў: цётка — старшы лейтэнант. Узросту — мацінага, але мама не тоўстая.

— Ну што, папаўся? — павярнуўся да Лёшы квадратны твар.

— Я... — хацеў растлумачыць хлопчык, што да чаго, але твар не даў яму сказаць, перабіў:

— Пайшлі! У мяне ў кабінеце пагаворым. Там вы ўсё больш гаваркімі робіцеся...

Дзіцячы пакой міліцыі знаходзіўся непадалёк ад магазіна. За нядоўгую дарогу Лёша зразумеў, што нездарма ў яго пры слове «міліцыя» перахоплівала дыханне і заплятаўся язык. Лейтэнантка вяла яго, моцна сціснуўшы руку. «Злодзей не павінен збегчы!» — напэўна, лічыла яна. І Лёша трываў боль. Яму здавалася: пакуль ён паводзіць сябе спакойна, усе думаюць, што ідзе мама з сынам, а не злодзея цягнуць у міліцыю ў турму садзіць.

Кабінет лейтэнанткі быў на першым паверсе. Праз закратаванае акно Лёша ўбачыў, як у двары, на голым пляцы між дамамі, хлопцы ганялі мяч. Ён уздыхнуў: «Хутчэй бы ўсё скончылася...»

— Ага, мілы, бачу, у футбол захацелася пагуляць?! Раней трэба было думаць, раней! Да таго, як пачаў красці. А цяпер табе будзе не да футбола, — запэўніла яго лейтэнантка. — Сядай! — загадала яна. — Краіна павінна ведаць сваіх герояў. Таму зараз ты скажаш, як цябе завуць, дзе жывеш, хто бацькі і ў якой школе вучышся. — Лейтэнантка дастала паперу і аўтаручку. — Ты не маўчы, расказвай, не саромейся. Ведаем мы такіх сарамлівых. Урэшце, скажаш ці не — вялікага значэння не мае. Рана ці позна мы і так пра ўсё даведаемся. Але лепш сумленна, як на споведзі, сам усё раскажы. Тады, так і быць, адпушчу цябе, не выклікаючы бацькоў. І ў школу паведамляць не буду. Зраблю выключэнне. Ты ж, здаецца, першы раз папаўся?

— Ага, — ціха пацвердзіў Лёша і закашляўся. Лейтэнантка курыла, а фортка была зачынена, і ў яго пры-

шыла ў горле. Лейтэнантка паглядзела на Лёшу, зрабіла яшчэ некалькі зацяжак, але цыгарэту затушыла.

— Добра, хопіць прыкідвацца, кашаль з сябе выціскаць, — адступіла яна на крок ад хлопчыка. — Думаеш расчуліць? Не выйдзе! Не такіх артыстаў бачылі! Расказвай, што і як украў. І не цягни. Калі я з кожным па дзве гадзіны важдатца буду...

Лёша, хныкаючы, расказаў усё, як было. Пра гематаген, хімікаты і фоталабараторыю. Паабяцаў, што папросіць у мамы дзве капейкі і аднясе іх у магазін.

— Добра, — кіўнула лейтэнантка. — Будзем лічыць, што ты расказаў праўду. Хацелася б спадзявацца, што болей у тваім жыцці такое на паўторыцца. Напішы вось тут, дзе птушачка, сваё прозвішча і можаш ісці дадому. І не хвалюйся: усё застанеца між намі. Абяцаю. А ў магазін я пазваню. Каб не было да цябе прэтэнзій.

— Але... — Лёша хацеў сказаць, што за фіксаж ён заплаціў, якія да яго могуць быць прэтэнзіі, ды язык не паварочваўся. Лёша баяўся. Баяўся пракуранага пакоя, квадратнага твару, кратаў на вокнах...

Выйшаўшы на вуліцу, ён адразу кінуўся бегчы. З усіх сіл, быццам уцякаў ад пагоні, ад страшнага, з чорнымі кратамі бруднага шэрага будынка, ад сябе, ад лёсу. Ён яшчэ не ведаў, што ўсё жыццё яму давядзецца ўцякаць або даганяць лёс...

Лёша доўга не мог адчыніць дзверы — дрыжэлі рукі. Нарэшце адчыніў, увайшоў у хату. Адчуў, што моцна стаміўся. Мамы яшчэ не было. Ён прылёг на тахту і непрыкметна заснуў...

Маці прыйшла з працы, паглядзела на сына, які ціха пасопваў, асцярожна пагладзіла па галаве: «Зноў

у футбол набегаўся...» Распанула, перанесла на ложку, накрыла: «Спі, сыноч...».

Лёшу сніўся футбол. Фінал чэмпіянату Еўропы. Увесь матч ён чамусьці адбіваў пенальці ў ягоныя вароты. Білі славуця Рыва і Рывера, Факеці і Анастасі. Білі, але забіць не маглі. Лёша выстаяў. Сам Джаіч яго пахваліў.

Так ён праспаў да раніцы. Зоркі футбола выцеснілі страшныя падзеі з яго свядомасці. Мозг быццам ратаваў дзіцячую псіхіку ад перагрузак. І хлопчык зусім забыўся, што было ў суботу...

А цяпер ён успомніў! Ён усё ўспомніў! Якім дарагім стаўся для яго гэты фіксаж.

— Зараз мы будзем цябе судзіць! — зноў пачуў Лёша голас настаўніцы. — Ты — злодзей, Марачкін! Самы сапраўдны злодзей! І судзіць мы цябе будзем сапраўдным таварыскім судом. Лепшы ў школе клас ацэніць цябе па заслугах. Ты, Лёша, патэнцыяльны злачынец. У такіх, толькі адна дарожка, слізкая — у турму. Лёгкага жыцця захацеў? Я разумею, укарасці — не зарабіць. Але лёгкага жыцця ў цябе не атрымаецца! Павер! А цяпер — хто выступіць першы? Не чую! Аксаначка? Малайчына! Скажы, што ты думаеш пра Марачкіна!

— Аляксей, ты хоць разумееш, што натварыў, які ўчынак зрабіў? — завучана пачала Аксана. — Ты ўкраў у нашай роднай сацыялістычнай дзяржавы. Ты ўкраў тое, што ствараецца самаадданай працай савецкіх людзей! Ты падумаў, перш чым...

Што гаварылі далей Аксана і іншыя аднакласнікі, Лёша чуў, але не ўспрымаў. Ён думаў пра сваё. Ду-

маў, і ў нейкі момант думкі тыя сышліся на адным: мост! Непадалёк ад дома-музея першага з'езда РСДРП, куды іх кожны год адразу пасля летніх канікулаў вадзілі на экскурсію, ёсць мост. Высокі. Ён з яго скокне! Бо не мае права жыць. Ён — злодзей! Ён — горшы за ўсіх!...

Празвінеў званок. Класная спехам падагуліла:

— Такому не месца ў нашых шэрагах! Тваё месца, Марачкін, у спецітэрнаце для малалетніх злачынцаў!

Лёша нічога не бачыў — пацямнела ўваччу. Ад гадзіны стаяння балелі ногі. Сам не свой ірвануў да дзвярэй. Пранёсся па калідоры. На лесвіцы спатыкнуўся, выцяўся аб парэнчы. Было балюча, але не закрычаў, стрываў. Куляй вылецеў са школы. Ужо добра-такі адбегшыся, спыніўся, агледзеўся: дзе, у якім баку дом-музей? Ага, там! Бег доўга, пакуль былі сілы нешта ўспрымаць, адчуваць, бачыць. Ён не ўбачыў, што загарэўся чырвоны, што гарыць, палае, крычыць чырвоны...

Ратуючыся ад грузавіка, што пёр проста на яго, падскочыў, пракаціўся па капоце, па лабавым шкле, зноў упаў на капот і адляцеў у бок, на газон узбоч дарогі.

Лёша ляжаў, глядзеў у неба, не дыхаў, замёр. Баяўся. Зноў — баяўся.

Кіроўца «ЗІЛа» выскачыў з машыны, падбег, жахнуўся.

— Божа! — нагнуўся да хлопчыка. — Чаго ж ты пад колы кідаешся?

— Я не хацеў... — спалохана сказаў Лёша.

Шафёр агледзеў пацярпелага:

— Жывы? Дзе, што баліць?

Лёша прашаптаў:

— Галава крышку...

Збіраліся людзі. Хлапчук зноў баяўся. Зноў яго будуць абгаворваць, судзіць. Настроіўся, паспрабаваў устаць.

— Малайчына, хлопец, — узяў яго на рукі кіроўца. — Давай я табе памагу, добра?

— Ага, дзядзечка, — прашаптаў Лёша. — Забярыце мяне адсюль. Зараз мяне будуць судзіць. Калі ласка...

Кіроўца асцярожна прыціснуў хлопчыка да грудзей, папрасіў:

— Расступіцеся, таварышы! Дайце прайсці! Адвязу хлопчыка дадому. Ён мой сусед. Не хвалюйцеся, хлопец не траўміраваны. Абышлося, дзякуй Богу. Дайце ж прайсці, кажу...

Кіроўца асцярожна апусціў Лёшу на сядзенне справа ад сябе, выключыў «аварыйку», націснуў педаль газу, паволі крануўся. Даехаўшы да бліжэйшага святлафора, павярнуў на сваю вуліцу. «Калі што, «хуткую» з кватэры выклічу», — супакоіў сябе.

Дома кіроўца прайшоў ў дзіцячы пакой, паклаў Лёшу на сынаў ложак:

— Ляжы спакойненька. Зараз прынясу ліманаду. Любіш «Апельсінавы»?

— Не-а, — трызніў хлопчык. — Я люблю масты! Толькі масты!

У Лёшы было няйначай страсенне мозгу, яму стала горш, ён страціў прытомнасць.

Кіроўца кінуўся да тэлефона.

— Алё, «хуткая»?! — з палёгкаю — дазваніўся з першага разу! — уздыхнуў ён. — Здарылася няшчасце! Хлопчык трапіў пад машыну! Што? Гадоў дзевяць-дзесяць. Як завуць? Не ведаю! Чаму не ведаю? Ды што вы ўсё распытваеце, дарэмна час траціце! Тэрмінова прыезджайце! Хлопчыку зусім блага! Дарагая кожная хвіліна! Ён без прытомнасці...

Было ў ягоным голасе, відаць, штосьці такое, што вымусіла дзяжурную неадкладна выслаць машыну па ўказаным адрасе.

Доктар і медсястра не сталі чакаць ліфта — узбеглі на трэці паверх.

— Дзе хворы? — спытаў доктар. — Там? — паказаў рукою на адчыненыя дзверы ў дзіцячы пакой і, не чакаючы адказу, кінуўся туды. — Ну што герой, як маемся? — загаварыў ён у спадзеве пачуць хлопчыка, упэўніцца, што той пры памяці. — Якія ў цябе моцныя мышцы! — узяў Лёшу за руку. — А куды ты так спяшаўся? Наташа, пульс ёсць! Дай мне...

У гэты момант у кватэру ўбегла жонка кіроўцы:

— У школу суседзі патэлефанавалі. Сказалі, што... Божачкі, што тут здарылася? — закрычала яна, убачыўшы ля сынавай пасцелі доктара і медсястру. Не пачуўшы адказу, ірванулася ў дзіцячы пакой. — Сыннок! — паклікала яна. Але, не зрабіўшы і кроку, асунулася каля дзвярэй на падлогу...

Сэрца настаўніцы, якое з ранку гэтак зацята змагалася з упартым малым злодзеем, новага напружання не вытрывала...

Арэлі

Мужныя бальшавікі бегалі па плошчы, раскідвалі лістоўкі. Заклікалі да звяржэння, знішчэння, рабавання. Дынамік тэлевізара хрыпеў і захліпаўся. Залп «Аўроры» ўзарваў кінескоп. Я кінуўся да «скрынкі», вырваў шнур. Давялі яны мяне, даканалі, дасталі, гады, ірвуцца з гразі ў князі. Хапіла па горла! У вантробах сядзяць са сваёй агітацыяй! Што ж, атрымайце і вы! Агітацыя дык агітацыя!..

План, як раскідаць, рассяць, распаўсюдзіць (папярэдне ўмудрыўся надрукаваць, і гэта, магчыма, цягне на асобны аповед) у цэнтры мільённага горада немалую колькасць лістовак з заклікамі да барацьбы з камуністычнай дыктатурай, да звяржэння злачыннага рэжыму і пры гэтым не быць злоўленым, я распрацаваў летам 1972 года, калі дачытваў апошнія старонкі дзевяцітомнага збору твораў Івана Буніна. І па сёння не вельмі разумею (бо «Акайных дзён» там не было), якім чынам навёў мяне класік на думкі аб пратэсце і злачыннасці далейшага маўчання. Можна, таму ён і класік?

Дату для акцыі выбраў не выпадковую: сёмага лістапада. Хацелася падражніць зверу акурат у дзень ягонага нараджэння. На даху ГУМа змайстраваў прыладу, да якое быў неаб'якавы з маленства, — арэлі. Звычайныя: дошка на двух жалезных, паралельна змацаваных трохкутніках («пазычыў» іх у дзіцячым садку, няхай даруе мне малеча, усё ж на святую справу ўзяў). Цяжкія арэлі давалося разабраць (балазе, яны былі звінчаныя, а не звараныя) і падняць на дах па частках. На адзін канец дошкі (бліжэйшы да краю даху) паклаў стос лістовак. Іх зверху (каб вецер не здзьмуў) прыціснуў загадзя падрыхтаванай чвэрткаю цагліны, прывязанай да трохкутніка асновы (каб знячэўку па галаве каму не пацэліла і не давалося адказваць адразу па некалькіх артыкулах крымінальнага кодэксу — нават з гэтым азнаёміўся на ўсялякі выпадак; не забыўся і пра пальчаткі: на кнігу нейкага француза пра дактыласкапію і бельтыльянаж напароўся яшчэ за год да таго, апынуўшыся «з выпадку» ў адной з бальніц Гомеля). Калі гэты канец дошкі пойдзе ўніз, мой груз павісне на вярчачцы, а лістоўкі пасыплюцца долу. З другога боку — процівага: вядро з вадою. Падрыхтаваў яго таксама загадзя: збоку, крыху вышэй донца, прабіў цвіком дзірачку і заткнуў зрэзаным пад конус белай гумкай (Made in Hungary, між іншым! — падарунак багатай маскоўскай цёткі). Заставалася дачакацца моманту, калі на праспекце будзе найбольш народу, — гадзіны пік.

Хвіліны чакання паўзлі страшэнна марудна, але

любая пакута калі-небудзь канчаецца. Зірнуўшы чарговы раз уніз, вырашыў, што большага наплыву людзей на скрыжаванні бадай не будзе, і асцярожна выняў гумку-затычку.

Тонкім струменьчыкам палілася вада. Хутка, хутка вядро пачне падымацца. Закалацілася сэрца. Лічыльнік уключаны. Час ратавацца! Кінуўся ўніз. «З месца гістарычных падзей пажадана знікаць як мага хутчэй», — разважаў, лічачы адначасова і прыступкі (па чатыры), і довады на карысць таго, што трэба спешна ўцякаць.

Першы.

Калі зловяць, дык ніхто пра героя-адзіночку нават не пачуе. Не даведаецца пра цябе яе вялікасць Гісторыя. Застанешся ты ў ёй цёмнаю плямаю — замест таго, каб стаць ахвярай дэспатызму, барацьбітом за святую справу (зноў іхняя лексіка — во як затлумілі мазгі!). Тут табе не кіно, гэта — жыццё.

Другі.

Будуць біць (не самі, вядома, знойдуць ахвотнікаў, дрэнь якую-небудзь, зэкаўскую брудную поскудзь). Чаго добрага, зробіць інвалідам. І да самае смерці ты застанешся прыкаваным да ложка. А табе гэта трэба?

Трэці.

Забудзь пра далейшую вучобу. Якая вучоба ў калоніі для непаўналетніх злачынцаў пад сціплай назвай — СпецПТВ?

Ёсць і іншыя прычыны, па якіх непажадана трапляць у лапы нашчадкаў Фелікса, але ўсё ўзяць пад увагу або падлічыць немажліва. Наогул, апынуўся

ўнізе, на рагу вуліцы Леніна і ягонага ж імя праспекта (ну няма ў нас сваіх, вартых павагі герояў!), я, як просты савецкі чалавек, сціплы вучань 8 «б» класа звычайнай мінскай трынаццатай СШ, паспяшаўся зліцца з узбуджаным натоўпам, гэта значыць — з масай. Разам з іншымі спрабаваў лавіць лістоўкі, што падалі з неба. І нават адну ўхапіў. Тэкст, само сабою, ведаў на памяць, але прачытаў яшчэ раз з задавальненнем (не ўголас, вядома, а сам сабе, як гэта рабілі ўсе, каго ашчаслівіў):

«Дарагія суайчыннікі! За пяцьдзесят пяць гадоў знаходжання ва ўладзе бальшавіцкі рэжым выявіў сваю поўную няздатнасць. Узровень жыцця людзей у краіне несупастаўляльны з узроўнем жыцця шараговага заходняга чалавека. Людзі пазбаўлены элементарных свабод, краіна ахінута жалезнай заслонаю. І пастаўлена яна не для абароны ад знешніх ворагаў. Заслона патрэбна дыктатарскаму рэжыму для поўнай ізаляцыі грамадства, каб народ не ведаў сапраўднай, праўдзівай інфармацыі і працягваў жыць і працаваць за бохан хлеба і кавалак каўбасы. Мы павінны разарваць ланцугі, якія робяць чалавека вязнем, рабом, жывёлінай...».

Прачытаў і — пад лыжачкаю засмактала. Ото ўжо нахапаўся слоўцаў з розных «галасоў». Дагуляюся, ой дагуляюся! Трэба змывацца. За такія тэксты, калі зловяць, і сапраўды мала не будзе.

Шпаркім крокам перайшоў вуліцу, падбег да прыпынку. Хутчэй бы «двойка» пад'ехала... Стоп! На тра-

лейбус, што ідзе проста да дома, сядачь няварта. Канспірацыя — адзін са складнікаў поспеху падпольшчыка, ягоны шанц уцячы ад шакалаў, надзеленых уладаю. А таго, хто такое ўчыніў, злавіць і адпаведна пакараць пастараюцца напэўна. Усю «кадэбэшную» арду кінуць на пошукі. І мянтоў падымуць, і дружыннікаў падключаць, і дворнікаў апытаюць, і яшчэ чорт ведае каго прыцягнуць да палявання на паслугача імперыялізму. Адным словам, пару прыпынкаў прайду пешкі, пасля сяду на трыццаць сёмы аўтобус, што зварочвае за квартал ад майго дома, а потым — зноў на сваіх дваіх. Заадно і ад хваста (а раптам ужо селі?) пазбаўлюся.

Сказана — зроблена. Сам здзівіўся, як хутка дабраўся да свайго двара. Схаваўся за альтанкаю: думаў, што рабіць далей. Дадому — нельга. Там могуць быць госці. Тыя самыя, нязваныя. Зашчымела сэрца. Не ўжо, дудкі, пачакаем. Без пятнаццаці пяць. Хутка мама з працы вернецца. Там пабачым...

«Нарэшце! — устрапянуўся, згледзеўшы, як маці напасткі ішла праз двор. — Зайшла ў пад'езд, зараз пакліча», — пракаментываў, злавіўшы сябе на тым, што гэтак жа сама, пэўна, аданіў бы сітуацыю і «наружнік» контрразведкі. Вось яно, вясёлае жыццё «нелегала».

Праз хвіліну з балкона пачулася:

— Дзіма, ты дзе? Ідзі дадому!

Адразу з-за альтанкі не выйшаў: раптам у мамы за спіною хто-небудзь хаваецца. Пачакаў: нікога.

— Я тут. Што здарылася? — паказаўся са свайой схованкі.

— Ты зноў нічога не еў! Дзеля чаго я ўвесь ранак ля пліты стаю? Зараз жа за стол!

Мая клапацлівая добрая мама! Адно і турбуетца, каб сын не быў галодны. І абавязкова ўсім суседзям паведаміць, што я вярнуўся.

— Іду, іду, падымаюся, — прамармытаў таропка.

Заходзіў у кватэру і ўсё яшчэ хваляваўся, гадаў — высачылі ці не? Агледзеўся: сапраўды нікога, адна мама. Здаецца, усё ціха. Што ж, можна і перакусіць.

Павячэраўшы, узяўся за ўрокі. Вучыў, быццам намагаўся за вечар вызубрыць усю гадавую праграму. Што, калі і праўда ў мяне не будзе гэтага года?

З трывожнымі думкамі лёг спаць. Стомленасць усё ж узяла верх над хваляваннем, і неўзабаве сон змарыў мяне.

Прачнуўся сам. Упершыню. У школу заўсёды будзіла мама, але ў пяць раніцы, як тым разам, яна, вядома, і сама яшчэ спала. «Не шумець», — загадаў сабе і, асцярожна ступаючы, прайшоў на кухню. Уключыў радыёпрыёмнік. Знайшоў патрэбную хвалю. Ага, вось яно: «Вы слухаеце радыё «Свабода». Перадаём апошнія навіны». Нечакана сярод іншага прагучала: «Учора каля семнаццаці гадзін у цэнтры Мінска, калі людзі вярталіся з працы, невядомыя змагары з таталітарным рэжымам раскідалі некалькі соцень лістовак з заклікам да звяржэння існуючага ладу...»

«Ужо ведаюць, на ўвесь свет перадалі», — міжвольна ўсміхнуўся я з радасцю і гонарам. Павесялеў, акрыяў духам. Здавалася, адарваўся ад зямлі

і лунаю ў нябёсах. «Перамога! — крычаў ува мне радасны голас. — Ты зрабіў свой выбар, адкінуў прэч баязлівасць, пазбавіўся ад путаў. Цяпер ты павінен...»

— Ага, цяпер я павінен бегчы, уцякаць без аглядкі, інакш...

«А куды? — астудзіў мяне той самы ўнутраны, але ўжо нярадасны голас. — Уцякаць няма куды. Навокал — сцяна, мяжа, памежнікі, аўтаматы...»

Рыпнулі дзверы. Мама! Напэўна, я дужа хваляваўся і гаварыў уголос.

— Зноў за сваё? — падышла да мяне. — Зараз жа выключы прыёмнік. Трасца б таму дзеду! Падарыў любімаму ўнуку на маю галаву гэтую праклятую цацку. Ні днём, ні ноччу спакою няма. Ідзі кладзіся! Ноч яшчэ...

Заснуць, вядома ж, я не мог, не да сну было. Як там казалі? «Невядомыя змагары з таталітарным рэжымам»? Так, гэта цяпер, бадай, галоўнае — застацца невядомым. У салодкіх развагах пра сваё геройства пракідаўся ў ложку да ранку...

У клас зайшоў, як заходзіць навічок. Усё выдавала незнаёмым, усё нібы бачыў упершыню. Ці гэта пасля ўчарашняга вочы па-іншаму на свет глядзелі? Быццам нанова нарадзіўся. Дзіва дый годзе!

Урок пачаўся з нечаканасці. Не паспела настаўніца аб'явіць вынік кантрольнай работы за чвэрць, як адчыніліся дзверы. Дырэктар! За ім зайшоў высокі, стрыжаны амаль пад «нуль» мужчына ў цёмным доўгім плашчы. «Ходзіць па школе ў верхнім адзенні, — адзначыў я, — і дырэктар на такое неда-

пушчальнае, як сам бы сказаў, парушэнне не рэагуе. За якія заслугі стрыжанаму такія прывілеі?»

— Тамара Канстанцінаўна, у вас зараз што па плане? — спытаў дырэктар, чамусьці бегаючы вачыма па класе.

— Разбор кантрольнай за чвэрць, — занепакоілася настаўніца. — Што-небудзь здарылася?

Дырэктар павярнуўся і запытальна паглядзеў на чалавека ў плашчы. Той злёгка пахітаў галавою.

— Ды не, — супакоіў дырэктар, — нам няма куды спяшацца. Зойдзем пасля урока. Трэба абмеркаваць адно пытанне. Дакладней — атрымаць адказ... Не адпускайце пасля ўрока вучняў, калі ласка.

«Каму — трэба? — захваляваўся я. — Дырэктару ці таму, каторы з ім? А што за ён? — задрыжэлі ў мяне рукі. — Усё правільна, гэта шпik. Учора яны ўзялі след, а сёння знайшлі таго, каго шукалі. «Кадэбэшнікі» ў сваёй справе дападных. За ноч вылічылі. Але як? Гэта, відаць, назаўсёды застанецца таямніцай. Што рабіць? Папрасіцца ў прыбіральню і ўцячы?» — «Зноў ты за сваё, — азваўся голас. — Сам жа казаў — няма куды...» Правільна. Значыць, застаецца адно: строіць з сябе дурня. Маўляў, нічога не знаю, мая хата з краю, сядзеў дома, вучыў урокі, пасля чытаў «Айвенга» Вальтэра Скота, калі трэба — магу змест пераказаць... Пра Буніна, мабыць, прамаўчу — ён жа амаль мой хаўруснік. Адаб'юся, што-небудзь прыдумаю. Бязвыхадных сітуацый не бывае, — падбадзёраў я сябе. — Як-небудзь вырвуся з пасткі. Саскочу з небяспечных арэляў...»

Так, я апынуўся на арэлях. На вагах Феміды. Над бяздоннем. Чыя возьме? Хто пераважыць? Што? Іхні вопыт, прафесіяналізм, вытрымка або мая маладосць, адчайнасць, вера ў перамогу справядлівасці?..

Я чакаў і слухаў стук свайго сэрца. Яно пакуль яшчэ білася...

Дзень «ікс»

Адны ідуць займацца дзюдо, каб стаць чэмпіёнамі. Другія ставяць перад сабой задачы больш сціплыя: стаць дужэйшым, спрытнейшым, больш упэўненым. Трэція спадзяюцца паправіць здароўе.

У мяне жаданне заняцца дзюдо ўзнікла з боязі трапіць у бойку. Я ніколі не любіў кулачнага вырашэння пытанняў. І не таму, што быў, як кажуць, духоўным і фізічным слабаком. Проста ў маёй свядомасці існаваў своеасаблівы тормаз: ты не маеш права падняць руку на іншага чалавека, а тым болей — ганарыцца гэтым.

У выніку я часцяком прыходзіў дамоў біты, а тып, што ўпрыгожыў мой твар сінякамі, на два-тры гады старэйшы за мяне, — з аднакласнікамі кулачных канфліктаў не ўзнікала, — сядзеў у дваровай альтанцы і хваліўся, як заехаў салагу з левай, пасля дадаў з правай, а тады нагою, нагою...

З кім такое здаралася, той ведае, наколькі гэта цяжка і крыўдна! А што казаць пра таго, хто быў выхаваны на творах Вальтэра Скота і Фенімора Купера!

Я зачыняўся ад мамы ў ванным пакоі, адкручваю кран, каб шумела вада, і заліваюся слязьмі. Сэрца разрывалася. Я праклінаў сваю недарэчную стрыманасць. Лупіў сябе па размаляваным сінякамі твары. Думаў пра самазабойства. Здавалася, іншага выйсця няма.

Але аднойчы, пасля чарговай сутычкі са звычайным зыходам, я не пайшоў дадому, а падаўся абы-куды па шпалах дзіцячай чыгункі. Забрыў на недабудаваны, без трыбун, студэнцкі стадыён.

Чацвёрта вясёлых хлопцаў ганяліся адзін за адным па полі, выконвалі нейкія складаныя практыкаванні, выкрыквалі незразумелыя словы. Смяяліся.

Адзін з іх падышоў да ўкапанай побач з беговою дарожкаю лаўкі — хацеў нешта узяць з сумкі. Як зпад зямлі вырасла перад ім купка курцоў — касцяк і цвет раённай шпаны. Хлопец выцер рукавом «масцеркі» пот з твару, ветліва ўсміхнуўся і сказаў:

— Дарма вы, хлопцы, здароўя не шануеце. А калі ўжо гэтак не церпіцца ў магілу, дык хоць бы адышліся ад стадыёна метраў на сто, каб дымок паспяваў рассеяцца. А наогул, ішлі б дахаты — там якраз мульцікі паказваюць...

Я разавіў рот ад неспадзяванкі і, здаецца, перастаў дыхаць. Чакаў, што адкажуць некаранаваныя каралі раёна не вельмі пагляднаму белабрысаму хлопчыне. Мільганула ў галаве: «Няйначай адлупцююць, а то яшчэ і нагамі прыгладзяць. Шкада, смелы хлопец, ды курцоў — вунь колькі...»

На здзіўленне, нічога такога не адбылося. Задзіры-

забіякі штосьці мармыталі, няўцямна пацепвалі плячыма, зіркалі з-пад ілба і... усё!

Вось дык штука! Вось табе і каралі!

— Што, хлопцы, задумаліся? — ужо зусім нахабнічаў белабрысы. — Роднай мовы не разумеете?

А тыя моўчкі ківель-ківель — пасунуліся прэч.

— Чаго глядзіш? — нечакана загаварыў белабрысы да мяне. — Сябрукі твае? Не? А з тварам што? Маўчыш? Ясна, білі. І, па ўсім, ніштавата білі. Ну, нічога, не перажывай, хадзем да хлопцаў. Будзем твой лёс мяняць. Мой таксама калісьці змянілі. Хадзем, кажу, не бойся!

І я пайшоў...

Спатрэбілася два гады, а калі дакладна, семсот трыццаць сем дзён працы — да самазабыцця, з крывёю і потам, — каб пераламаць маю нерашучасць, боязь бойкі. Калі злавіў сябе на тым, што паспяваю адрэагаваць на ўдар спарынг-партнёра і галоўнай задачай робіцца падстрахоўка нападаючага, каб не скруціў сабе карак, ува мне раптам прапала, знікла генетычнае нежаданне даваць адпор, на сілу адказваць сілаю, ударам — на ўдар.

І аднойчы наступіў дзень «ікс».

Напярэдадні маладзёжнага чэмпіянату рэспублікі я спаткаў аднаго са сваіх былых крыўдзіцеляў. Дакладней, не зусім каб аднаго.

Людзі смелыя напасці на чалавека, ударыць яго толькі тады, калі ведаюць, што не атрымаюць адпору, застануцца беспакаранымі, не швэндаюцца па вуліцы ў адзіночку — яны заўсёды ў кампаніі такіх самых падонкаў.

Іх было трое.

Яны ішлі, сплёўваючы праз зубы, размахвалі рукамі, мацуюкаліся. Прахожыя абміналі небяспечную тройцу. А тыя — пасмейваліся! Гэтакая агідная ўхмылачка, подлая, садысцкая.

Убачылі мяне.

— О-о!

Узрадаваліся. Спыніліся. Рыхтаваліся.

Адзін, галоўны, сціскаў-расціскаў кулак — размінаўся. Другі, мой знаёмы, раздаваў «пасы» нагамі, відочна паказваючы, як ён па старой памяці будзе мяне біць. Трэці, адназначна слабейшы за сябрукоў, зняважліва засунуў рукі ў кішэні. Усміхнуўся. Шчарбата прысвіснуў:

— С-сцанюк!

Спачатку, як і некалі, я адчуў дрыжыкі, дыханне зрабілася перарывістым, але сэрца засталася на месцы. Успомніўшы, хто я (што ні кажу — чэмпіён сярод мінчан «да шаснаццаці») і хто яны (хуліганне, як называў іх сусед-пенсіянер), задушыў у сабе баязлівасць. Вырваў з сябе гадзіну. Скінуў пятлю з шыі. Выйграў першы раунд. Самы цяжкі — з самім сабою.

Я не звярнуў у бліжэйшы завулак, не перабег на другі бок вуліцы. Ішоў на іх спакойна і ўпэўнена, нават не прыкідваючы, што буду рабіць далей. Ведаў: у патрэбны момант хтосьці ўладна скажа «хаджыме!»*, і — бой пачнецца...

* Каманда пачынаць паядынак у некаторых відах усходніх адзінаборстваў.

Падонкі запынілі мяне эфектна. Калі я прайшоў міма, дзівячыся, што не чую чаго-небудзь кшталту: «Маляўка, прытармазі!», за спіною прагучала:

— Ну, шустры! Ты што, аслеп са страху? Назад, шчанюк! К назе! Рыссю!

Я зрабіў выгляд, што мяне гэта не тычыцца, загаду не выканаў, спакойна крочыў далей — даваў ім апошні шанц. Хлопцы яго не скарысталі. Што ж, гэта іх права.

Крыўдзіцель мой, ён жа «футбаліст», завішчаў:

— Ну, падла труслівая, зараз ты ў нас прытармозіш! На каленях папаўзеш! Зямлю грызці будзеш!

Добра, думаю, добра. Сасмяглыя — спатоляцца! І крутнуўся да ахвотнікаў пагутарыць на абстрактныя тэмы. Усе трое пёрлі ўжо на мяне, і давялося напружыцца.

Адскочыўшы ўправа, я зрабіў выкід угору левай нагою і трапіў «футбалісту» ў вуха. Не падрыхтаваны да такой сустрэчы, ён страціў раўнавагу, але паспеў ухапіцца за галоўнага. Той адштурхнуў сябрука назад, на мяне. «Футбаліст» размахнуўся і... тыцнуў кулаком у паветра. Інерцыя крутнула яго, ён апынуўся да мяне спінаю, і заставалася толькі скарыстаць тую самую інерцыю. Атрымаўшы дадатковага выпятка, «футбаліст» наляцеў на урну і заціх. «Нешта зусім не страшна, — пранеслася ў галаве. — Пайшлі далей...» Схапіўшы галоўнага за ногі, адарваў ад зямлі і шпурнуў на «футбаліста».

У гэты момант малое гадзянё заехала мне ў сківіцу з-за спіны кастэтам. Хруснулі зубы, было балюча, але —

не смяртэльна. Адначасна з разваротам я падчапіў яго аперкотам справа. Плюгавенькі пацук паляцеў да сваіх. Запішчаў, заплакаў.

Усё было скончана. Я не стаў дабіваць іх, выкіроўваць на правільнае жыццё, выхоўваць словам. Няхай самі рашаюць-думаюць, як быць далей. Калі ж да іх не дайшло і яны захочуць зладзіць матч-рэванш, дык — калі ласка. Заўсёды рады. Паядынкі з пэўнага часу я люблю.

І я пайшоў. Спяшаўся. Я ніколі не пазніўся на трэніроўкі. Не спазніўся і гэтым разам.

Наперадзе быў галоўны паядынак — з жыццём!

Трэцяя спроба

— Такім чынам, паўтараю, — павысіў голас нампаліт, — хто прыбязыць першы, атрымае прыз — дзесяць дзён водпуску. Дні праезду дадому і назад у лік не йдуць. Вы, думаю, за гэтыя паўгода пераканаліся: я вас ні разу не падмануў. І ты, Рашыд, калі будзеш першы, трапіш у сваю сонечную Туркменію. І ты, Віктар (з такім імем грэх не выйграць!), калі пастараешся, абдымеш бацькоў у родным Краснаярску. І ў Алега ёсць мажлівасць абрадаваць маму і ўвесь Акадэмгарадок пад Новасібірскам. І ў Леаніда з’явіцца шанц трапіць у свой далёкі бульбашны Мінск...

Леанід — гэта я, калі не карэнны, дык закаранелы беларус, якому выпала служыць у алтайскіх стэпах зусім выпадкова. У тую нешчаслівую суботу трэнер выдаваў замуж дачку і ў святочных клопатах забыўся, як было дамоўлена, забраць мяне з аблваенкамата. Нейкі час я выкручваўся: маўляў, спартсмен, барэц, чакаю прадстаўніка СКА ЧБВА*

* Спартыўны клуб арміі чырванасцяжнай Беларускай ваеннай акаругі.

і гэтак далей. Але на другі дзень правяральшчык з трыма вялікімі зоркамі на пагонах, натрапіўшы на «непарадак», абурыўся:

— Што за блатны адлежваецца? Выключэнне? Чэмпіён? Ану, у Сібір яго, няхай там пачэмпіёніць!

І паслаў мяне вялікі начальнік (няхай Бог аддзячыць таму палкоўніку сібірскім здароўем, каб ён яшчэ сто гадоў жыў і дзвесце поўзаў) у тыя мясціны, дзе нават самалёты, як НЛА, сустракаюць...

— Дык вось, удакладняю: прыз толькі адзін, — працягваў нампаліт. — Другое і трэцяе месцы не разыгрываюцца. Нагадаю яшчэ, што выйгрыш пераможцы — унікальны. Для нашай роты, як вы ведаеце, паняцця «водпуск» не існуе. У такую ўжо часць мы трапілі, невыязную, сакрэтную, — пашанцавала, адным словам... Цяпер — пра маршрут. Хто хоча, можа бегчы па дарозе — гэта недзе каля чатырнаццаці кіламетраў. Аматарам больш кароткіх дыстанцый раю рызыкнуць і ірвануць цераз поле — ці не напалову бліжэй будзе. Але гэта — вам вырашаць...

На маё здзіўленне, спаборнічаць за паездку дадому выстраіліся ўсе. Нават бурат з рускім імем Вася, закончаны наркаман з жоўтымі міргатлівымі вачыма, і ягоны сябар-алкаголік Пеця Кароткі (пра такіх кажучь: піць, курыць, хадзіць і гаварыць пачаў адначасова) прыладзіліся недзе ззаду.

Я вырашыў, што лепш бегчы па дарозе. Снегу амаль няма, у боты не наб’ецца. Кірзачы, праўда, цяжкататыя, затое замест анучаў, што вечна збіваюцца пад пяты, ногі грэлі прысланыя з дому цёплыя

шарсцяныя шкарпэткі. Што ж да вагі, дык яна ў абодвух выпадках — велічыня нязменная. У дадатак поле хавае яшчэ і загадку: а што там, пад снегам?

Адным словам, дарога!

Падумаў пра канкурэнтаў. Найбольшую небяспеку ўяўляе Алег з навасібірскага Акадэмагарадка, які таксама апынуўся тут выпадкова (а можа, гэта была тая самая выпадковасць, у якой праяўляецца заканамернасць?), чэмпіён вобласці па бегу на чатырыста і васемсот метраў. Далей ішоў футбаліст Віктар Пераверзеў, а за ім — прадстаўнік «таварыства сяброў Японіі», шустрачок з цяжкім для вымаўлення імем, якое я вечна забываў, як, дарэчы, не ўспомніў і цяпер, блатнаваты, вечна заклапочаны сваім здароўем баксёр з Уладзівастока. Астатнія сто салдацікаў, здаецца, застануцца статыстамі. Але — не будзем гадаць, пабачым...

— Раз-два, раз-два, — адлічваў я крокі, выроўніваючы дыханне. — Ма-ма? Так-так-так! До-ма? Так-так-так!

Беглася лёгка. Адразу ўдалося вырвацца наперад. Імчаў, а ў галаве стукала: раптам сілы на такі тэмп да канца дыстанцыі не хопіць? Астатнія не так шпарка пачалі, а сярод іх жа — чэмпіён Новасібірска...

«Начхаць, — адчайна адмахнуўся я ад гэтых думак, не замаруджваючы бегу. — Ма-ма! Так-так-так!»

Футбаліст Віктар, трапны бамбардзір, высланы трэнерам у стэп на перавыхаванне за непаслухмянасць, першы вырашыў, што поле яму больш роднае, чым заледзянелы асфальт. Трэба абавязкова перамагчы, каб апынуцца дома. Ён — адзін, а трэнераў — шмат.

Толькі б вырвацца, дацяць хоць да нейкай заняйданай каманды — там пакажа свае «мюлераўскія» ногі...

Ногі не вельмі грузлі ў снезе, і Віктар спадзяваўся, што так будзе і далей. Вось толькі чабан Рашыд сеў на хвост. Хоць, можа, яно і лепей: з чабаном у стэпе не заблудзіш...

Алег узначаліў і веў групу пагоні за «беларусам». Не хваляваўся: «Гэта не васьмісотка, — казаў сам сабе, — але і нахабнік наперадзе — не чэмпіён у ма-рафоне. Адседзімся, а там, перад казармамі, — ірванём! Спрынтэр я не апошні. У водпуск паеду не дадому, а ў Адлер, на ўключэнне ў зборную Саюза. Яшчэ паспею. Здохну, а ў тройку патраплю! Хопіць! Жарты скончыліся...»

Безыменны баксёр бег па дарозе, але неўзабаве спалохаўся блішчастага чорнага асфальту. Успомніў, як аднойчы паслізнуўся на рынгу і, падаючы, атрымаў важкі хук справа. Такі важкі, што пасля ліку «дзесяць!» яшчэ доўга лавіў зоркі са столі. З-за тых зорак цяпер і бяжыць.

І ён сігануў у поле, на што рашыліся толькі двое: футбаліст і прыліплы да яго, як цень, Рашыд.

«Азіят, вядома, спячэцца, — прыкінуў безыменны, — а футбаліст — ён жа не баксёр. Як там, на фінішы, будзе, — ніхто не ведае...»

Усе думалі пра перамогу, а нампаліта (ён ехаў на «Урале» за асноўнай групай) турбавала іншае: «Як выбіць у дывізіі абяцаныя пераможцу дзесяць дзён? Усё залежыць ад генерала-цесця, але той апошнім часам быў непрадказальны: затрымліваўся яго перавод у Заходнюю групу войск. Трэба нешта прыдумаць.

Хоць, зрэшты, мароз такі, што нават у машыне дастае, і ўсё выдае на тое, што ніхто наогул не дабяжыць да казармы. Вось і першыя здыхлякі галасуюць — у машыну просяцца. Можа, цесць не спатрэбіцца і прыдумваць нічога не давядзецца?»

Я зразумеў, што самае цяжкае — кожны чарговы глыток пякельна ледзянога паветра. Зразумеў гэта і арганізм, пайшоў мне насустрач. Горла, быццам апырсканае навакаінам, анямела і не перашкаджала дыханню. Група праследавання трымалася ўчэпіста, але дагнаць пакуль не спрабавала. «Можа, вытрываю да канца?» — спытаў-абнадзеіў сябе, робячы новы глыток.

«А беларус мацнейшы, чым здаваўся, — прыкідваў Алег. — Сноўдаўся па казарме, маркоціўся, усё пра нешта думаў, а тут прэ, як паравоз. Быццам падмянілі хлопца. Праблема з ім будзе. Але — хай! Галоўнае — захаваць сілы да фінішу. А пасля перамогі — у Крым!»

Баксёр бег услед за футбалістам. Адчуўшы, што той здае, дагнаў яго і, абыходзячы, крыкнуў: «Я!» Футбаліст зразумеў: «японец», які пакуль што ягоны саюзнік, дае яму мажлівасць перадыхнуць ад лідэрства, і кіўнуў галавою: «Давай!»

«Снег — не ледзяная дарога, тут меней шанцаў паслізнуцца», — падбадзёрваў сябе баксёр. Ён не заўважаў, што з кожным кіламетрам ногі грузлі ў снезе ўсё глыбей.

Мне здавалася, што лячу куляй, але, прыкінуўшы: пройдзена трэць дыстанцыі, а часу мінула болей за паўгадзіны, зразумеў — паўзу чарапахай. Аднак усвядоміў і іншае: у такі галалёд ды пры мінус сорок гэта гранічная для мяне хуткасць.

Раптоўна пацямнела. Тройца, што бегла полем, знікла. Як правалілася. У апошнія хвіліны яны відочна збавілі тэмп. Ралля пачалася ці прыняла іх чужая зямелька? Не! Пакуль што — не. Але — прыме. (Так, дарэчы, і было: забрала за два гады кожнага пятага з нас!)

Я бег. Бег, каб жыць. Бег хутчэй за ўсіх. Даганяў лёс...

Паказалася казарма. З боку поля ніхто не паяўляўся, мае праследвальнікі безнадзейна адсталі.

Я — першы.

Камандзір роты стаяў ля ўвахода і ўсміхаўся. «Глыкнуў», — здагадаўся я, падбягаючы. Цвярозы ён безупынна роў, як вар'ят.

— Ну што, спа-рт-смен, — сказаў праз ікоту, — перамог? Думаеш, так усё проста? Не, салдат. Сюрпрыз! Перамога твая не залічваецца. Глядзі! — Капітан вывеў з-за спіны руку і махнуў акуратна складзенымі анучамі. — Пад матрацам днявальны знайшоў! Малайчына днявальны. Зямляк твой, бульбаш, а — сумленны. Няйначай, у мамчыных шкарпэтках бег? Так? Не лепшае рашэнне прыняў, салдат. Парушэнне формы. І, значыць, парушэнне статуту. А што належыць парушальніку статуту? Толькі адно — гаўптвахта...

Так скончылася мая трэцяя за першыя паўгода службы-няволі спроба вырвацца з алтайскіх стэпаў на радзіму.

Вырвацца ўдасца з дванаццатай. Праз два гады і трыццаць чатыры дні.

Вырвацца — удасца, а вось дагнаць лёс — на жаль...

Хуткая дапамога

Я вярнуўся ўчора. Два гады не быў дома! Хваляваўся. Адчуваў, што зусім здзічэў, маршыруючы па бяскрайніх алтайскіх прасторах. Ноч спаў неспакойна. Прачнуўся пад абед. Апануўся за сорак секунд. Дакладней — за трыццаць восем. Прывычка.

«Дзікун, дзікун, дзікун, — вілося над галавою прыліплае ў сне слова. — Нічога, галоўнае — не адчайвацца, — спрабаваў я прагнаць яго. — Прарвёмся. Жыццё толькі пачынаецца. Трэба прайсціся, аддыхацца, акліматызавацца. Не сядзець, склаўшы рукі. Трэба ачомацца».

Выйшаў на вуліцу.

Лета. Цёпла. Навокал — беларусачкі. Прыгожыя, сокам налітыя і ганарлівыя ад усведамлення сваёй вабнасці.

Завёўся. Усміхнуўся. Спыніў адну. Папрасіў прабачэння. Культурна спытаў:

— Не падкажаце, колькі часу?

Пачуў нечакана рэзкае:

— Шэсць! Яшчэ пытанні?

Падумаў: «Адкуль такі холад?» — Адказаў сабе сам: «Усё правільна! Без гадзінніка — які ты кавалер, ухажор, джэнтльмен, абаронца?»

Першы блін камяком. Але ці трэба засмучацца? Усё нармальна. Пайшоў далей. Не маркоціўся не адчайваўся.

Пяшчотна звярнуўся да другой:

— Вы часам не ведаеце, як трапіць у цэнтр горада?

— А дзе вы знаходзіцеся?! — сыкнула яна з абурэннем. Быццам хацела дадаць: «Ну і лох!»

Працягваць гаворку не стаў. І так усё зразумела. Ну і няхай...

Набліжалася трэцяя (можа, пашанцуе — Бог любіць тройцу).

Набраўшыся вопыту, вырашыў быць разумнейшым. Паспрабаваў больш арыгінальны метад:

— Сумачка ваша, здаецца, не лёгкая. Дазвольце, дапамагу...

«У, бандзюга», — прачытаў у яе вачах.

Зразумеў: прапанова не геніяльная, зноў — міма. Але нервавацца не стаў. Пакінуў сілы для апошняй спробы.

Не спяшаўся. Чакаў выглядаў, выбіраў, спадзяваўся.

Ёсць! Звычайная, без адзінай адметнай рыскі. Шэранькая-шэранькая, просценькая-просценькая. Можа, хоць з гэтай нешта атрымаецца?

Зрабіў разумныя вочы.

— Даруйце, што турбую, — вочы яшчэ разумнейшыя, — але не магу не сказаць вам камплімент. У вас

вельмі добры густ. Адразу відаць, што гэтую сукенку вы шылі самі...

Адказ пачуў зусім не той, на які разлічваў.

— Дурань! — нечакана расплакалася шэранькая. Тыцнула мне кулачком у вока і дала дзёру, як чэмпіёнка алімпіяды па стометроўцы. Вось табе і шэранькая...

«Не мой дзень, — правёў яе ацалелым вокам, — не мой».

Апанавала скруха. Зажурыўся. Забрыў у парк. Знайшоў лавачку. Зламаную. На адной з ускраінных алей. Сеў.

Цішыня. Ніводнай прыгажуні. Ніводнай жывой душы. Алтай!

Задумаўся: «Так, я — дзікун, і нікуды ад гэтага не ўцячы. Скалечаны гены, структура, мозг». Перасохла ў роце. На вуснах — горыч. Заныла сэрца. Забілася, як пасаджаная ў клетку птушка. Ірвалася з грудзей. Ішло ў разнос. Зноў. Як на Алтаі.

Закружылася галава. Супраціўляўся. Спрабаваў дыхаць роўна. Не адпускала. Але яшчэ тое-сёе бачыў.

Убачыў яе. Падышла:

— Што з вамі? Вам бага? Вам памагчы?

— Дзякую, не турбуйцеся, — адказаў, але голасу свайго не пазнаў. Не той голас. Падумаў: «За секунду тры разы на «вы» звярнулася. Ветлівая». Папрасіў: — Калі можна, прысядзьце.

Паглядзела:

— Вы хто?

— Усё добра, — пасміхнуўся праз сілу. — Я свой, такі самы, адзін...

Зразумела. Паверыла. Прысела. Сцепанула плячыма. Зноў спытала трывожна:

— Мо выклікаць «хуткую»??

Я глядзеў на яе, прыгожую, чыстую, усхваляваную, спагадлівую. Абуджаўся. Вяртаўся дадому. Ачуньваў ад Алтая.

— Дзякуй. Не трэба. Мне лепей. Вы памаглі. Вельмі памаглі...

Я глядзеў ёй у вочы. У вочы каханай...

Балела загнанае ў стэпах сэрца.

Які я быў шчаслівы!

Жакей

Надвячоркам, перад тым, як пайсці з дому, Уладзімір, як правіла, клаўся перадыхнуць. Працуючы штодня да глыбокай ночы, ён увесь час недасыпаў. Дыскатэка была эксклюзіўная, дарагая, для крутых, але праграму рыхтаваў і веў Уладзімір адзін. Да стойнага дублёра знайсці не маглі, і шэф часам непакоіўся, што будзе, калі вядучы захварэе або з ім здарыцца што-небудзь іншае. Але Уладзімір не хварэў, на працу выходзіў, і праграма пад апладысменты старых наведвальнікаў пачыналася заўсёды своєчасова.

Тым днём, як часцяком і ў іншыя, пасля запісу са спадарожнікавай сістэмы зборкі апошніх шлягераў, стомленасць ад недасыпання ўзяла сваё. Ужо амаль машынальна ён аддаў суседу Лёву, які па звычай завядзёнцы зайшоў якраз у гэты час, перапісаць у сваю калекцыю падрыхтаваную для работы касету, і прылёг, не распранаючыся, на канапу.

Адключыўся Уладзімір адразу...

Ён не ведаў, што ветлівы да непрыстойнасці Лёва, адыходзячы, дзверы толькі прычыніў, і замок не заш-

чоўкнуўся. А Наталля ўкладвала малога спаць і суседа не праводзіла.

...Уладзімір знаходзіўся між сном і рэальнасцю. Нешта вострае калола ў живот. Гэта прымусіла расплюшчыць вочы, але сонная святломасць яшчэ супраціўлялася. Усё ж боль перамог, і ён ачуўся.

Спачатку Уладзіміру здавалася, што сон працягваецца. Хтосьці чорны, без твару, прыціскаў да яго жывата нож. Над галавой у гэткім жа маскардзе дыхаў другі. У руцэ ў яго быў рэвальвер. Уладзімір ніколі б не падумаў, што нацягнутыя на галаву калготкі могуць ператварыць чалавека ў нешта пачварнае, у монстра.

I

— Заб'ю! — прахрыпеў той, што прыставіў нож.

Другі, з «пушкай», дадаў:

— Ляжа-аць!

— Што за клаунада? — вымавіў Уладзімір, падымаючыся, але ўдар рэвальверам па галаве зноў паклаў яго на канапу.

Ён праваліўся ў цемру. Пырснулі і разбегліся іскры. Загарэліся зоркі. Сышліся ў кола. Успыхнула сонца. Асляпіла. Ён паволі паплыў па крузе. Не, не ён. Кружыліся сцены, столь, падлога. Хуткасць кружэння расла. Цела налівалася свінцом, набухала. Зараз яно лопне...

Уладзімір ачуўся на падлозе.

Двое ў чорным не зніклі. Але з'явіўся трэці, гэтакі ж блізнюк. Ён стаяў у праёме дзвярэй, мет-

ры за тры ад канапы, і трымаў Наташу за валасы. Да жончынай шыі другой рукою прыставіў нож. Лязо, пэўна, парэзала ўжо скуру, бо з-пад яго сачылася кроў. Перапалоханыя жончыны вочы засылі...

— Заб'ю! — паўтарыў той, з нажом.

З рэвальверам загадаў:

— Ляжы ціха! Пашкадуй яе, не торгайся. Мы ведаем, ты можаш...

Уладзімір не разумеў, што цяпер галоўнае — выйграць час, не рухацца. Хацеў агледзець пакой: колькі іх? Але не паспеў і павярнуцца, як зноўку атрымаў удар па разбітай, залітай крывёю галаве.

...Ноч, цішыня. Ён стаіць. Ногі тонучь у пяску. Пустыня. Міраж. З'явілася Наташа. Яна заводзіць знаёмую песню:

— Навошта табе такая праца? Я ж казала, папярэдзвала. Дабегаешся са сваімі касетаі і дыскамі. Давядуць цябе гэтыя рок-ідалы. Я адчувала... Цяпер усё...

Міраж знікае. Ён слепне. Зноў ноч. Успышка! Загарэўся экран. Пайшоў фільм. Чорна-белы. Зверху абрыньваецца вадаспад. Кадр спыняецца: нехта націснуў «паўзу». Карцінка распаўзлася. Экран страціў межы. Цяпер ён у кадры. Не, у жыцці. Яму зноў захацелася агледзецца, але ў свядомасці штосьці спрацавала, і ён не варухнуўся.

І тут пачуў:

— Вырадак! Ты ж заб'еш яго! Можа, ужо забіў!

Ва Уладзіміра здрыгануліся павекі.

Той заўважыў, усміхнуўся, выдыхнуў:

— Жывы?! Малаток! — І ўжо спакайней: — Сапраўды, такую прыгажуню нельга адну пакідаць. Добра? А-а? Добра... Цяпер вернемся да нашых бараноў. Усім будзе кайф, калі ты скажаш, дзе ляжаць «бабкі». «Капуста» ў цябе ёсць, мы ведаем, так што, жакей, не траць часу, не прымушай прас уключаць...

Уладзімір глядзеў на расплывістую чорную галаву, якая гаварыла ўсё гэта праз панчошу. І за час, пакуль яму тлумачылі, што да чаго, адчуў — ногі яму цяпер не памочнікі. «Як няма іх, — падумаў. — Палову цела страціў. Шанцаў вырвацца ўсё менш».

— Уставай. Толькі памалу, — загадала чорная галава.

Цела не слухалася. Памяць пра мінулы боль скавала яго. Бандыты зразумелі гэта і, узяўшы Уладзіміра пад рукі, пасадзілі. Руля рэвальвера перамясцілася ад галавы да шыі, нож — да рэбраў. Шанцаў вырвацца па-ранейшаму не было.

— Ну што, пайшлі? Паказвай, дзе «бабкі».

Яго прыўзнялі, спрабавалі паставіць на ногі.

— Ара, гэтая сука не хоча стаяць, — сказаў адзін з тых, што трымалі Уладзіміра. — Можа, вадой?

— Не. Пасадзіце, няхай перадыхне, падумае. Без ног ён не страшны.

Уладзіміра апусцілі на канапу.

«Далі сесці, добра. Гэта ўжо нешта», — прамільгнула ў свядомасці. Ён агледзеўся толькі вачыма: «Так, іх трое. У пакоі двое і адзін на кухні, трымае Наташу... Падонак застаўся з жонкаю?» Ірвануўся,

але нешта стрымала яго. Нож. Нож, што ціснуў між рэбрамі.

«А гэты з рэвальверам? Цяпер ён — злева. За ім — балкон. Адчынены. Шанц ёсць... Гэтага злева адшпурнуць паспею. Нож разане па скуры, але гэта дробязь...»

Цела яго сціснулася і, гатовае да скачка, павінна было ірвануцца, але карлік — верхавод тройкі — гэта адчуў: лязо праткнула скуру і ўвайшло ў цела.

— Так, дружа, бачу, ты не зразумеў. — Аус! — паклікаў ён, крыху павярнуўшыся ў бок кухні. — Прыгажуню прывязаў? Малаток! Ідзі сюды. Вазьмі коўдру і накінь на хлапца. Можа, тады да бацькі дойдзе...

«Божа, як я мог забыць. Сынок! Наташка яго ўкладвала, калі я засынаў. «Даганяй татку», — шаптала яму ў вушка...»

Цела Уладзіміра сцялася спружынаю, і тут жа ён адчуў, як лязо ўвайшло глыбей. Болю не было, але вырвацца стала немажліва. Нож ці не на трэць быў у ім.

Пачуліся ўсхліпы, і ён убачыў, як малюсенькія ножкі ўзняліся ўгору, заторгаліся.

«Усё, хопіць, — загадаў ён сабе. — Сынам рызыкаваць — не сабою...»

— Грошы ў шафе на верхняй паліцы злева.

Трэці выпатрашыў паліцу, пасля наступную — грошай не было.

Нервовы, з рэвальверам, размахнуўся, і пасля чарговага ўдару залітае крывёй цела ўпала перад дзіцячым ложкам.

Падаючы, Уладзімір пачуў «Ёсць!» і прыхапіў за сабою коўдру, што душыла сына.

...Цемень. Усё. Ён сваё ад'ездзіў. Адпрацаваў. Было шмат чаго. Можа, і сапраўды даволі? Ён жа бачыў столькі, што хапіла б на два, тры жыцці! Мажліва, і сапраўды ён выбраў ліміт у Бога?

«Ці так гэта?» — асмеліўся Уладзімір спытаць ва Усявышняга.

І тут яго ахапіла гарачыня. Зноў закружылася галава.

«Чаму гарачыня? Чаму не холад? Я ж павінен астываць! Чаму я адзін? Дзе Наташа, сыноч?»

— Божа, прашу цябе, калі яны там, забяры мяне да іх, — закрычаў ён у адчаі...

Ад крыку вярнулася свядомасць, мацней забілася сэрца, пачасцілася дыханне.

Расплюшчыліся вочы. Навокал усё белае. Агледзеўся. Кафля. Ён — у ваннай. Не памёр. Рукі... За рукі яго прывязалі да трубы, што ішла да ўмывальніка. Звязаны і ногі. Вуснаў не разняць. На іх — ліпкая стужка. Уладзімір прыслухаўся. Цішыня...

«Пакінулі жывым? — працягваў працаваць яго мозг. — Дарэмна...»

Дарэмна ён напружыўся — увесь боль ажыўшага цела абрынуўся на яго. Ён зноў ледзь не страціў прытомнасць.

«Асцярожна, — сказаў сабе, — асцярожна...»

«Думаць, думаць, не спаць», — загадваў яму розум, калі першыя спробы выблытацца з пасткі не ўдаліся.

Труба. Труба ідзе да зліву. Зліў новы, пластмасавы, ён проста пафарбаваны белай эмаллю разам з трубою.

Так, падцягнуць вяроўку да зліву і, упёршыся нагамі, ірвануць.

Паволі прыўстаў на калені. Вяроўка нацягнулася. Нешта трымала яе. Канец? Не, не канец. Гэта апошняе мацаванне трубы, самае слабае.

Уладзімір прыціснуўся спіною да зліву. Уявіў, што разб'яецца, і — ірвануў. Ён разумеў, што ўдарыцца галавой аб падлогу. Але гэта не палохала. Прадчуванне свабоды ўзяло верх над свядомасцю, і спыніць яго было немагчыма.

Падаючы, Уладзімір паспеў павярнуць галаву і тым самым уратаваў свой не вельмі моцны нос ад пералому. Адляцеў да дзвярэй. Націснуў на іх нагамі. Адчыніліся. Зноў прыслухаўся: па-ранейшаму ціха.

Рукі... Вяроўка рэзала цяпер не так моцна. Відаць, напружыўшыся, ён расцягнуў яе. Шанц ёсць.

Спрабуючы паслабіць вузел, рэзка заторгаў рукамі. Яны вызваліліся, але ня мелі пальцы. Час не за яго. Падванітоўвала. Ён пацягнуў больш моцную правую руку да сябе. Яна пралезла праз пугу, вырвалася на волю.

«Цяпер — ногі, — загадаў сабе Уладзімір, але ў галаве стаяў туман, і ён зразумеў, што вызваліцца не паспее. — Трэба спяшацца...»

І ён папоўз да кухні.

Жонку прывязалі да батарэі пад абедзенным столікам. Скручаная вяроўкамі і з клееным ротам, яна паглядала на яго застылымі ад жаху вачыма. Яе пакуты і боль выклікалі ў ім лютасць, нянавісць, адчай: «Падонкі, сволачы, гады!». Падпоўз бліжэй. Асцярож-

на зняў з яе вуснаў скотч. Нічога не сказаў, забыўся, што ўмее гаварыць. Сказала Наташа:

— О, Божа!

— Ціха, ціха, — супакойваў яе, хоць разумеў, што дарэмна. — Не глядзі, не трэба, не глядзі, — шаптаў, не разумеючы, што Наталля не заплюшчыць вачэй, бачачы яго акрываўленую галаву, грудзі, усё цела.

— Ты не памрэш, ты ніколі не памрэш, — ажыла нарэшце яна, адганяючы прэч думкі пра самае страшнае.

— Усё будзе добра, усё будзе добра, — гаварыў Уладзімір. Узяўшыся за стол, прыўзняўся. Сталовыя прыборы ляжалі ў шуфлядцы стала. Выняўшы нож, апусціўся на калені. Цьмяна бачачы, што робіць, разразаў на жончыных руках вяроўкі. Неўзабаве абмяк і заціх...

«Халаднавата. Шэра-салатавыя сцены. Жалезны ложкак. Палата? Так... Я ў бальніцы... — зразумеў Уладзімір. — Жывы...»

Пачуліся крокі. Адчыніліся дзверы. На парозе — двое. Але не тыя. Іншыя. У форме.

— Вы ачунялі? — набліжаючыся, спытаў адзін з іх. — Вельмі добра. Не хвалюйцеся, ваша жонка і дзіця жывыя. У іх усё нармальна. Яны ляжаць у гэтай самай бальніцы. Даруйце, што турбуем, але ж вы разумееце — час не чакае. Чым хутчэй мы сёе-тое выветлім, тым болей шанцаў затрымаць бандытаў.

Чамусьці не хацелася гаварыць, і Уладзімір заплюшчыў вочы.

— Вы што, таварышы, зусім здурнелі? — убег, абурана размахваючы рукамі, доктар. — Сястра на хвілінку па лекі выйшла, а вы тут як тут, пакой міліцыі з палаты зрабілі. Чалавека толькі-толькі з таго свету выцягнулі! Зараз жа пакіньце палату!

...Ноччу нячутна зайшла медсястра. Ubачыўшы, што Уладзімір ляжыць з расплюшчанымі вачыма, сказала:

— Даруйце, што турбую. Я толькі на секундачку. Я пазнала вас. Вы вядзеце начную дыскатэку ў кавярні, што непадалёк ад майго дома. Я некалькі разоў была там, і мне вельмі спадабалася. Адразу відаць, што працуеце вы шчыра, ад душы. Музыка толькі з пласцінак, відэа кожны раз новае. І голас, голас, які проста зараджае энергіяй. Душа быццам у неба адлятае. Я была на іншых дыскатэках — там зусім не тое. Вы ўжо даруйце, што патурбавала, але я хацела, каб вы ведалі...

— Дзякуй вам, цяпер ведаю. Яшчэ раз дзякуй.

— Ой, ды што вы! Гэта вам дзякуй! І яшчэ пра адно хачу вам сказаць... Папярэдзіць. Адзін з тых, што былі ў вас у палаце, відаць, старшы, перад адыходам загадаў другому застацца дзяжурыць. Цяпер ён спіць. Дык вось, адыходзячы, ён двойчы паўтарыў: «Галоўнае — даведайся, колькі грошай забралі. Калі сума вялікая, дык паспрабуй выведаць, адкуль яна ў яго. Распытай, дзе ўзяў «бабкі» на фінскі скураны плашч, японскія тэлекі з відзікам...»

«Ага, — думаў ён ужо пра сваё, — іх хвалюе толькі тое, што грошы не яны забралі, а бандыты. А якая

для мяне была б розніца? Нажом не рэзалі б? Рэвальверам бы не глушылі? Дык у іх іншыя цікавыя цацкі для гэтага самага ёсць...»

Чамусьці больш за ўсё было шкада повара, які ў кавярню прыходзіў вечарам, адпрацаваўшы змену ў заводскай сталоўцы. Ён апошні, дванаццаты, рашыўся аддаць на тое, каб прыдбаць новае абсталяванне, сабраныя за год працы грошы. Ён проста мроіў пра сваю піцэрыю...

І праз некалькі гадоў яна ў яго будзе.

Ужо бліжэй да заканчэння школы сыну спадабаецца гатаваць, і ён пойдзе да повара вучнем. Наташа плача, калі «яе хлопчык» пячэ нам што-небудзь смачненькае...

II

— Заб'ю! — прахрыпеў той, што прыставіў нож.

Другі, з «пушкай», дадаў:

— Ляжа-аць!

Рэзкім ударам левай Уладзімір адбіў руку з нажом і, развярнуўшыся, правай адкінуў бандыта, што трымаў рэвальвер, да балкона. Той галавой прабіў шкло дзвярэй, і адзін са шкляных аскепкаў упіўся яму ў горла.

Рука з нажом на долю секунды затрымалася ў паветры, быццам выбіраючы, куды ўдарыць. Гэтага Уладзіміру хапіла, каб садануць нападаўшаму ў пахвіну — нож торкнуўся ў край канапы. Прамы

правай у галаву аглушыў верхавода, але той паспеў крыкнуць:

— Сюды-ы!

Трэці скочыў на жакея ззаду. У гэтым была яго памылка: кідкі праз плячо ва Уладзіміра атрымліваліся лепш за ўсё. Наляцеўшы на тэлевізар, бандыт перавярнуў яго, ударыўся галавой аб сцяну і заціх.

«Цяпер — на кухню!» — пранеслася ў галаве.

Ён кінуўся да выхаду, але бандыт, які ўрос у балконныя дзверы, яшчэ дыхаў і — націснуў на курок. Першы стрэл прымусіў Уладзіміра спыніцца. Другі — страціць раўнавагу. Трэцяга ён ужо не пачуў. Аднак і той, што страляў, сканаў.

...Верхавод апрытомнеў, агледзеўся, узяў з рук памерлага рэвальвер, павярнуўся да тэлевізара і стрэліў у галаву трэцяму, што распластаўся перад ім. Вярнуўшыся на кухню, нагнуўся, схопіў за валасы жанчыну, прыўзняў, ткнуўшы ствол ёй у скронь, стрэліў.

У дзвярах азірнуўся:

— Наводчыку язык адрэжу, — даў сабе слова верхавод.

Дзіця ў ложку не плакала, як быццам разумела, што наперадзе ў яго ўсё жыццё, але змагацца за жыццё ў ім ён будзе адзін. І малы зберагаў сілы.

Праз чвэрць стагоддзя пра яго напішуць:

ПРАГРАМУ РЫХТАВАЎ І ВЁЎ УЛАДЗІМІР...

Самы Ніжні Тагіл

I

Ёсць такі горад на Паўднёвым Урале, Ніжні Тагіл называецца. Ціхі, трэба сказаць, гарадок, спакойны. Асабліва ўдзень. Але пра гэта — пазней.

Цёмна-шэрае з адценнем хакі зімовае неба Ніжняга Тагіла апоўдні падфарбоўвалася аранжава-блакітным ядавітым дымам, што поўз, як з цюбікаў, з комінаў шматлікіх заводаў, і тады яно нагадвала карціну, адзін позірк на якую выклікаў невясёлую думку-здагадку: на небе нас чакае не толькі рай — знайшлося там месцейка і для пекла. Заводы ўсе былі пільна патрэбныя краіне і, як зазвычай, строга сакрэтныя, такія, да прыкладу, як танкавы і іншыя, чый спецыялізацыі не памятаю, а хлусіць, ледзь ступіўшы на парог, не хочацца.

Аднойчы ў Ніжні Тагіл зазірнулі два шукальнікі прыгод, больш дакладна — удачы. Каб не вадзіць чытача за нос, скажам: удача для іх увасаблялася ў купюрах рознай вартасці, гэта значыць грашовыя

знакі. Тады, у пачатку дзевяностых, вядома ж, савецкія, але яшчэ не драўляныя.

Прыехалі шукальнікі цягніком. Сціпла гэтак прыехалі, без шуму. Ды, калі папраўдзе, шумець ім і не выпадала, бо здабыванне названага дэфіцытнага тавару не прымае мітусні і не мае патрэбы ў самарэкламе.

Дык вось гэтыя самыя шукальнікі-здабытчыкі выйшлі на прывакзальную плошчу. Адкуль ні вазьміся — таксі падрульвае, і кіроўца, вясёлы такі, проста сам Швейк-салдацік бравы, задаволены, па ўсім, сабою і жыццём сваім нябедным, усміхаецца і гаворыць («Клоун ды й толькі», — зазначыў я):

— Сядайце, паночкі даражэнькія, камандзіровачныя ці бізнесоўцы, нават не ведаю, як вашага брата цяпер велічаць. Калі ласка, загадвайце, куды вас даставіць. У нас тут такі расклад: налева пойдзеш — у інтэрнат патрапіш, у заводскі, гэта калі вы камандзіровачныя, направа — у гасцініцу сярэдняй рукі, дзе селяцца чаўнакі; прама паедзем — гэта ўжо са мною, у сэнсе, тады і я спатрэблюся, — у люкс-гатэль прыедзем. Што, паночкі даражэнькія, выбіраем? («Клоун і вершаплёт, цікавы суб'ект», — зрабіў я сабе яшчэ адну закладачку.)

— Нішто сабе ў вас гарадок, незвычайны, — азіраючыся па баках (яно й праўда, чаму гэта таксіст з усёй гурбы пасажыраў акурат нас выбраў?), сказаў загадкава мой сябрук Жэня Бендзераў. І, звяртаючыся да мяне, запытаў: — Ну што, стары, не будзем эканоміць на здароўі?

— Не будзем, — падтрымаў я аматара камфорту і павярнуўся да кіроўцы: — Давай, дарагі, паказвай свае палаты белакаменныя.

Таксіст-артыст, бы па камандзе, расхінуў набіты залатымі, яшчэ эсэсэсэраўскімі зубамі рот і, заззяўшы, як лямпачка Ільіча, задаволена выдыхнуў:

— Ваня паноў беларусаў як бачыш дамчыць. Усё будзе, як заўсёды... у сэнсе о'кэй! — хуценька дадаў ён, міргаючы вочкамі.

«Цікава, — не пераставаў здзіўляцца. — Выскаляецца ўвесь час, як блазан, а наконт «откуда дровишки» з ходу дапяў. Проста-такі знаток дыялектаў, мясцовы паліглот».

Люкс-гатэль паўстаў у выглядзе шэрага панельнага будынка, на якім паміж першым і другім паверхамі прарэджанымі літарамі гарэла-свяцілася шыльда. Калісьці, напэўна, на ёй можна было прачытаць назву ўстановы. Светлавая рэклама гатэля і рэстарана была няспраўная, відаць, ад такога даўняга часу, што яе не тое што адрамантаваць — выключыць не маглі ці забыліся. Затое люкс-нумары з двума студэнцкімі жалезнымі ложкамі, піянерскай фанернай тумбачкай, халодным душам, радыёкропкай, але без тэлефона і тэлевізара, у наяўнасці былі.

Пасялілі нас надзіва хутка, па-еўрапейску, як быццам чакалі даўно. Звярнула на сябе ўвагу і тое, што ў лепшым, як запэўніваў нас чарговы, ужо гасцінічны, клоун, люкс-гатэлі горада не заўважалася іншых, акрамя нас, прыезджых. Не было і мясцовых начнога лёту «матыліц». «Зрэшты, яшчэ не час», — прыйшлі

мы да высновы, зірнуўшы на дапатопны (калі меркаваць па чарнаце лаку) гадзіннік, што вісеў у фае.

Неўзабаве мы асвойталіся ў нумары, а яшчэ хвілін праз сорок я крычаў на Жэньку, які зачыніўся ў туалете-душы:

— Ты там заснуў ці што? Хлопцу з дарогі таксама апаласнуцца не шкодзіць, вагонны бруд змыць.

Прыняўшы ледзяны душ, мы быццам нанова нарадзіліся, і я дазволіў сабе заікнуцца наконт дзяўчатак.

— Спачатку падмацуемся, — запярэчыў Жэнька. У яго былі свае правілы адносна гэтага. — Здароўе перш за ўсё. Запомні, донжуан: арганізму патрэбны вітаміны, затым грошы і толькі потым крэслы (жыццёвыя выгоды, значыць) ці дзяўчаты — гэта ўжо на выбар.

«Табе, можа, і гэткая паслядоўнасць сыдзе, — падумаў я, — а хлопцу дзяўчаты перш-наперш. І ўвогуле, якія табе вітаміны без адпаведных капіталаў? Ды і адносна жыццёвых выгод без іх не разгонішся...»

Жэнька выставіў на стол усе прыпасы, што засталіся пасля трохдзённага падарожжа: бляшанку шпротаў (мэйд ін амаль за мяжою, гэта значыць у Прыбалтыцы), дзве камунарскія (чулі пра мінскую фабрыку «Камунарка»?) труфеліны, чвэртку хлеба і два памечаныя пролежнямі яблыкі. Яблычкі, заўважу, былі не звычайныя, а залатыя, бо купляліся ў цягніку ў спекулянта, а заадно і распаўсюджвальніка друку — той у дадатак яшчэ й газетамі падзарабляў (хацеў я сказаць пару ласкавых слоў таму крыхобору, але сябра мяне апырэдзіў: «Ты лепш бы не дзвесце пра-

цэнтаў накідваў, а, скажам, пятнаццаць, — даў Жэнька бясплатны ўрок самавуку дробнага бізнесу, — тады б не швэндаўся па вагонах днямі з адным вядзерцам. У інстытут табе трэба паступаць. Там розныя разумныя законы вывучаюць, напрыклад, аб пераходзе колькасці ў якасць».)

Прыкінуўшы спажывую вартасць вышэйпамянёных прадуктаў, мы зразумелі, што да раніцы на такім мізэры не пратрымаемся, і вырашылі наведаць мясцовы люкс-рэстаран. Там, глядзіш, і дзяўчаткі — лепш позна, чым ніколі — надорацца. (Заўважу для эканомных і нявопытных, што фінансава больш выгадна апошняе.)

Дзеля дзяўчатак мы апранулі ўсё лепшае з таго, што ўзялі з сабою на «прагулку па Дунаі» (Жэнькава прыдумка). А ўзялі мы з сабой, паслухаўшыся парад аднаго тутэйшага жыхара, які выступіў у ролі кансультанта, шмат чаго. І гэтаму шмат чаму многія пазайздросцілі б нават і сёння. Не, не так. Больш правільна будзе сказаць: асабліва сёння. Ну, ды гэта між іншым, — пара апісаць убор-прыкід малойчыкаў залётных.

На Жэньку былі чорныя скураныя, ці, як ён з понтам удакладняў, — лайкавыя, штаны ад «Karden», італьянская байка з цёмна-вішнёвага атласу, замшавы шэры жакет і іспанскія чаравікі колеру дзіцячай нечаканасці (тым годам надзвычай моднага).

Я апрануўся больш сціпла: шакаладны касцюм англійскай фірмы «BHS», светлая кашуля ў буйную клетку, чаравікі мала каму вядомай тады (во цёмныя былі!) «Salamander».

Тандэмчык выйшаў неблагі: бландзін з брунетам у апратках на любы густ. Скажам так: хлопцы да бою гатовы! Але ў свядомасці чамусьці круцілася не надта вясёлая рыфмачка: надзелі, што мелі, і ўсё ж праляцелі. Такі вось вершык прыклеіўся. Думаеце, падказка зверху? На жаль, нічагуткі мы не ведалі.

Спусціліся ў рэстаран красунчыкі (вось і не вазьму ў двухоссе!) недзе а палове восьмай, але незаняты столік быў толькі адзін, ды й той у куточку («Адсюль цяжжавата будзе дзяўчатак выглядваць», — адзначыў я адразу) і з таблічкай «Заказаны». Запыніўшыся ў цэнтры залы, мы яшчэ раз агледзеліся, хітнулі па крутому галовамі: ніводнага прасвету. На няма і суду няма, і Жэня прапанаваў:

— Што ж, атаварымся на кухні і — у нумар. Перакусім і баю-бай. Ляжам раней. На досвітку ўставаць: разведка боем. Магазінаў тут, здаецца, няшмат, але таварчык, мяркую, будзе ў тэму. Сам ведаеш, як яно водзіцца: таго, што ў іх на складах гніе, у нас днём з агнём не знойдзеш. А тутэйшых дзяўчатак яшчэ паспееш шампанскім пачаставаць. Дый ці п'юць тутэйшыя «Абраў-дзюрсо»? Твае мінскія звычкі тут, як мне здаецца, пажадана забыць. Сітуацыя ў гэтым Кітаі нейкая... Не ведаю нават, як сказаць... нервовая, ці што. Чуе маё сэрца, што яшчэ не вечар.

І ўгадаў. Па дарозе на кухню нас запыніў якісьці бойкі хлопец і, усміхаючыся (ну зусім не Ніжні Тагіл, а — урастаматолагам! — Галівуд), спытаў:

— Панове, а што ж вы за свой столік не сядзеце?

— За свой столік? — адначасова вырвалася ў нас у абодвух. — А-а, так-так, — працягваў ужо адзін Жэнька. — Дзяжурная па паверсе вам пазваніла, напэўна?

— Само сабою, Вольга Васільеўна нам усё перадала. Так і сказала: «Новенькім хлопцам забраніруйце столік і, каб ніхто не замінаў, дзе-небудзь у куточку...» («Выходзь на новенькага», — пранеслася ў мяне ў галаве, — не дарэмна, напэўна).

— Цікавая ініцыятыва з боку дзяжурнай па паверсе, вопытная, аднак, дзяжурная, — шапнуў Жэнька мне ў вуха.

Бойкі хлопец прыняў са століка таблічку, і мы селі на забраніраваныя месцы.

Афіцыянтцы нас даручылі маладой, сімпатычнай, і Жэнька, убачыўшы яе, адрэагаваў з ходу:

— Як запасны варыянт — нішто сабе, сыдзе.

«Запасны варыянт» аказаўся дзяўчынай вельмі рухавай, шустрой і кемлівай — яна відочна прэтэндавала на тое, каб перайсці ў асноўны.

Падаўшы чарговую страву, Люда-Людачка затрымлівалася ля нашага століка, выслухоўвала Жэнькавы досціпы наконт мясцовых жартаўнікоў-таксістаў, абшарпанных люкс-нумароў («Так, не Парыж», — пагаджалася яна) і іншых тутэйшых адметнасцяў. Неўзабаве Жэнька з «самай прыгожай на Урале» (во пайшоў кампліменты шпурляць, а гаварыў — «вітаміны») быў ужо на «ты» і, як пасля высветлілася, пастараўся не дарэмна.

За гадзіну мы расквіталіся са «сталічнай» салатай натуральнай у такіх установах якасці (гэта значыць — не адразу, як з'ясі, бяжы ў туалет), з падобным на

халадзец з ног пярэстаркі-свінні (у дзяцінстве я аднойчы такім аб'еўся) курыным заліўным і разбавілі ўсё гэта «Белым буслом», які, надзіў, прынеслі неадкаркаваным.

У хуткім часе наведвальнікі (і мы, на жаль, таксама) пачалі п'янець, але, акрамя ўсё больш частага мату, нас асабліва нішто не занепакоіла. І дарма.

«Бусел» затуманіў вочы, і мы забыліся «прабіць» публіку. А між тым набліжаўся момант, які я не забуду ніколі, хоць бы таму ўжо, што ён адразу паставіў пад сумненне эпітэт «ціхі» ў дачыненні да нашага месцазнаходжання.

Група музыкаў (таксама эстэтаў: усё «не гони лошадей» ды «не гони...») пайшла перадыхнуць, і амаль адразу ж сярод запанаваўшай цішыні пачуўся дзікі лямант:

— Сёння я вам зладжу, б..., вечар! Сёння вы ў мяне пакуляецеся! Я — Міна-ай! Забыліся? Устаць, сукі!

Жэнька падавіўся фрагментам таго, што ў меню значылася як гуляш, і, кхэкаючы, схапіў шклянку з ліманадам — запіць.

Крык узвіўся ў мяне за спінаю і нагадаў, што там, ззаду, знаходзіцца сцэна: магчыма, пачаўся нейкі авангардысцкі спектакль. Але інтуіцыя падказала: не, дружа, гэта не спектакль, гэта — жыццё. Жыццё, якое пачынаецца ў «ціхім» горадзе разам з надыходам цемнаты. Цёмнае такое жыццё, змрочнае. Тайга, адным словам.

— Ай-я-яй! Ахранеў народ! Міная забылі?! А Мінай сёння рэзаць будзе ахранелых! Ох, будзе! — І маларослы,

моцна збіты неандэрталец гадоў трыццаці, са шмат разоў парэзаным тварам, які спалучыў у сабе неспалучальныя ленінскі лоб і мангольскія вочкі («Відавочны шызафрэнік, — мільганула ў мяне ў галаве, — прытым закончаны»), усхапіўся з крэсла і ўскочыў на стол. Апошняе, павярнуўшыся, я ўжо не толькі чуў, але і бачыў.

Недарэзаны прыжмурыў і без таго амаль нябачныя вочкі, і яны нібы зніклі. Сабачая морда ператварылася ў пацучыную і, не адкрыўшы, а скрывіўшы рот, адпрацаваным фальцэтам завішчэла:

— Б... буду — не забуду!

Схапіўшы бутэльку шампанскага, недарэзаны з размаху агрэў суседа па галаве.

— Я — Мінай! — неслася ўслед стрыжанаму пад нуль хлопцу, які потырч кульнуўся з крэсла. — Ты ўсёк, вырадак, на каго зекры лупіш? Усіх прырэжу! — не мог ніяк супакоіцца недарэзаны, накручваючы сябе ўсё больш і больш. Спружыністы, трэба сказаць, быў, жвавы.

Па шчацэ хлопца, які зваліўся з крэсла, цякла кроў, і, паторгаўшыся крыху на падлозе, ён заціх. «Хутчэй за ўсё страціў прытомнасць, — адзначыў я. — Калі зараз жа не аказаць яму дапамогу, можа загнуцца».

Аднак выгляд крыві толькі ўзбадзёрыў Міная.

— А ты, падла, чаго вылупіўся? — гыркнуў ён на мужчыну-бугая за суседнім столікам. — З'еш і ты, вырадак! — і ўсадзіў мужыку ў грудзі нож, які толькі цяпер з'явіўся ў яго руцэ. — На! Атрымай! Атрымай! — вішчэў Мінай, раз-пораз вырываючы нож і наносячы новыя удары. — Хто яшчэ захацеў? — павярнуўся нарэшце да залы.

Зараз, прыгадваючы той момант, разумееш, што Мінай быў сапраўдным бандытам, даперабудовачным, не раўня цяперашнім: за проста так мог зарэзаць. Цяперашнія самі табе «штуку» дадуць, каб нож ад іх далей прыбралі. Які там нож, калі ты катаешся ў новенькай «бээмвусе» і не хочаш змяніць яе на мян-тоўскі «ўазік»!

Кроў з нажа пырснула на дзяўчатак за суседнім столікам і, асіліўшы гіпноз, яны нарэшце закрычалі (праўда, як нам падалося, не на поўную сілу).

Мінай быў хлопец спрытны, але ўхіліцца ад бутэлькі, якая ляцела ў яго ззаду, не змог: ён проста яе не бачыў. Бутэлька была запушчана кімсьці дасведчаным у кіданні. Пацэліла дакладна ў патыліцу і не як-небудзь наўскося, а самым донцам. Мінай паваліўся на суседні, злева ад нашага, стол, за якім раўлі дзяўчаткі, і, перакаціўшыся, распластаўся ля нашых ног.

«Выдаткі вытворчасці», — падсумаваў я сам сабе.

Але Мінай не быў бы Мінаем, калі б вось гэтак проста ўзяў ды сканаў. Нож у ягонай руцэ заварушыўся, і, ачуняўшы, неандэрталец кінуўся міма нас у той бок, адкуль прыляцела бутэлька. Па ўсім, ведаў, хто мог на гэта рашыцца. І праўда, хто?

Замітусілася-забегала і астатняя «высокая» публіка. Услед за Мінаем рынуліся два-тры яго хаўруснікі, гэтка ж манголападобныя галавасцікі (не такі ўжо й рэдкі гібрыд, аказваецца). З другога канца залы за імі спяшаліся чалавек пяць асоб «каўказскай нацыянальнасці». У руках у іх былі ланцугі.

— Пазнаю, нарэшце-такі, наш рэстаранчык, — спайна выстаўляла на стол сімпатычная Люда заказаную Жэнем рыбу. — Класны спектакль убачыце. Зрэшты, — дадала яна, — ён ідзе тут штодня.

Рэстаран быў вялікі, а столікаў не так і шмат — месца для гладыятарскіх забавак хапала. І неўзабаве па зале з крыкамі насіліся ўсе, акрамя нас і гасцей за суседнім (справа ад нашага) столікам — чатырох дзяўчатак і зграбнага хлопца ў «адзідасе», пад якім ля пояса ўгадвалася нешта больш сур'ёзнае, чым усе гэтыя нажы, ланцугі ды кастэты. Па-за пабоішчам заставаўся толькі наш астравок, і гэта падказвала, што лепш не выпрабоўваць лёс, сядзець ціха, не варушыцца. Жэня ад сюрпрызаў такіх анямеў і застыў, як правадыр пралетарыяту на якой-небудзь з плошчаў калісьці велізарнай, а цяпер зніклай краіны.

— Слухай, мы што, у непрабіўным полі сядзім? І на самай справе забраніраваныя? — ачуўшыся ад наслання, спытаўся я ў сябра. — І што б гэта, ты думаеш, значыла?

Нічога ён не думаў. Ды й ці можна пра што-небудзь думаць у сітуацыі, калі стук сэрца ў галаве адгукаецца?

— Вас на дэсерт пакінулі, — пачуў я ззаду ціхі голас нашай Людачкі, і да мяне дайшло: «Нас аберагаюць, як тых адабраных на забой бараноў, адкормліваюць...»

«Між сабой разбірайцеся, а лохаў маіх не чапайце», — мяркую, нешта такое сказаў той, у «адзідасе», тутэйшым адмарозкам. Здаецца, і «пушка» тут

была толькі ў яго, астатнія так, шушамець, хіба што парэзаць могуць. Праўда, рэжуць тут дык рэжуць. Але субардынацыя, скажу вам, — узорная. І гэта добра. Значыць, галоўнае — пад аховаю «адзідасніка» сысці ад адмарозкаў, а пасля і ад самога абаронцы, таксама, напэўна, аматара і калекцыянера розных купюраў... «Асабліва чужых», — давязваў я ланцужок, бегаючы вачыма па зале.

А на авансцэне-арэне валтузілася чалавек шэсцьдзсят. Дзяўчаткі, быццам па камандзе, выстраіліся ўздоўж сцен, вокнаў, дзвярэй. Некаторыя паспелі закурыць. Шустрыя! З дзесятак гладыятараў ужо ляжала на падлозе, калі «адзідаснік», высунуўшыся ў акно, даў адмашку мянтам, што стаялі на вуліцы, і тыя нарэшце заўважылі непарадак.

У залу ўбегла брыгада (дваццаць-трыццаць братоў-блізнюкоў) і рукамі, нагамі, дубінкамі амаль імгненна паклала на бетонную падлогу ўсіх, што заставаліся на нагах, наведвальнікаў. Ubачыўшы, як двое мянтоў валакуць за ногі ўжо без адзнакаў жыцця Міная, я зразумеў, што неўзабаве ў гэтай зале застануцца толькі ганаровыя госці: мы і каманда «адзідасніка». Нам, магчыма, улічваючы маральныя выдаткі, дазваляць не разлічвацца за вячэру, але заплаціць за ўратаваныя жыцці давядзецца. Больш дакладна, аддаць усё: не той выпадак, каб капейкі лічыць. Жэня, бачачы, што сталы, нажы і людзі па зале больш не лягаюць, крыху супакоіўся (сядзеў ён да «адзідасніка» спіною) і падсунуў да сябе талерку з рыбай (адно слова — Жэня).

— Фільм жахаў, — сказаў не сваім голасам. — Таранціна адпачывае. Га-а?

Для мяне жыццё было даражэй, чым смажаны карп, і я, махнуўшы Людачцы рукою, хуценька пашыбаваў да яе ў бок кухні. Трэба было нешта рабіць, неяк дзейнічаць.

«Адзідаснік», здаецца, заўважыў мае торганні, прыўстаў, але, прасачыўшы, куды я пайшоў, і скеміўшы, што Жэня застаўся ў яго ў заложніках, зноў апусціўся на крэсла. Так я й ведаў: пры мянтах засвечвацца, паказваць, што ў яго ёсць нейкі інтэрас да нас, ён не стане. У дадатак у яго былі і іншыя турботы. Мяркую, што фразу «вы бачылі забітага апошнім», звернутую да сябе, ён не хацеў бы пачуць нават ад сяброў. Пасадзіць не пасадзяць, але грошай за паслугі папрасяць.

— Людачка, толькі адно пытанне, — стаяў я ля ўваходу ў буфет. — Як нам адсюль уцячы, у сэнсе жывымі?

— Ніяк, — спакойна адказала Люда (у гэтую секунду яна мне падалася не вельмі сімпатычнай і нават не такой ужо й маладой), — ад Зуба яшчэ ніхто не ўцякаў. Прынамсі, тут, у нашым рэстаране. А ён жа аб'явіў вас сваёй уласнасцю. «Каб на новенькіх ніхто вачанятак не вылупліваў і зяпу не разяўляў», — сказаў усім гадзіны дзве назад. (Ага, вось як яно было!) Таму ад вас, як ад агню, усе і шарахаюцца. Лепш піку атрымаць, чым з Зубам звязацца. І я, чаго добрага, магу дагаварыцца.

Трэба было нешта рабіць. Увесь трыццацігадовы

жыццёвы вопыт мне падказваў, што бязвыхадных сітуацый не бывае. І, ужо нічым не рызыкуючы, я прапанаваў, як сказала б Людачка, на дэсерт:

— Ты бачыла калі-небудзь долары? Шмат долараў. Дапусцім, сто.

Добры быў час: за сотку адкупляліся!

Слова «долары», такое ж рэдкае ў тутэйшым ужытку, як і самі абазначаныя ім грашовыя знакі, напалохала яе, але яно ж і памагло адолець страх, дадало Людзе рашучасці:

— Выйсці можна толькі праз кухню, але там жалезныя дзверы і яны замкнёныя. Ключ у дырэктара, а яго вечарам (цяпер ведаецца чаму!) ніколі не бывае.

— Добра, а ў кабінёце дырэктара дзверы браніраваныя?

— Не, — адказала Люда, скеміўшы, што я маю на ўвазе, — дзверы як дзверы.

— Тады — дзейнічаем!

Мой план заключаўся ў тым, каб пранікнуць спачатку ў логава дырэктара, пашнырыць там наконт залатога ключыка і пасля ўжо далей выпрабоўваць лёс.

Першая частка аперацыі прайшла як нельга лепей. Трэба сказаць, што і надалей Люда актыўна трымала наш бок: ажыццяўляла сувязь між мною і Жэнькам, адцягвала Зубаву ўвагу, а пад канец заявіла, што прасябе патурбеецца сама, чым зняла з нас маральныя вярыгі.

Карацей кажучы, мы здабылі волю.

Вырваўшыся на вуліцу, пранесліся міма «Дома быту», «Хімчысткі», магазіна «Хлебны» (як я паспя-

ваў назвы чытаць!). Ламанулі за стэнды, з якіх нас віталі ўдарнікі бескарыслівай працы, і апынуліся на пустэчы, а папраўдзе — на закладзенай з уральскім размахам будаўнічай пляцоўцы. Штохвіліны рызыкуючы грывнуцца ў яму ці напароцца на ражон з іржавай арматуры, мы не прыпынялі чэмпіёнскага забегу: лепш ужо жалязяка ў бок, чым допыт з катаваннямі, які быў для нас падрыхтаваны. І Бог злітаваўся над «спартсменамі»: дыстанцыю адолелі без асаблівых страт для здароўя ды ў дадатак яшчэ натрапілі на грузаны дошкі «Камаз».

Лёгка разрываліся ад даўно забытай нагрузкі, у вачах праплывалі белыя шары, і, не змаўляючыся, мы спыніліся. Трэба было перадыхнуць і заадно прыкінуць, як там з пагоняй і ці не нас чакае «Камаз» з дошкамі.

— Добра беглі, — спрабаваў жартаваць Жэня, ды я толькі зубамі скрыгатнуў: мы маглі ўжо гэтак жа добра ляжаць.

Не трацячы часу, падняў з зямлі кавалак арматуры і, асмялеўшы, зазірнуў у кабінку: нікога. Агледзеў з падножкі грузавіка мясцовыя адметнасці, прыслухаўся: быццам ціха... І ў гэты момант адбылося з'яўленне Антыхрыста народу: перада мною ўзнік з цемры не зусім цвярозы гаспадар аўто, а па сумяшчальніцтве раскрадальнік будматэрыялаў.

— Гэй, мужык, — крыкнуў я работніку інтэлектуальнай у нейкім сэнсе працы. — Калі мы зараз паедзем і паедзем вельмі хутка, ты атрымаеш вось гэта, — тыцнуў яму пад нос правую руку, адзін з

пальцаў якой упрыгожваў масіўны залаты пярсцёнак, — і табе нейкі час не трэба будзе красці гэтыя няшчасныя дошчачкі.

— А ад каго шыецца? — з неймаверным, проста наркатычным спакоем спытаў мужычок. Біты аказаўся хлапчына, не прасцячок, няйначай з крымінальным мінулым.

— Ды магазінчык з такімі вось бразготкамі грукнулі.

— А-а, ну тады святая справа, — вывеў былы гоп-стопнік.

Не змаўляючыся, мы ўскочылі ў кабінку.

Я апошні раз азірнуўся на будоўлю веку, якая ўравала нас, і не без трывогі адзначыў, што яе крэсяць удоўж і упоперак агенчыкі-ліхтарыкі: «Не супакоіліся хлопцы, шукаюць. І правільна, цяпер для іх гэта справа гонару. А то, глядзіш, адны ўцякуць — іншым захацацца. Гэтак і на бабах застанешся».

Для нас жа расклад быў іншы: мы атрымалі хвілін дваццаць-трыццаць форы. І вадзіла наш аказаўся на вышыні: «Едзем да мяне», — кінуў на маё маўклівае пытанне.

«Шукайце, шукайце», — наказваў я «ліхтарыкам» ужо больш спакойна, калі «Камаз» па-дакарску ірвануў з месца...

Камазнік жыў у прыватным доме на ўскраіне горада. Дом, па вызначэнні яго гаспадара, быў прыблатнёны — у тым сэнсе, што з тэлефонам, і мы не стрывалі, пазванілі забытаму, як аказалася, да часу мясцоваму кампаньёну. У прынцыпе, якому там

кампаньёну, — проста апынуліся неяк разам у схільным да легкадумства горадзе Сочы, дзе ён і панаплёў нам аб скарбах, асабліва мэблевых, якія ледзь не задарма бяры ў тутэйшых супершопах з падвешанымі да столі ліпкімі стужкамі для знішчэння мух і іншага паскудства. Меркавалі абысціся без яго, але зараз розніцу давядзецца дзяліць на траіх (халява, на жаль, не прайшла). Зрэшты, усіх грошай не забярэш, а з жыццём, рызыкуючы, як сёння, развітацца можна ў момант. Карацей пазванілі.

Заспаны кампаньён доўга не мог даўмецца, «каму там не спіцца», але як толькі сцяміў, што да чаго, прачнуўся імгненна («Дысцыплінаваны і лёгкі на пад'ём, — падумалі мы. — Гэта добра». Правільна, дарэчы, падумалі).

Прадыктаваўшы трэцяму-не-лішняму адрас гоп-стопніка на пенсіі і распавёўшы сцісленька пра нашы незвычайныя прыгоды, мы пачулі голас надзеі: «Буду хвілін праз трыццаць — сорок. На белай «сямёрцы». Пастарайцеся нікуды не выходзіць».

«А кампаньён у курсе мясцовых звычаяў, — ласкава прайшліся мы па новым дружбаку. — І чаго ж ён, гад, у Сочах пра іх сціпла прамаўчаў?»

Камазнік, пачуўшы сапраўдную версію нашых уцёкаў, пярсцёнка не ўзяў («Хай у мяне пакуль дзесяць пальцаў на руках застанецца»), а толькі папрасіў на пляшку і паставіў умову, каб чакалі мы «свайго хаўрусніка» на вуліцы, прычым на тым, — тыцнуў ён брудным пальцам у акно, — супрацьлеглым ад яго

дома баку. «Вы сёння тут, заўтра там, а мне яшчэ пажыць хочацца. Так што вось вам Бог, а вось парог...»

Мы палічылі ягоня довады пераканаўчымі і, узаемна задаволеныя, развіталіся.

Хвіліны здаваліся гадзінамі, але калі мінула іх дваццаць восем (па секундах лічылі), убачылі белую «сямёрку», пра якую гаварыў наш новы кампаньён. Пытаньня «сядаць-не-сядаць» у нашай сітуацыі не ўзнікала, і мы ўскочылі ў машыну.

Ехалі наструнена. Жэнька сядзеў скасабочыўшыся, грудзі ўперад, а твар да задняга шкла павернуты: ці то пагоню адсочваў, ці то маршрут на ўсякі выпадак запамінаў.

Але хваляваліся мы дарэмна.

Кватэра новага члена «Клуба ахвочых і знаходлівых» была напакавана, як кажуць, пад завязку. Нас з Жэнькам гэта дужа ўзрадавала: «Хто б там што ні казаў, а чым багацейшы чалавек, тым меней шанцаў, што ён вас абрабуе».

Выдзеліўшы асобны пакой, нас запрасілі (пасля душы, вядома) «павячэраць чым Бог паслаў». «Ты глядзі, нават у гэтым ціхім горадзе Ільфа і Пятрова ведаюць», — шапнуў мне Жэнька, калі мы з бурчэннем у жыватах (яго рыба і мая катлета па-кіеўску засталіся Людэцы за прэзент, як, зрэшты, і родная сотачка) ішлі на кухню.

Расказаны Віктару ўжо ў поўным аб'ёме баявік «Прыгоды беларусаў у Ніжнім Тагіле» ў гаспадары дома, на наша абуранае здзіўленне, асаблівых пачуццяў і суперажыванняў не выклікаў. Добра-

сумленна выслухаўшы ўсе жахі да канца, ён толькі сонна спытаў:

— І што, зусім-зусім не стралялі? Та-ак, старэюць хлопцы, старэюць... От у наш час...

Толькі пад раніцу, стомленыя бурнымі падзеямі і напалеонаўскімі планами, мы паваліліся на аграмаднае румынскае крэсла-ложак. Жэнькаў мозг, нават засынаючы, спрабаваў аналізаваць ход і вынікі перамоў:

— Прафесіянал — сам узяў у меру, а нас напайў прыстойна. Цікава, ці шмат лішняга нагаварылі? Але, нямала на грудзі прынялі. Ды як не напіцца пасля такога працоўнага дня? Га-а? Нанава ж, можна сказаць, нарадзіліся.

«І ў кашулі, забыўся ён, ці што», — дадала мая затуманеная сьвядомасць.

— Праўду, бацька, кажаш, — было апошняе, што выціснуў я з сябе, адключаючыся.

Прачнуліся мы пад абед (калі меркаваць па пахах, што плылі з кухні), прынялі душ, пагаліліся і, адчуўшы сябе трохі больш упэўнена, рушылі на пяшчотныя для вушэй гукі, якія падае мяса, калі яно смажыцца-сквірчыць на патэльні.

— Вы ўжо даруйце гасцям нязваным, доўга мы вас учора мучылі гаворкамі? — узяў Жэня на сябе ініцыятыву ў наладжванні кантакту з жонкай таварыша па бізнэсу. — Хоць Саша, — валіў ён усё на мяне, — любіць пабалакаць. І пазабаўляцца трохі. Напрыклад, нядаўна ў незнаёмым горадзе пайшоў у рэстаран шыкоўны і нават жывы адтуль вярнуўся. І ўсё б добра, ды толькі дагэтуль не зразумеў, што вярнуўся зусім

выпадкава... Не слухаецца старэйшых. А пад стол жа пешкі хадзіў, калі некаторыя...

— Ды хопіць табе, — абарваў я дэмагога. — Ты лепш успомні разумніка з графскімі замашкамі, аматара люкс-гасцініц.

— Усё нармальна, — падвяла вынікі размінкі гаспадыня кватэры, — ідзіце есці. Віктар хутка пад'едзе.

І сапраўды, праз дзесятак-другі хвілін у кватэры празвінеў званок, і проста з парога наш новы кампаньён, усміхаючыся, выпаліў:

— Сёння ваша чарга наліваць! Усё нашмат лепей, чым я меркаваў! Ну ды пра гэта пазней, спачатку перакусім, — скончыў ён, распранаючыся.

— Не, не, не! — захваляваліся мы з Жэнем, займаючы месцы па адзін бок барыкад. — Нам без інфармацыі яда ў горла не палезе. Ты ўжо не муч, не будзь катам.

— Капрызныя гэтыя беларусы, усё ім не так. Але тут я згодны, правільна. Спачатку справа, гэта значыць, крэслы ці самалёты, а ўсё астатняе (тут, не змоўчу, — ішоў намёк на маіх бедных дзяўчатак) потым. Добра, будзем лічыць, пераканалі. Дык вось, дазвольце зачытаць увесь спіс. — І Віктар пачаў пералічваць: — На каменны кар'ер — два чалавекі... Не разумеюць прыезджыя панове жартаў, — паглядзеўшы на нас, канстатаваў ірад. — Хоць, вядома, успомніў. Вы ж учора ГПА на залаты значок здавалі. — Але, улавіўшы строгі погляд жонкі (вясёленькі партнёр трапіўся, зрэшты, як і ўсе ў ціхім

горадзе днём), прыступіў да справы: — Першае — дванаццаць крэслаў з...

— Віктар, ды перастань ты! Людзі за трыдзевяць зямель не жарцікі твае слухаць прыехалі! — прыкрыкнула ўжо на нашага мучыцеля жонка.

— Ды я не жартую. Дванаццаць крэслаў са сталовым гарнітурам. Вытворчасць — Югаславія. От ужо й сапраўды, чалавеку слова сказаць нельга...

— Дык і кажы гэтае слова, — зноў падтрымала нас новая саюзніца, — а не балбачы абы-што.

— Ну добра, добра, не наязджай, — спрабаваў адбіцца Віктар.

— Чытай, чытай, — хорам перайшлі мы ў атаку.

— Другое — дваццаць дзіцячых пакояў. Made in USA...

Спіс быў настолькі доўгі (меў усё ж гад права дражніць дзікіх гусей), што, разавіўшы раты і слухаючы чарговае «мэйд ін...», мы неўзабаве перасталі лічыць, за колькі ходак зможам вывезці скарбы Тутанхамона, у сэнсе — заляжалы ў тутэйшых магазінах дэфіцыт.

— Кландайк нейкі, — падвёў Жэня вынік агучвання ўсяго спісу.

— Далей, — не супакойваўся наш новы партнёр. — У чыгуначны кантэйнер («фуру» — забыць — на дарогах аблавы з нашых хлопцаў дзяжураць) улазіць...

Усё гэта, трохі звыкшыся з дзівосамі, мы слухалі больш спакойна.

Урэшце (пасля зацятай спрэчкі паміж мною і Жэнем, у якой я выйграў «Армянскі Юбілейны» — цяпер на кожным рагу, а тады днём з агнём не знойдзеш)

першую ходку вырашана было зрабіць праверачнай, па многіх пазіцыях адразу не біць. Узяць для пачатку толькі «дзіцячыя», а там відаць будзе.

— Тады — за справу. — Віктар праявіў задаткі кіраўніка, і мы пачалі збірацца.

Гадзіны праз паўтары белая «сямёрка» пад'ехала да склада часоў Пятра Вялікага. Калі я ўбачыў аграмадную аблезлую гаспадарчую будыніну і побач з ёю старадаўні двухпавярховы асабняк з забітымі вокнамі, чамусьці адразу ж падумаў: «Акурат тут нас і пахаваюць. Разрэжуць на кавалкі-костачкі і раскідаюць па розных кутках «Вішнёвага саду» (нягледзячы на рэстаўрацыйна-шкодніцкія работы, склад нагадваў памешчыцкую сядзібу, канфіскаваную і прыстасаваную да інтарэсаў працоўнага народа ў навальнічныя гады).

Але дарэмна гэтак думаў. Паявілася тоўстая загадчыца склада і замест расчлянэння прапанавала нам гарбату, пернікі і іншыя ўральскія слодычы. Спрабавала паднагрэць лохаў, спекульнуць на іх яшчэ і самацветамі. Але дападны Жэнька адказаў строга: «Самі з вусамі і выхад на каменьчыкі прамы ведаем» (ох і хлусіў!). Гаспадыня, на наша здзіўленне і радасць, не пакрыўдзілася і, не трацячы часу, прыступіла да справы:

— Хлопчыкі й праўда ўсе дзіцячыя забяруць? — перапытала з недаверам у Віктара. — Та-ак, за дзень двухмесячны план выканаю. І куды толькі можна сапхнуць два дзесяткі дзіцячых па такой вар'яцкай цане? Бываюць жа чокнутыя.

«Цікава, — прыкінуў я, — амерыканскія дзіцячыя пакоі па... так, колькі ж гэта ў нармальных грашах? ага, па сто трыццаць сімвалічных, сказаў бы, долараў нікому ў Ніжнім Тагіле не патрэбныя. Паўстае пытанне: і куды бандыты глядзяць? Золата пад нагамі валяецца, а яны па старой звычцы спрабуюць залезці ў чужыя кішэні. Эх, хлопцы, хлопцы! Развіццё штурхае ўперад, а не дэградацыя. Страцілі вы нюх, страцілі...»

Пагрузка заняла досыць шмат часу: Віктар сачыў, каб рабочыя насілі ўпакоўкі асцярожна (а значыць — паціху) і складвалі іх роўненька — адну да адной (золата, а не кампаньён!). Гадзіны праз чатыры пагрузка драўніны, як гаварылі нецярплівыя грузчыкі, была закончана, і, не чакаючы канца змены і не звяртаючы ўвагі на вокрыкі тоўстай загадчыцы, хлопцы пайшлі ўзяць пару-тройку пузыроў. Тут, само сабою, Віктар быў вінаваты, торкнуў, чорт, хлопцам чацвяртнога. Тыя ажно працверазелі. «Па дзве белай на рыла?!» — перапытвалі атарапела. «Так, можа здарыцца, што сёння «напрасно старушка ждэ сына домой», — гледзячы на грузчыкаў, падумаў я. — Літр без закусі — гэта сур'ёзна...Хоць на Урале свае паняцці аб рэкордах...»

Але ўзніклі праблемы і ў нас.

Калі загрузілі дзіцячыя гарнітуры, выявілася, што ў кантэйнеры застаецца вольнае месца. Прыкінуўшы па сітуацыі, Віктар агучыў дзіўную для сферы бізнесу прапанову:

— На тыя грошы, што належаць мне, возьмем яшчэ адну дэфіцытную па ўсім Саюзе пазіцыю — індыйскія ручнікі — і заткнём дзіркі. Нельга скрынку няпоўнай адпраўляць. Гарнітурчыкі сюды-туды пакоўзаюцца, і пад канец падарожжа замест іх атрымаем высакаякасныя дровы... Наконт грошай — думаю так: адным заездам вы сытыя не будзеце, прыедзеце яшчэ, тады і разбярэмся.

Такая высакароднасць ў той вясёлы час было рэдкасцю (цяпер ні пра што такое наогул гаварыць не даводзіцца), і адмаўляцца ад яго было б нечуваным глупствам.

Пакінуўшы Жэню ахоўваць тавар, мы з Віктарам пракаціліся да бліжэйшага прыватнага магазінчыка. Зайшоўшы праз загадчыцу проста на склад, забралі ўвесь наяўны лазне-пральны асартымент і ў дадатак, на ўсякі пажарны, прыхапілі яшчэ дзесятак кітайскіх падушак.

Вярнуўшыся да галоўнай пагрузачнай пляцоўкі, мы заспелі Жэню ў стане лёгкага афекту. Аказваецца, замест запланаваных паўгадзіны нас не было ўсе дзве. Як жа, аднак, у працы час ляціць! Бедны Жэнька ледзь не памёр ад розных блякіх думак. Ды й напарніца, здаецца, спрабавала свой шанц не ўпусціць. Цікава, адбіў зямляк атаку ці ўсё-такі спазнаў мімалётнае шчасце?

У той далёкі ўжо час чыгуначныя кантэйнеры, што каталіся па краіне туды-сюды, яшчэ не адсочваліся бандытамі, і да грузавой чыгуначнай станцыі мы доехалі без праблем.

Нейкі час быў затрачаны на афармленне розных паперак і ўручэнне лёгкіх прэзентаў прадстаўнікам ніжэйшага бюракратычнага звяна. Неўзабаве, я сказаў бы, нарэшце-такі, мы вызваліліся ад грузу, які вісеў на нашых карках ужо больш за дванаццаць гадзін.

Рукі былі развязаны, але чамусьці тут жа захацелася адчуць іх звязанымі, і я ўспомніў пра дзяўчатак. Наўздзіў, і рыбак Жэнька падтрымаў маю ініцыятыву. Аднак беспрэцэдэнтная па нахабнасці прапанова кампаньёна Віктара: «Я ведаю адзін класны рэстаранчык...» — нас адразу астудзіла. Гэта як распалены метал у ваду акунуць (пра што, дарэчы, яшчэ будзе).

— Не-не, час дадому, дружа. Стаміліся качаваць, — амаль хорам адклікнуліся мы.

«От малайчына, — падумаў я пра Віктара, — ведаў, як уратаваць хлопцаў ад рэпартажу з пятлёй на шыі».

...Да адпраўлення рэйса «Свярдлоўск — Масква» заставалася пяць хвілін. Жэнька глядзеў у ілюмінатар (як больш пацярпеламу — ён так лічыў — гэтае месца дасталося яму) і вальжана (раслабіўся, змей, ужо трохі) гаварыў:

— Цікавае ўсё-такі ў нас жыццё, Санёк. Многія жывуць сабе — хлеб жуюць ды й добра. А мы не проста жывём, а радуемся, што жывём, правільней — што жывымі засталіся. Э-э, а што гэта ты, хлопец, прыціх, быццам нябожчык? — злёгка штурхануў мяне Жэнька. — Сэрцам чую — чарговую авантуру плануеш. Ты, гэта, канчай жыццём маім адзіным распараджацца. Мысліцель-камікадзе...

Але я думаў пра іншае: «Ці даляціць да месца прызначэння наш стары, сто разоў заслужаны паветраны лайнер? І наогул, каму гэта прыйшло ў галаву даваць самалётам назву не самых якасных цыгарэт?» (жарт).

II

— Лена? — крыкнуў я, як толькі на другім канцы паднялі трубку.

— Я слухаю.

— «На Заходнім фронце без перамен», — пачаў з пароля. — Гэта Саша. Ведаю, што зараз Віктар наўрад ці дома, але ўсё роўна званю. Добрымі навінамі заўсёды прыемна падзяліцца. Наш груз дайшоў цэлы і непашкоджаны. І ўжо рзалізаваны. Уяўляеш, мэблю грузілі аптавіку адразу ў машыну. У яго аж вочы разбегліся ад халявы несусветнай. Гэтак ён сказаў, калі ягоная фура была запоўнена. Наогул, усё о'кэй. Віктараву пайку, як дамовіліся, адклалі, так што хай не хвалюецца. Лен, ты мяне слухаеш?

— Слухаю...

— А чаму голас у гаспадыні такі журботны? Можа, галубка чаго не дачула? Усё добра, кажу! — ужо крычаў я ў трубку.

— Не, — адказалі на тым канцы дроту, — не ўсё добра.

— Што значыць — не ўсё добра? І што значыць «не»?

— Не, значыць, Віктара няма, — аглушыла мяне Лена.

Я адразу не ўсвядоміў сэнсу гэтых слоў, але адчуў: здарылася нешта кепскае, жахлівае, непапраўнае.

— Лена, ты супакойся, калі ласка, а то я не зразумеў. Віктар кудысьці з'ехаў?

— Але, з'ехаў. Туды, адкуль не вяртаюцца. Забілі Віктара. У пад'ездзе чакалі... Без Зуба не абышлося...

І на тым канцы дроту паклалі трубку.

Нейкі час я сядзеў, як ачумелы. Перазвоньваць Лене не рашыўся і, ратуючыся ад жаху, што апанаваў мяне, аўтаматычна набраў Жэньку.

— Прыходзь, ёсць пытанні, — абарваў ягоная «а-а» і ўдакладніў: — Сур'ёзныя.

Жэнька, напэўна, здорава гнаў сваю «шасцёрку», бо прымчаўся хвілін праз пятнаццаць.

— Чаго заторгаўся? — замест «дабрыдзень» пачаў ён з парога. — Мянты выклікалі? Не? Званілі? Правільна! Не крадзі!

— Супакойся, канчай юродстваваць. Я пазваніў Лене. Павіншаваць хацеў, а там... Бяда. Віктара забілі. Яна гаворыць, Зуб, «адзідаснік».

Усмешка сышла з Жэнькавых вуснаў.

— Та-а-ак, — сказаў ён, сядячы на тумбачку трымоў вітальні. — Ты, гэта, Саша, не пажартаваў? — спрабаваў ён адсунуць ад сябе страшную навіну. — Та-а-ак... — паўтарыў і замоўк.

— Тут, пакуль ты віражы па горадзе выпісваў, я сее-тое прыдумаў. Далучышся — добра. Не — сам спраўлюся. А вырашыў і зразумеў я вось што: мне цяпер не заснуць спакойна, пакуль спакойна спіць Зуб. Папраўдзе, я толькі тады і засну, калі ён на веч-

ны спачын адыдзе. Карацей кажучы, грошы ёсць, здароўе — таксама, так што нечаканы доўг, мяркую, мы аддаць здолеем. Я правільна кажу «мы»?

Жэнька паглядзеў на мяне і, нервуючыся, сказаў:

— Ты лічыш, што я хачу на ўсё жыццё даўжніком застацца? Забілі як з-за цябе, гэтак і з-за мяне! Не ўжо, выбачай, жыць з каменем на шыі — гэта не па мне.

— Добра, добра, я ведаў, дружа, што ты не падвядзеш. Шчыра кажучы, шанц аднаму грукнуць Зуба, мяркую, у мяне хоць і маленькі, але быў, а вось шанцаў застацца пры гэтым жывым, адчуваю, не было.

— Ну, артыст, без сябра хацеў змыцца, — пачаў прыходзіць да памяці Жэнька. — Ляцім хоць калі? Ці ў цябе, як заўсёды, свае адметныя задумкі ёсць?

— Ніякіх палётаў! Прозвішчы свяціць не будзем. Паедзем сціпла, цягніком і маім любімым плацкартам. Выйдзем, так бы мовіць, у сэнсе — увойдзем, у народ. Калі ў правадніцы ў вагоне дзесяць пасажыраў — гэта адно, а калі да паўсотні і пяцёра зайцоў — іншае... Паспрабуй там запомні кожнага.

Праз некалькі гадзін мы выйшлі з дому і пазванілі Лене з галоўпаштамта: лішні раз кватэрны тэлефон засвечваць не варта было.

У далёкім Ніжнім Тагіле трубку ніхто не падымаў. Не падняла яе Лена і за пятнаццаць хвілін да адпраўлення цягніка, калі я званіў ёй з вакзальнага перагаворнага пункта.

Двое шукальнікаў прыгод, а больш правільна — праблем на сваю галаву, як і калісьці, таксама днём сышлі на станцыі цікавага, як яны гаварылі цяпер, горада. У цягніку іх моцна прымарыла, і раз абодвум каштавала немалых высілкаў заставацца пільнымі, адсочваць сітуацыю.

Крочачы разам з масамі да аўтобуса (таксі тут, як ужо ведаем, толькі асабліва шустрых дэбютантаў-самазайцаў возіць), яны ўбачылі непадалёк знаёмага жартаўніка. Той актыўна размахваў рукамі і штосьці гаварыў-тлумачыў чарговаму кліенту-смяротніку на конт люкса і гэтак далей.

Па ўсім, ён пераканаў новага госця горада, бо той махнуў рукой і сеў у машыну, якая павязе яго ў апошні шлях-дарожку, гэта значыць у госці да Зуба.

Кемны (гэтак Жэнька цяпер зваў таксіста-залатазубіка) завёў катафалк, міргнуў фарамі, і двое новых знаёмых паехалі — у адной машыне, але ў супрацьлеглых кірунках.

— Ты пабач, — прыпыніўшыся, павярнуўся да мяне Жэнька, — а жартаўнік, па сумяшчальніцтве, яшчэ і сігнальшчык. Святлом знакі падае. Мінулым разам праваронілі...

— Наводчык, — канстатаваў я. — А ты думаў, у госці да «адзідасніка» мы проста так трапілі? Не, дружа, выпадковасці і недарэчнасці могуць быць толькі ў сумленных людзей, а ў Зуба ўсё паводле плана. Адпрацавана. Далёка, адчуваю, спартсмен пойдзе. Мянты — ягоныя. Сарокі-таксісты — ягоныя. Рэстаран-маліна — ягоны. Зброя ёсць. Поўны камплект для

хроснага бацькі-пачаткоўца. Але тут я на месцы Зуба памятаў бы і іншае: хросных час ад часу адстрэльваюць...

На плошчы перад аўтавакзалам стаяла сем-восем «Ікарусаў», апошні раз мытых гадоў дзесяць назад — якраз перад адпраўкай з Венгрыі ў Саюз непарушны рэспублік свабодных. Мы падыходзілі да аўтобусаў, і пара было прыкінуць, у які сядзець. Жэня вырашыў лёс не выпрабаваць і «як даехаць да Алтайскай» спытаў у касірка. Пенсійнага ўзросту, але яшчэ напарфумленая жанчына ўбачыла, напэўна, у Жэньку штосьці ад свайго крэўнага сына і дарогу «да сястры» растлумачыла вельмі даходліва. Ехаць па мясцовых мерках было зусім нядоўга — хвілін дваццаць.

Неўзабаве мы знайшлі свой аўтобус, але дружна прамінулі яго і запыніліся ля суседняга. Пачынаў дзейнічаць сціплы план пад «шпіёнскай» назвай — антыперахват. «Увага і яшчэ раз увага», — казалі мы перад ад'ездам. Асцярожнасць плюс розум і мінімалізацыя рызыкі — зарука поспеху. Зрэшты, хто не рызыкуе, той есць гуляш у заводскай сталоўцы за трыццаць сем капеек і мае шанц атруціцца не меншы, чым мы патрапіць у лапы да Зубавых падручных.

Да перапоўненага аўтобуса набліжаўся кіроўца, мы зразумелі: пара — і ўскочылі ў пярэднія дзверы, калі яны ўжо зачыняліся. Азірнуўшыся, я пабачыў, што спроб зрабіць тое самае нікім не прадпрымалася. «Нічога, — сказаў сабе, — перастрахавацца ніколі не шкодзіць, асабліва зараз. Ці тыя, што павінны былі нас сустраць, ужо селі? — пачаў вышукваць воўчыя

позіркі. Агледзеўся: — Не, здаецца, такіх няма».

Ехаць давялося стоячы. Нядоўгія дваццаць хвілін абярнуліся добрымі пяццюдзесяццю. Але скончыліся і яны. Трохметровым скачком нам удалося пакінуць агульнадаступны сродак перамяшчэння і не трапіць у лужыну, сярод якой ён спыніўся. Зрэшты, у хуткім часе мы пераканаліся, што лужына разлілася на ўсю Алтайскую вуліцу.

— Нічога, — падбздэргаў мяне напарнік, — затое сабакі след не возьмуць.

Прыямліўшыся ўвогуле ўдала (у гразь амаль не запэцкаліся), мы агледзелі навакольныя дамы: амаль усе «панелькі» былі новыя і аднолькавыя (як мы ў першы прыезд гэтага не заўважылі — забіць мала), і само сабою, «з лёгкай парай», так сказаць, блізняты як на падбор, прытым інкогніта — без нумароў.

— І добра, што дамы не распісаны, — культурны, значыць, народ жыве, не тое што тыя французы, напрыклад: так і прагнуць вывесці на сцяне які-небудзь пасквіль, — бадзёра выпаліў Жэнька. Адвёўшы душу, ужо больш спакойна абгрунтаваў: — Правільна, кажу, што лічбачак не відаць, язык на тое і дадзены, каб да Кіева давесці.

Але вось тут разумнік занадта разгаварыўся. Абарыгены, якія разам з намі вываліліся з аўтобуса, умомант растварыліся, а новыя вылазіць чамусьці не спяшаліся. Ну ды неяк разбяромся...

Разбірацца давялося гадзіны дзве. Нарэшце мы ўсё ж пазванілі ў дзверы кватэры, гаспадыня якой амаль тры дні не адказвала на званкі з розных кропак адной шостаі часткі нашай планеты. Не адказала яна і

цяпер. Што ж, працуем далей згодна з планам. Едзем да самай шустрай і, можа быць, пакуль адзінай у горадзе ўладальніцы вельмі дэфіцытнай купюры з партрэтам дзядзькі Франкліна. Балазе, адрасок у нас быў.

Пра свой візіт мы, само сабою, Людачку не папярэдзілі: раптам красуня захоча пашукаць шчасця на другім беразе. І таму, адчыніўшы дзверы, гаспадыня кватэры ледзь не выпала ў асадак. «Гэта ж трэба, бегункі, аказваецца, зусім ашалелі, — думала, напэўна, яе светлая галованька, — без запрашэння на пагібель вярнуліся. Слаўныя ўсё ж хлопчыкі, адчайныя...»

— Прывітанне самаму дарагому і любімаму ў дзівосным горадзе мар чалавеку! — гримнуў Жэнька. Малайцом, аднак жа, паказаў сябе.

— А-а, хлопчыкі! Жывыя! Я так і ведала, што вы тады ўцяклі, надта ж ужо Зуб шыпеў, вярнуўшыся. Як заведзены гойсаў па зале. Перажываў страшэнна. Глядзець было жаласна.

— Люда, ты ўжо выбачай, але неяк няёмка на парозе пра салідных таварышаў гаварыць, — перапыніў прыгажуню-афіцыянтчку Жэнька.

— Ой, і праўда, праходзьце, распранайцеся, — ачомалася нарэшце Люда. — Зараз гарбату пастаўлю. Ці ў вас каве аддаюць перавагу? І гэты негрыцянскі напоі у калекцыі ёсць.

— Люда, — зноў наструніў гаспадыню смяльчак Жэнька. — Гарбату-каву пасля будзем піць. І не толькі гарбату, напэўна. Цяпер жа хацелася б іншым заняцца: сёе-тое табе распавесці. Увесці цябе ў курс

сякіх-такіх планаў. І галоўнае, каб ты ўсё запамніла, не памылілася пасля, бо мы з гэтай хвіліны пераходзім у стан мінёраў на аб'екце.

Пра планы Людзе было расказана падрабязна і дакладна. Каб усё правільна зразумела і не паднесла нам сюрпрыза. План смелай дзяўчыне спадабаўся, асабліва апошняя яго частка — разліковая: Людачка магла стаць уладальніцай дзесяці Франклінаў, а гэта ўжо штосьці нават для чалавека са свабоднага свету, а ў тутэйшым балоце на такія грошы можна было і кватэрку купіць...

Гадзіны праз паўтары-дзве з кабінета дырэктара люкс-рэстарана мы спакойненька назіралі, як мянты-чарнасоценцы, не набліжаючыся да параднага, прыкурвалі адну цыгарэту ад другой. Заўважылі, што рукі ў хлопцаў свярбяць і свярбяць ужо даўно. Яны ўсё часцей пазіралі на вокны рэстарана і на свайго галоўнага. А галоўны — на Зуба.

Пачуліся стрэлы. Галоўны мент імгненна павярнуўся да «адзідасніка», але Зуб паказваў зубы не спяшаўся. Малайчына, хлопча, так трымаць! Адмыслова мянтоў выдрэсіраваў. Талент! Дураў, а не Зуб!

Але тут быў, мабыць, пададзены божа — для мянтоў — знак, і «брыгада хуткай дапамогі» рынулася ратаваць тых, што патаналі ў крыві. Як і мінулым разам, усё было скончана хвілін за дзесяць-пятнаццаць. Удзельнікаў халёўнага банкета пагрузілі ў знаёмую закратаваную турму-аўтобус. Падумалася: «У іх, напэўна, і свае рэкардсмены ёсць. Цікава, які рэкорд наведання-катання ў каталажцы з кратамі?»

Люда, як і дамовіліся, пастукала тры-два-тры. Жэнька да дзвярэй пайшоў, але адчыняць не стаў, аўтаматам спытаў:

— Хто?

— Я гэта, Люда, не бойцеся.

Жэнька прыняў выгляд самца на распеве і, адчыніўшы фанерку-заслонку, ганарыста прамовіў:

— Прашу!

«Фраер!» — канстатаваў я.

«Дело было к вечеру», але працяг вершыка складаўся іншы — прынамсі, гэтак мы зразумелі словы завербаванай намі чужой сярод сваіх Людачкі. Уляцеўшы ў кабінет, яна спехам выклала:

— Дзень на дзень не выпадае, але сёння, здаецца, ён наш. Зуб падчапіў тут аднаго з заездных. Ванька-таксіст, Зубаў пабрацімчык, яго прывёз. Спікуля ўжо апрацавалі і вось-вось павязуць да Зуба на фазэнду. Параспытаюць пры свечках: што ды як, дзе і колькі. Я аднойчы прысутнічала пры такой гаворцы. Больш не хачу. А цяпер на развітанне скажу галоўнае: Зуб, калі вязе каго-небудзь да сябе, бярэ толькі двух гарылаў, так што, хоць і невялікі, але шанц, другога ў бліжэйшы час не прадбачыцца. Карацей, думайце самі, — ужо не гаварыла, а спявала афіцыянтка-хаўрусніца. — Рашайце самі... (якое сапрадна прападае!)

— Што рашаць? Лёс усё за нас размеркаваў, так што — па конях! — Жэнька відавочна браў ініцыятыву на сябе. Што ж, іншы б спрачаўся.

Яшчэ італьянская, «ад сваёй мамы», Людмілінага бацькі «капейка» па-паляўнічаму ўчэпіста ўзяла след

новай «васьмёркі» «адзідасніка». Гонка на адлегласці доўжылася не больш за паўгадзіны, прайшла наўздзіў спакойна і скончылася паблізу непрыкметнага дамкі з мансардамі. Хлопцы праводзілі госця ў дом, ні разу не азірнуўшыся. Дый навошта? Яны былі вельмі далёкія ад рэальнасці: прыкідвалі, колькі каму перападзе пасля боса.

Падмывала зазірнуць на агеньчык і нас, але пасля невялікай перапалкі калегіяльна-мужна вырашылі заставацца на месцы. Для нас яшчэ не надышоў той самы вечар.

А ў падвальчыку-спартзальчыку дамкі з мансардамі ішла чарговая серыя фільма жахаў — «месца сустрэчы вызначылася акурат апоўдні» (сцэнарый яго ўявіць няцяжка).

Зуб глядзеў на прывязанага да батарэі няўдачлівага аматара падарожжаў і ціха, але ўцямна, натхнёна (не дарэмна — як пасля высветлілася — тры курсы Шчукінскага адолеў) гаварыў:

— Ох і малайчына ж ты, спікульчык наш ненаглядны, любімы, залаты, цудоўненькі! Разумненькі ты наш і багаценькі Бураціна! І што ж цябе, чубка такога кучаравага, занесла ў нашы мясціны таежныя? Няўжо гэтак капустачкі захацелася? І навошта галоўка разумная падштурхнула на дарожку слізкую? Ну, што ж, паможам пакутнічку, пазбавім цябе ад хваробы грашовай, астудзім галоўку гарачую. Сідар, акуні, зрабі ласку, нашага друга ў вадзічку. Акуратненька мачні, без гвалту. Як ты ўмееш...

Сідор-памідор (гэта я па фэйсе ягоным праязджаюся) адчапіў бедачыну ад батарэі, за чупрыну павалок асвятляюца да бочкі з вадой, што стаяла непадалёку. Пасля трэцяга нырца гасць датумкаў, што ў гэтым падвальчыку, зусім не вінным, у чацвер квіткоў на жыццё не выдаюць і абарыгены могуць дажартавацца з ім да самага што ні ёсць скону. Хлопец вырашыў, што час ратаваць цела, а не грошы, але сівая брудная карга ўжо прыкмеціла яго на тым, не гэтым беразе.

Праз гадзіну Зуб высветліў не толькі код ячэйкі ў камеры захоўвання, дзе ляжала сумачка з пасагам, але й той факт, што пульс у гастралёра больш не намацаецца. «Шкада», — хацеў быў сказаць па дабраце сваёй душэўнай, але, улавіўшы позірк звар'яцелых у перадсмяротным ціку вачэй, прамаўчаў.

Нервы ў Жэнькі на паверку аказаліся слабейшыя за мае, і неўтаймоўнай Людачцы ўсё часцей даводзілася забаўляць сябра-праведніка апошнімі мясцовымі ньюсамі.

Я ўжо і сам быў досыць узвінчаны, калі нарэшце запаветная рулетачка-брамка расчынілася і бравая група амаральнага ўздзеяння, гучна выказваючыся на роднай чынгісханскай, пайшла да машыны.

Завялася «васьмёрачка», бы той гадзіннічак, што зараз цікаў пад яе бензабакам. Люда тонка заўважыла і нашу ўвагу звярнула на тое, што ў тутэйшых краях, па зімовай звычцы, новыя машыны і ўлетку трохі праграюць. Шамацела на месцы ўжо хвіліну і

гэтая. На такі якраз час Жэнька, дэбютант-падрыўнік, і навіў у пякельнай машыне будзільнічак.

Выбух атрымаўся такой сілы (прыгадаліся словы ўмельца-піратэхніка: «За гэтую штучку спрачацца аб цане не варта. Яна канкрэтна праблемы вырашае...») і аглушыў і асляпіў нас так, што ў першае імгненне здалося, быццам падарвалася акурат наша бедная «капеечка». І толькі пабачыўшы, як цела «адзідасніка» разам з прыліплымі да яго заднімі дзверцамі ляціць-вяртаецца да брамкі (Во лёс! А толькі ж што героем быў...), у нас адкрылася другое дыханне.

Паволі, ледзь шоргаючы шынамі, шэрая «капеечка» пачыкільгала ў бок чыгуначнага вакзала. Да адпраўлення цягніка «Ніжні Тагіл — Масква» заставалася больш як дзве гадзіны, і спяшацца не было куды...

— Саша? — пачуў я жаночы голас у трубцы і, пазнаўшы яго, падскочыў ад радасці:

— Лена, гэта ты, прапаўшая грамата?

— Я, хто ж яшчэ. Але ты, галоўнае, не хвалюйся і не сварыся. Зараз усё растлумачу. Толькі не крычы, дай слова сказаць. Пасля таго, як ты зноў пазваніў, я зусім змучылася. Увесь час прыгадвала тую ноч. Вы сядзелі, спрачаліся, жартавалі. Як Віктар быў рады, што вы аб'явіліся! Якія планы складаў! Тая ноч бясконца пракручвалася перад вачыма. І я паціху вар'яцела. Баялася, што дзеці адны застануцца. І калі зрабілася зусім няўсцерп, сабрала Любку, Уладзіка і паехала да мамы. Там мы прабылі два тыдні. Мама ёсць мама. Хадзіла за мною, супакойвала, настаўляла. І ад-

чай паступова прайшоў. А сёння раніцаю мы вярнуліся дадому. Заходзім, і амаль адразу ж — званок. Падб'ягаю, бяру трубку. Уся калачуся, Віктара ўспомніла. Ледзь выціснула з сябе «алё». Чую голас: «Гэта следчы Дангулаў. Мы вырашылі, што неабходна яшчэ раз сустрэцца з вамі. Тры дні назад невядомыя падарвалі машыну вельмі паважанага ў горадзе чалавека. Магчыма, тыя ж бандыты, якія забілі вашага мужа». Ты ўяўляеш, Саша? Паважанага чалавека! Га-а? Як табе? Цікава толькі, хто ж гэтую гніду прыкончыў? Помнік такім бандытам ставіць трэба! Саша, ты хоць чуеш мяне?

— Чую-чую, — супакоіў я Лену, — чую: помнік бандытам. А сам сабе падумаў: «Вось прыбярэш з дарогі такую погань, і адразу ўвекавечыць цябе гатовы. Давядзецца, відаць, усё ж мяняць прафесію...»

Інтуіцыя

Як вытлумачыць прадчуванне бяды? Мажліва, ёсць толькі адно тлумачэнне: інтуіцыя мацнейшая за розум. Розум — гэта здольнасць чалавека да мыслення, логікі, аналізу. Інтуіцыя ж — маладаследаваная і таму ці не звышнатуральная сіла, якая выяўляецца ў здольнасці чалавека прымаць рашэнні, часам лепшыя за лагічныя і ўсебакова абгрунтаваныя, але — без тлумачэння, чаму было падказана менавіта такое рашэнне.

Інтэлектуалы могуць дадаць, што інтуіцыя — гэта ў нейкай ступені і здольнасць мозга прадказваць будучыню.

Чалавек генетычна створаны на аптымізацыю сітуацыі, паляпшэнне сябе. І калі мозг не атрымаў дастатковай інфармацыі і не можа разабрацца што да чаго, зрабіць нейкія высновы з узніклай сітуацыі, тады, як апошняя інстанцыя абароны чалавека, у бой уступае яе вялікасць Інтуіцыя...

Вось і зараз. Мы яшчэ толькі пад'язджалі да мяжы, а Юрык ужо трывожна застагнаў:

— Спіна змакрэла, адчуваю: на гэтай мытні не праскочым. Давай адразу на наступную... Мо там...

— Позна, Юрык, піць баржомі, — перапыніў я яго стогны. — З перапуду не бачыш, што да шлагбаума пад'язджаем?! Калі мы зараз пад носам у пагранцоў развернемся, яны, чаго добрага, і наўздагон кінуцца. Цяпер толькі наперад — за аднаго бітага двух нябітых даюць! Ды не газуй ты так, усю мытню перадушыш...

Бедны Ёрык-Юрык! Першы раз з-за мяжы вяртаецца, і адразу не пустым.

«А як жа ў мяне гэта было?» — паспрабаваў я напружыць памяць...

— Пашпарты, панове! — перабіў мае думкі польскі пагранічнік. Як заўсёды, ухмылка на ягоных вуснах спалучалася з нянавісцю ў вачах. «І што яму трэба? Памагаеш ім жыць, памагаеш, а ў адказ — адна няўдзячнасць...»

Юрык забыў ад хвалявання, што пашпарты мы ранідай засунулі пад яго казырок ад сонца, кінуўся лапаць сябе па грудзях і бакавых кішэнях. Бачачы, што сітуацыя едзе не ў той бок, правай рукою я дастаў з-пад казырка дакументы, а леваю даволі моцна штурхнуў Юрыка ў бок. Ён можна прамаўчаў, але калаціцца перастаў.

Падаючы пашпарты пагранцу, я зразумеў, што ён заўважыў Юрыкавы дрыжыкі, і паспрабаваў супакоіць паляка:

— Кіроўцы, на жаль, не лепшыя трапляюцца. Мінулым разам адзін разумнік ледзь машыну не разбіў, а гэты, — кіўнуў на Юрыка, — увогуле безгаловы аказаўся...

Паляк зразумеў, што ў машыне едзе бос з вадзіцелем, і адразу страціў цікавасць да нас. Шафёра, асабліва навічка, ён яшчэ мог бы «апусціць» долараў на дзесяць-дваццаць, а з босам, вядома ж, такі нумар не пройдзе. У таго (гэта значыць, у мяне) усё распісана: што, дзе, куды, каму, калі і, тым болей, — чаму, навошта і колькі...

Юрык нарэшце злавіў першую перадачу, і мы пакацілі да месца агляду.

Тут жа падскочыў пан нумар два і ўрэзаў не мне, а Юрыку, які і без гэтага не паспеў ачомацца, перастаць «прадаваць дрыжыкі»:

— О, дружа, самохад твой, здаецца, новы... На праверку, дружа, на праверку!

— Што яму трэба? — павярнуўся чамусьці да мяне Юрык. Бедалага ўжо не разумеў ні рускай, ні беларускай мовы.

— Замры! — стаміўся я ад торганняў свайго нявопытнага вадзіцеля. — Ні гуку! — І, павярнуўшыся да пана паляка, сказаў: — Няма праблем. Адну хвілінку. — Адчыніўшы дзверцы, я выйшаў з машыны. — Усё ў парадку, — падбадзёрваў ужо заадно і сябе. — Вось тэхпашпарт, а вось і мае паперы.

Узяўшы дакументы, пагранічнік памахаў імі, быццам пагразіў мне пальцам, і сказаў:

— Ад ваших дакументаў залежыць, колькі гадзін, а мо і сутак вы тут пратырчыце (па-беларуску палякі яшчэ сям-так гавораць).

«Не пратырчым», — спакойна падумаў я, маючы на ўвазе, што нездарма ж клаў у пашпарт новенькую дзесятку.

Як і трэба было чакаць, хвілін праз пятнаццаць актыўны і прынцыповы адшуквальнік крадзеных машын аддаў мне дакументы, і мы рушылі на мытню.

Я ўсё не мог супакоіць Юрыка і вырашыў уздзеінічаць на яго больш жорстка:

— Калі ты, прыдурак, зараз жа не перастанеш калаціцца і пагранцы пачнуць «капаць» машыну, я цябе прыб'ю! Твае дурныя дрыжыкі зрабляць нас жабракамі. Да цябе дайшло? Не? Нашы дзеці будуць галадаць. Твой Санька будзе га-ла-даць! Зразумеў? І таго вялізнага «Lego», што ты яму купіў, не атрымае. Забяруць Санькаў канструктар... За даўгі забяруць...

Датумкаўшы ўрэшце, што яго сын не дачакаецца таго, пра што марыў увесь першы цяжкі школьны год, пра што нават жонка сказала па тэлефоне: «Не спіць і ноччу, — чакае гэтага чортавага «Лега», Юрык нарэшце ўзяў сябе ў рукі і ўжо амаль спакойна сказаў:

— Валера, ўсё. Даруй. Нервы. Першы ж раз... Болей не паўторыцца. Я разумею, што падстаўляю, але зрабіць з сабою нічога не магу. Страх паралізаваў...

— Добра, добра, галоўнае — супакойся, не торгайся. У мяне і без цябе зараз клопатаў хопіць.

Польскі мытнік нюхам пачуў здабычу і пакіраваў да нас. Ішоў паволі, вытрымліваючы паўзу.

«Прашыты, — тут жа зразумеў я. — Такі ўсе жылы выцягне. Пачне: «Дзе пан рахункі (чэкі, значыць) схаваў?», а скончыць: «Ну, гэтага вывозіць нельга...»

Дзеся перастрахоўкі я дадаў да ўжо пакладзенай у пашпарт дзесяткі яшчэ адну і выйшаў насустрач паляку.

— Естэм — бізнесмен, — ляпнуў я далонню сябе па грудзях, — усё ведаю. Няма праблем. (Так ужо і няма, — мільганула ў святломасці, але я хуценька прагнаў ад сябе гэтую шкодную іронію.) Вось, калі ласка, дакумент.

— Давай, давай, паглядзім, ці добрыя ў цябе паперы. Мытнік (як Юрык пасля палічыў: «пан нумар тры») узяў пашпарт і, крыху адступіўшы ад мяне, звяртаючыся да свайго калегі, дадаў:

— Смелы, сам сустракае... Бачыш?...

Пан нумар тры разгарнуў на секунду пашпарт, усміхнуўся, закрыў яго і сказаў:

— Так, добрыя дакументы, едзь да сваіх.

Ужо сядячы ў машыну, я пачуў ад Юрыка:

— Глядзі ты, без «баксаў» адпусціў. Не разумею...

— Памаўчы лепей. Са страху нічога не бачыш, — даваў я ўжо досыць спакойна Юрыку бясплатныя ўрокі. — «Баксы» ён дастаў адразу ж, яшчэ калі адыходзіў ад мяне...

«Нашы» сустракалі нас па-нашаму:

— Ну, што там у цябе, расказвай, не саромейся, тут усе свае.

— Ды так, — пачаў я няпэўна, — дробязь розная...

— Дробязі я люблю, — сказаў «наш». — Дробязь да дробязі — ужо, глядзіш, нешта і ёсць. Як кажуць, курачка па зернетку...

«Гэты выцягне больш за паляка, — тут жа прыкiнуў я. — Педант. Такі хоча не толькі грошай, але і нервы паказываць. Садзюга, адным словам...»

Я падняў заднія дзверцы мікрааўтобуса, і мытнік адразу ж угледзеў маю «падставу» (яшчэ я сказаў бы — падказку):

— А, кветачка, — паказаў ён маімі дакументамі (чаму і тыя і гэтыя любяць махаць маім пашпартам?) на метровую пальму. — Гэта, братка, правозіць нельга. Пойдзеш у дванаццаты кабінет. Будзеш з нашымі дзяўчатамі разбірацца. А з імі, скажу табе, ох як цяжка гаварыць...

— Зямляк, не губі. «Кветачку» цешча-змяюка заказала, заб'е ж...

Відаць, мае словы трапілі на спрыяльную глебу, бо «наш» нарэшце «ўбачыў» мяне і сказаў:

— Не ведаю, не ведаю...

— Браток! — зразумеў я, што пара браць быка за рогі. — За такую кветку мне нічога не шкада. — І, панізіўшы голас, дадаў: — Хоць дваццаткі...

— О, ты ведаеш, — таксама ціха падхапіў наш, — у школу я пайшоў адразу ў другі клас і таму лічбаў меней за трыццаць, на жаль, не ведаю...

«Няўжо так і праскочу на халяву?!» — падумаў я, развітаўшыся з чарговымі дзесяткамі і сядачы ў машыну...

Ды не. Вядома ж, не! Вось ён, шалахвост, бяжыць, родненькі.

— Паслухай, зямляк, дык я ж бакавых дзверцаў не адчыняў. Забыўся, спяшаючыся. А ты вельмі рады і не напамніў. Непарадак, зямляк, непарадак...

«Так, педант. Педант і садыст. Мог жа адразу ўсё прамацаць...»

— Ну, што тут яшчэ ў нас? — ужо з напускной строгасцю спытаў мытнік. — А-а, — убачыў ён маю другую падставу, — піўко. О, баварскае, іхняе, добрае, значыць. Цэлая скрынка? Ці не многа на дваіх?

— Няма праблем, — згадзіўся я адразу. — Для земляка — хоць палавіну...

— Правільна, — падхапіў педант. — Хлеба акрайчык і той папалам.

— Не губі, — зноў уключыў я дурня, — дарагі ж напойчык.

А сам сабе думаў: «Боўдзіла ты прагавітае! Уся гэтая скрынка табе і прызначана. Я піва яшчэ з першых рэйсаў у рот не бяру. Па мне што баварскае, што жыгулёўскае — адна вада. Маю «нервовую» галаву півам не падманеш».

Хвілін праз пяць да машыны падышоў салдацік і хуценька паклаў у прынесены з сабою чорны пакет шэсць бутэлек «іхняга».

— Вазьмі і сабе, — паглядзеў я на відавочна недадаўшага першагодка. — Толькі схавай...

Другі раз прайшоўшы мытню, я сеў у машыну і зноў пачуў стогны беднага Юрыка:

— Не, больш я з табою не яздок. Ну яго ў балота! Лепей зноў на родны завод... Я толькі збоку глядзеў і то ледзь не памёр...

— Не бойся! Пакуль праблем няма. Змена, вядома, паршывая, аднак... — я прыкусіў язык, заўважыўшы, што Юрыкавы вочы робяцца круглымі. За спіной пачуў:

— Зямляк, дык я ж забыўся спытаць, што ты ўсё такі вязеш з той далёкай Галандыі?

«Во, нарэшце, а то ўжо сапраўды рот разявіў, паддаўся спадзяванням, што на трох-чатырох дзесятках праскочу. Адразу яму дзвесце бухнуць ці са ста пачаць?» — хутка прыкідваў я. Уголас сказаў:

— Друг, як зямляк земляку (гаварыў я смела: крыху ж падмазаў, падаслаў, так сказаць, саломкі) скажу табе сумленна: машына адным смеццем забіта. Ёсць толькі дзве новыя штучкі, дзве такія невялічкія скрыначкі, — падняў я (так, каб бачыў толькі ён) рог падабранай на адной з вуліц Кёльна амаль новай пухавой коўдры.

— О, дык гэта ж «тэлікі». І вялікія нейкія...

— Ага, вялікія, але не фірмовыя, не «Sony» там, або «Panasonic». Так, «плазматроны»... Кітай, адным словам...

— А-а, — прамармытаў мытнік.

— Сто, — паспрабаваў я спыніць яго «аканне».

— Ну-у, — перайшоў ён на другую танальнасць.

— За кожны, — давалося мне ўдакладніць.

— Як усё-такі шанцуе людзям, — адразу ж загарэўся зямляк. — Уяві, што было б, каб табе трапіўся не я, зямляк твой родны, а які-небудзь юда...

«Ты і ёсць юда», — сказаў я сам сабе, а ўголас прамовіў:

— Сустрэць свайго заўсёды прыемна...

Прайшоўшы трэці раз мытню і чарговы (не памятаю які) раз сеўшы ў машыну, я зноў пачуў стогны:

— Магіла! Усё! З дому болей ні кроку. На завод! Толькі на завод...

— Заткніся, абрыдзеў! Паміраць будзеш пасля!

Паехалі! Бачыш, пагранец ужо махае. Нябось, таксама піва хоча...

Неўзабаве разам з півам давалося расстацца і з апошняй дзесяткаю.

Наогул «гэта» каштавала пяцёрку, але купюркі такой не знайшлося і давалося павысіць стаўку. З таго часу, між іншым, стаўка такой і засталася, і мала хто ведае, кім неспадзеўкі яна была падвоена...

Машына нарэшце вырвалася з «зоны распранання», і Юрык, крыху ачомаўшыся ад «гэтых кашмараў», паціхеньку пачаў (нарэшце!) паказваць сваё майстэрства вадзіцеля-аса (дзеля чаго, уласна, я і ўзяў яго: пасля мытні маглі аб'явіцца яшчэ адны «правяральшчыкі» — з вялікай дарогі). На бліжнім святле ён трымаў належную сотку і нешта насвістаў. Адыходзіў, нарэшце, ад дрыжыкаў.

— Паслухай, Юрык, — настала чарга ўжо мне захавацца, — здаецца, ты не хочаш давезці мяне цэлым да змяюкі-цешчы.

Юрык упершыню за ўсю паездку зарагатаў:

— Якая ж твая Вольга Уладзіміраўна змяюка? Дабрэйшага чалавека на ўсім белым свеце няма!

І Юрык усё смяяўся і смяяўся... Ён не ведаў, што мытня яшчэ не скончана, што яна яшчэ не дала «дабро». Наперадзе была «прымытненая» ДАІ, але я не хацеў яго нерваваць...

Юрык хоць і дасмяяўся амаль да слёз, але ўсё ж угледзеў паласатае жазло даішніка, які вынырнуў немаведама адкуль.

— Што вязём? — пачулася нармальнае для гэтых мясцін пытанне.

— Піва, — адказаў я, выходзячы з машыны.

— Піва — гэта добра, — праканстатаваў даішнік, гледзячы на задні нумар машыны. — О, землякі... Што ж, піва дык піва...

Ужо глыбокай ноччу «прымытнены» даішнік адкаркоўваў апошнюю бутэльку «іхняга». «У начной змене ёсць свае перавагі, — разважаў ён, пахмяляючыся, — днём так не расслабішся...»

У гэты самы час на адным з прамежкаў трасы Брэст — Масква катамаранам, быццам склееныя, імчалі дзве машыны. Нягледзячы на каварную серабрыстасць дарогі ад першага, толькі што выпаўшага снегу, мікрааўтобус трымаў свае максімальныя сто шэсцьдзесят, але сіняя «дзевятка», што прыліпла да яго злева, саступаць не хацела. Здавалася, што вар'яты, якія сышліся ў гэтай смяротнай гонцы, ныйначай паспрачаліся, хто хутчэй трапіць на неба. У імгненне яны прамільгнулі паўз бензакалонку, і яе «гаспадыня», што выйшла падыхаць свежым паветрам, спачатку замерла, пасля войкнула і перажагналася:

— Госпадзе, ад недасыпання мне ўжо лятаючыя аўтобусы мрояцца...

А за многія кіламетры ад памянёнай бензакалонкі, у двухпакаёвай «хрушчоўцы», не спаў, лежачы ў маленькім, яшчэ з дзіцячага садка, ложку і другакласнік Санька. Хлопчыку чамусці здавалася, што пакуль ён не спіць, змагаецца, казачны «Лего» набліжаецца да яго. І Санька трымаўся, як мог... «Не спаць, не спаць,

не спаць», — зноў і зноў падказвала і гэтым дапамагала трымацца яго недзіцячая інтуіцыя. І ён усё цёр і цёр пальчыкамі вочы, якія зліпаліся ад сну. Маці сэрцам адчувала, што дзіця не спіць, але падысці, закалыхаць яго не рашалася: яна баялася, што і ўпоцёмку Санька ўбачыць яе заліты слязамі твар...

Пакарабачаныя левыя дзверцы мікрааўтобуса падказалі дзяжурнаму па КПП, які стаяў у бронекамізэльцы на ўездзе ў сталіцу, што з гэтай машынай не ўсё ў парадку. Махнуўшы люмінесцэнтным жазлом, ён адначасна ўзяўся і за аўтамат. Нягледзячы на моцны ранішні туман, вадзіцель мікрааўтобуса сігнал «спыніцца» ўбачыў і прытармазіў, але калі даішнік рушыў да іх, паглядзеў на пасажыра побач.

— Усё нармальна, Юрык. Ты ж ведаеш, разбярэмся. Адпачні. Усё, што мог, ты зрабіў, цяпер — мая чарга, — супакой вадзіцеля ягоны таварыш.

Накіроўваючыся да машыны, лейтэнант раптам прыпыніўся: па рацыі перадавалі паведамленне, і ён вырашыў, што гэтым, з мікрааўтобуса, яго чуць не абавязкова: «Сінія «Жыгулі» «ВАЗ 2109» дзяржнумар ... не даязджаючы ... кіламетраў да пасёлка ... на мосце ... з хуткасцю, якая значна перавышала ... вылецелі на паласу сустрэчнага руху, урэзаліся ў металічную агароджу, прабілі яе і ўпалі ў рэчку...»

Лейтэнант зразумеў, пра якую сінюю «дзевятку» ідзе гаворка, і, выключыўшы рацыю, падышоў да машыны:

— Куды едзем, мужыкі?
 — Дадому, камандзір, толькі дадому, — адказаў яму той, што сядзеў побач з вадзіцелем. — Пападарожнічалі і хопіць. Як кажуць, добрага пакрысе.

— Вы не зусім правільна зразумелі, — удакладніў даішнік. — Я хацеў спытаць, у які раён едзеце? Машына, бачу, мінская...

— На Чыгуначную, — сказаў вадзіцель чыстую праўду.

— А-а, зразумела, — кіўнуў лейтэнант. — Толькі вось выгляд у вас нейкі, ведаеце...

— Ведаем, таварыш лейтэнант, ведаем, — мякка перапыніў даішніка пасажыр, — як-ніяк, трэція суткі ў дарозе...

— Ды бачу, што знемагліся — хоць «трубачку» даставай. Добра, едзьце. Ды глядзіце, ля дому не разбіццяся, удвая крыўдна будзе, — і лейтэнант махнуў ім люмінесцэнтнаю палкаю.

Пачакаўшы, пакуль мікрааўтобус ад'едзе, ён зноў уключыў рацыю:

— Чатырыста дваццаты, я сто шосты.

— На прыёме.

— Ты зараз дзе?

— Там, дзе і быў, а што?

Сто шосты крыху памарудзіў з адказам, але, успомніўшы пра вымову і рапарт, які быў напісаны з-за гэтага, сказаў:

— Хвілін праз пяць-шэсць паўз цябе праедзе мікрааўтобус «Міцубісі», дык ты яго не чапай, няхай хлопцы едуць сабе спакойна.

— А што за хлопцы такія, што чапаць нельга?

— Добрыя хлопцы, чатырыста дваццаты, добрыя... Дарэчы, адчуваю, ты ад машыны адыходзіўся.

— Тармазнуў тут аднаго... А што?

— Цікавую навіну праяваў.

— Гэта якую?

— Ды так... Здаецца, пра банду Баксёра ты больш ужо не пачуеш...

— Баксёра, з-за якога цябе?.. Чаму ты так рашыў?

— Інтуіцыя, дружа, інтуіцыя...

Музыка

Гадоў з дванаццаці, калі ўпершыню ўзляцеў пад неба ад музыкі, а дакладней ад кампазіцыі «Бітлз» «Yesterday», я ўсе наступныя гады з непрадказальнай перыядычнасцю, але з ракавой, незалежнай ад мяне непазбежнасцю задаваў сабе пытанне: што ж такое музыка? Чаму яна змушае адчуваць асалоду і пакутаваць? Пісаць вершы і рэзаць вены? Адважна кідацца ў няроўны бой і нямець ад бяссілля і страху? Імкнуцца да дасканаласці і рабіцца рабом адной мелодыі?

Ужо ў інстытуце, прачытаўшы працы А.Рымскага-Корсакава, М.Сапажкова, Т.Хаясакі, М.Гітліца, Л.Канановіча і іншых, я засвоіў, што музыка — гэта вынік уздзеяння зменлівага ціску паветра на нашы барабанныя перапонкі. Яны першымі фіксуюць у прыёмніку гуку — вуху — гэтыя гарманічныя змены. Далей «паветраны сігнал» пераўтвараецца ў механічны, затым — у нервовы імпульс і нарэшце па слыхавым нерве трапляе ў мозг. Калі сігнал празмерна моцны, нам баліць.

Карацей кажучы, пра «ціск» я зразумеў, але адказу на пытанні не атрымаў. Я не атрымаў адказу, чаму нават тая мелодыя, што гучыць ціха і зусім не цісне на вушы, скажам, «Гісторыя кахання» Фрэнсіса Лэя, выклікае ўва мне смутак і несуцешнасць, а на вочы нагортваюцца слёзы? Уявіце сабе: музыка гучыць ледзь чутна, барабанныя перапонкі знаходзяцца ў стане спакою, мне нічога не баліць. Адкуль жа слёзы?

І таму прызнаюся: я не ведаю, што такое музыка. Чаму яна здольная паглынуць мяне, завалодаць мною. Паралізаваць. Павесці за сабою. Прымусіць змагацца. Памерці.

Я не ведаю, што такое музыка, але ў адным абсалютна перакананы: музыка, больш правільная, — адчуванне, успрыняцце музыкі — гэта адно з невядомых (ці не названых?) пачуццяў, уласцівых чалавеку. Пачуццё ўспрыняцця цудоўнага і дасканаллага.

Гучанне гітары Карласа Сантаны і голаса Фрэдзі Меркуры. Геній Чайкоўскага і Баха. Мелодыі Рыка Вейкмана і «Пінк Флойд», кампазіцыі многіх іншых. Усё гэта музыка, музыка, музыка...

І акіян, планета, сусвет. Усё гэта свет музыкі — вяршыня светабудовы, гармоніі душы і прасторы.

Група завялася і была ў экстазе ад уласнага вы-

канання «Come together. Right now...». Нават сябра Чэмпіёна Андрэй, які сядзеў насупраць (не вельмі даўно ён зазнаў год катаванняў пабаямі і голадам у «амерыканцы», прытым, як выявілася, нізавошта), паклаў відэлец, прыціх, замёр. Глядзеў у адну кропку. Акунуўся ў простую, але прыемную, крамальную — за душу бярэ — бітлаўскую «together...» Здавалася, цалкам адключыўся. Штосьці ўспамінаў.

Моцнае ўзбуджэнне адчуваў і Чэмпіён. Раскацістае «Right now...», здавалася, пранікала ў душу і гучала ўсярэдзіне.

Яму знячэўку прыйшла ў галаву думка, што ўсё ж ёсць паралельныя нашаму свету. Скажам, свет музыкі. Калі мелодыя захапіла, прымусіла забыцца на ўсё, паланіла, — значыць, свет музыкі прыняў цябе, ты ў ім. І пакуль чалавек і музыка адзіныя, ён, чалавек, знаходзіцца ў другім вымярэнні, у другім (а, магчыма, іншым?) свеце, — у свеце музыкі!

І з гэтае прычыны не адразу, а толькі пасля паўторанага з націскам «Добры вечар!» Чэмпіён спачатку ўбачыў, а пасля пачуў чалавека, што падышоў да іх. Сам сабе ахарактарызаваў яго, як караля мясцовай шайкі бандытаў. У народзе той сапраўды лічыўся крымінальным аўтарытэтам і галоўным сярод рэкеціраў, што атабарыліся ў гэтай установе.

— У вас, бачу, усё о'кэй. У рэстаранчык да нас зазірнулі. У госці, так бы мовіць, на агенчык. У

госці — гэта добра. Трэба й пазабаўляцца. А вось тое, што без падарункаў прыйшлі, — несалідна, некультурна, я нават сказаў бы — нахабна. Нахабнікаў жа трэба выхоўваць, вучыць дабру-розуму. Але вы не хвалойцеся, мы людзі лагодныя, сардэчныя і выхоўваць нікога не збіраемся. Дый грэх гэта — гасцей крыўдзіць. Але ж, скажам, паўдзельнічаць у дабрачыннасці кожны, хто адпачывае ў рэстаране, мяркую, абавязаны. Бачыце, там, у куточку, хлопцы сядзяць? Яны, між іншым, не проста так лынды б'юць, а вас ахоўваюць. Галодныя, дарэчы. Удзячнасці ж — аніякай. А ці справядліва гэта, калі адны шыкуюць, а другія ад недаядання пухнуць? Ці правільна? Ці па-Боску? І задаю апошняе пытанне: маеце вы намер выправіць гэтую несправядлівасць?

Чэмпіён уключыўся і дапяў, чаго ад іх хоча змагар за справядлівасць ці, як гавораць пра такіх у пэўных колах, лідэр злачыннай групоўкі, а на выгляд — абарыген: прыйшоў у рэстаран у азіяцкай піжаме. Яму, напэўна, хтось са злосці падказаў, што гэтая апрапаха — арыгінальны варыянт спартыўнага касцюма крутой, элітнай малавядомай фірмы.

«Абарыген абарыгенам, а гаворыць, як піша, — разважаў Чэмпіён. — Складна гэтак пра даўгі-абавязкі і «галадаючых Паволжжа» распавёў».

Але, падышоўшы да гэтых гасцей, галоўны бандыт зрабіў памылку. Пачуццё страху, уласцівае большасці нармальных людзей, у пераможцы добрага дзесятка

міжнародных турніраў па барацьбе дзюдо і самба (таму і Чэмпіён) адсутнічала начыста. Ён быў, у дадатак, у піку формы, а значыць, мог адзін на адкрытай, свабоднай пляцоўцы змагацца з тузінам ахвотнікаў. Бандытаў жа было сямёра. Праўда, хлопцы нішто сабе, падцягнутыя, плячыстыя. Але Чэмпіёна гэтая акалічнасць ані не бянтэжыла. Вага для яго не мела значэння.

І ён цярпліва растлумачыў «сіняму»:

— Ты, бос, не да таго аб'екта прыклеіўся. Публікі шмат, а выбар зрабіў не з лепшых. І калі, напрыклад, ты не ведаеш, што такое «іпон»*, дык лепш перайдзі на другі бок вуліцы і там трэніруйся. Тут прыбіць могуць.

Дагаварыўшы, Чэмпіён на ўсялякі выпадак адсуnúўся разам з крэслам ад стала (раптам бандыт занадта нервовым акажацца і кулакамі пачне махаць), трэшчкі адкінуў галаву назад і развёў рукамі: маўляў, выбачай.

Бандзюк, па ўсім відаць, з чэмпіёнамі не сутыкаўся (іх жа адзінкі, гэтых чэмпіёнаў, і яны, як правіла, недаступныя «простаму народу», няхай нават і «сіняму»: калі не на зборах «адседжваюцца», дык у спаборніцтвах прымаюць удзел) і таму палез на ражон. Але перастрахаваўся. Ціхі голас і

* Чыстая перамога ў паасобных відах усходніх адзінаборстваў.

спакойны тон Чэмпіёна яго насцярожылі, ён засумняваўся ў сабе і махнуў астатнім:

— Гэй, братва! З намі пагаварыць хочучь. Ага, з усімі. Герой тут адзін знайшоўся. Прагне пазнаёміцца.

Адначасова падняліся шасцёра стрыжаных «бясшыйных» малайцоў і рушылі ў кірунку да гасцей.

Ішлі павольна.

Павольна Чэмпіён пачаў змяняцца. На твары ўзнікла ўсмешка. Ён учуў музыку. Сваю музыку. Музыку бою.

«Come together... — прамільгнула ў свядомасці, і ён прыкінуў: — Шэсць. Шэсць плюс адзін — сем. Гэта блізка да мяжы. Усё! — загадаў сабе. — Нікога няма! Я адзін. Увага! Бой! Хаджыме!»

Ён пачуў «Right now...», ускочыў з-за стала, перакуліў рукамі суседні і, вызваліўшы паперадзе сябе прастору, ударам нагі ў грудзі збіў першага з нападаўшых. Паспеў адчуць: такі ўдар для любога мацака — бальніца. Адскочыўшы ўбок, апынуўся ззаду самага дужага з бандытаў і рукамі з усіх сіл штурхнуў таго ў плечы. Правільней, штурхаў не рукамі, а корпусам. Інакш бугай, які быў вышэйшы за яго на галаву, не праляцеў бы пяці метраў і не грывнуўся б усім целам на бетонную падлогу.

Астатнія чацвёрэ (галоўны застыў, як помнік) аказаліся больш жвавымі. Бліжэйшы прыняў баявую стойку. «Добрая стойка. Прыгожая. Баксёрская», —

азначыў Чэмпіён і, тупнуўшы нагой аб падлогу, на імгненне вымусіў «баксёра» апусціць вочы долу. Гэтага хапіла. Галавой ён баднуў бандыта пад рэбры, і той адляцеў, як ад капота машыны. «Слабаваты аказаліся ў хлопца живот, рыхлы, — зафіксаваў Чэмпіён, але тут жа прыйшло сумненне: — Штосьці лёгка яны кладуцца», — і на ўсякі выпадак ён аўтаматычна зрабіў крок управа — там было нібыта вальней.

Добра, што спахапіўся. Кулак яшчэ аднаго смельчака замест таго, каб патрапіць яму ў галаву, толькі шмаргануў па вуху. Але балюча шмаргануў. «Падрапаў, гад», — мільганула ў Чэмпіёна, і ён зразумеў — гэта першы званок, ён прыпазняецца. Схапіў графін з празрыстай вадкасцю — якраз трапіў пад руку — і ірвануўся да галоўнага.

Той уцякаць не стаў. Што ні кажы — гаспадар. Але і біцца «ў тэмпе» не ўмеў. Таму і растрэшчыў яму графін пераноссе.

«Ага, заадно і з кальца вырваўся, — павесялеў Чэмпіён і агледзеўся. — О-о, ну гэта нікуды не варта, — пракаментыраваў ён тактычныя захады «сініх». — Трое і з нажом у дадатак...»

І яшчэ падумаў: «Нож — гэта кепска. Гэтага я не люблю. З дзяцінства. Так лёс наканаваны». І тым не менш, пераадолеўшы боязь, ён кінуўся на нож. Баяўся, але ведаў: таго, з нажом, атакаваць трэба перш наперш.

Двое прапусцілі ўзброенага наперад. «Сур'ёзны, напэўна, таварыш», — зрабіў выснову Чэмпіён.

— Дай! — крыкнуў ён неспадзеўкі, паказваючы на нож, ад чаго бандыт на нейкі момант разгубіўся. Скарыстаўшы замінку, левай рукою ўхапіў яго за кісць, правай — за локаць і завучаным «балявым» рычагом прыгнуў да падлогі. «Не, гэтага шкадаваць нельга», — пранеслася ў галаве, і, рызкуючы зарабіць тэрмін, ён шпурнуў бандыта на падлогу. Той торкнуўся ў плінтус галавой. «Дзякуй Богу, хрыбетнік не пасыпаўся», — падумаў Чэмпіён, пераводзячы дух.

Апошняя парачка бандытаў кінулася да лесвіцы. Гэтак спрытна перамахнуць з другога паверха на першы Чэмпіён, напэўна, не змог бы і сам.

— Прыгожа, — пачуў ён і зразумеў, што выходзіць з бою. — У жыцці такога не бачыў. Проста як у кіно, — гаварыў сябра Чэмпіёна Андрэй. — Та-ак... Ты даеш! Не ведаў, з кім таварышую. Да цябе, аказваецца, без «пушкі» не падыходзь.

— У-у-у... — загула, падтакваючы Андрэю, зала. За бліжэйшымі столікамі запляскалі ў ладкі.

Чэмпіён падышоў да свайго. Сеў. «Сем, — чамусьці зноў уварвалася ў ягоную свядомасць магічная лічба. — Штосьці не так. Штосьці не адпускае. Падмога? Так! Зараз прываліць падмога! Бой не скончыўся! Увага!»

І тут яму апякло спіну. Цела зайшлося ад болю.

— А-а-а, — прастагнаў Чэмпіён.

«Нож ці куля», — падумаў ён. І памыліўся. Гэта

аперазаў яго дубінкай мясцовы мент, сяржант, дружбак сямёркі, — прыбег ім на дапамогу.

— Устаць! — раўнуў ён пастаўленым голасам. — Рукі!

Падскочыў другі мент. З кабурой на баку і наручнікамі на поясе.

— Ёсць, ёсць «пушка», не глядзі, не сумнявайся, — сказаў ён, перахапіўшы іранічны позірк Чэмпіёна. — Значыць, устаём, рукі падываем. І паволі. Ве-ельмі паволі. Бачылі, які ты скрытны...

Прыціхлая зала зноў загула. Хтосьці крыкнуў:

— Чаго да чалавека прычапіліся? Лепш бы бандытаў лавілі! Не чапайце хлопца!

— Маўчаць! — раўнуў той, з наручнікамі. — А гэта хто? Такі ж бандыт! Рукі, я сказаў! — павярнуўся ён зноў да Чэмпіёна.

«Што рабіць? — прыкідваў Чэмпіён. — Паслухацца ці атакаваць? Можа, гэтага, з пушкай, падсячы, а ў другога прэс праверыць? Не! — тут жа вырашыў ён. — Звязвацца з імі — сабе на шкоду. За мянтоў любы суддзя папросту на «пецярк» раскашэліцца. Трэба здавацца. Хоць і гэта рызыкаўна. Падмога, калі паспее раней, чым мяне павязуць, умомант змяце гэтых хамякоў, а пасля... Добра, будзем спадзявацца на лепшае». Мянту сказаў:

— За ўдар па спіне адкажаш, а пакуль што адзнач і запомні: я не супраціўляўся. Але ведай: калі яшчэ раз махнеш палкай, гэта будзе апошні раз у тваім жыцці.

— Не палохай! Палоханыя. Не такіх крутых бачылі, — сказаў мент не надта пераканаўча. — Пайшлі...

«Шкада Андрэя. Слова не вымавіў, а яго таксама загрэблі, — думаў Чэмпіён, спускаючыся па прыступках. — От жа не шанцуе хлопцу. Толькі што з КПЗ і цяпер зноў...»

Андрэй жа думаў пра іншае: «Такія баі самі па сабе не канчаюцца. Не да добра ўсё гэта, не да добра. Адчуваю, будзе працяг банкета...»

У фэе з туалета, што быў насупраць уваходу ў рэстаран, выйшаў мент — лейтэнант. Мянта гэтага Чэмпіён ведаў, але адразу не пазнаў: у форме раней не бачыў. Кожны чацвер у іхнім клубе праводзіўся «дзень схватак», і лейтэнант не раз наведваўся да Чэмпіёна ва «Ураджай», бо ў «Дынама», дзе ён трэніраваўся, вартых сапернікаў не было. Мент таксама хацеў быць чэмпіёнам.

— Саша, — не па статуце звярнуўся сяржант да лейтэнанта, — бандыта злавілі. Круты, падла. Проста вундэркінд. Ты б пабачыў! Цэлае прадстаўленне закаціў. Ну, нічога, мы яго...

«Сашка! Санька! — прамільгнула ў Чэмпіёна: ён пазнаў, нарэшце, свайго спарынг-партнёра. — От гад! Сітуацыю ўсек, а маўчыць. Вырашыў памучыць, паздэквацца, — прыкінуў Чэмпіён, па-свойму ацаніўшы кароткі позірк таварыша. — Што ж, мо ўсё й лагічна. Я ж яго на татамі не шкадаваў».

— Давайце, давайце, цягніце бандыта ў машыну. У аддзеле разбярэмся, што за птушка, — загаварыў нарэшце лейтэнант.

«Падлюга!» — вылаяўся ў думках Чэмпіён, але апускацца да таных фраз кшталту: «Саша, ты што, свайго не пазнаеш?» — не стаў.

І тут заявіла аб сабе падмога.

Чэмпіён убачыў іх першы. Яны ламаліся ў дзверы. Штосьці крычалі.

Загучала «Come together. Right now...». Яна нагадала: «Небяспека!»

Уваходныя дзверы з тоўстага шкла былі зачыненыя, але дагодлівы швейцар паспяшаўся да іх.

— Стаяць! — загадаў яму Чэмпіён, рызыкуючы яшчэ раз атрымаць дубінкай. І, магчыма, атрымаў бы, калі б лейтэнант не зрэагаваў:

— Косця, закіньце «вундэркінда» на другі паверх, прайдзіце праз бар у гасцініцу і выклічце машыну адтуль.

Сяржант не стаў абмяркоўваць загад, штурхануў Чэмпіёна ў спіну:

— Пайшлі, круты. Сёння твой дзень. Халява табе так і прэ.

«Круты ды круты... І што ў яго за манера такая дэбільная: адно слова пяць разоў паўтараць», — думаў Чэмпіён, падымаючыся па прыступках на другі паверх.

— Двадцаты, я восьмы, — пачуў Чэмпіён з рацыі, якая нечакана ажыла ў машыне. — Затрыманага дастаўце дадому. Для аддзела брыгада Крэндзеля дзяжуріць...

— Зноў табе шанцуе, — пракаментыраваў сяржант паведамленне. — І адкуль такія ўдачлівыя бяруцца?

Сёння чацвер, дзень схватак. Ён праспаў і зараз спяшаўся. Лягнуў дзвярыма. Амаль уляцеў у адчынены ліфт. Не глядзячы, націснуў ніжнюю кнопку. Праехаў толькі два паверхі. Дзверы рассунуліся. Чэмпіён зрабіў крок, другі. Адчуў халадок. Небяспека! Справа?! Павярнуў галаву. Выкінуў, пераймаючы ўдар, руку. Позна...

Ён ведаў, што калі-небудзь спозніцца. У дзяцінстве бачыў сон. Бог, ці што, глядзеў на яго, папярэдзіў: ты станеш лепшым за ўсіх, але ніколі не будзеш старым...

Удар быў з-за спіны збоку. Моцны, рэзкі, прафесійны. Чэмпіён скокнуў назад, але яго абхапілі двое. Умела абхапілі, як звязалі, не тузануцца.

— Герой, — сказаў бандыт, што ўдарыў яго збоку, — зараз ты будзеш паміраць. Паміраць паволі і балюча. Ты падняў руку на Крэндзеля. Ведаеш, хто

гэта? Ведаеш! Бачу... — Паласнуў бандыт яго па грудзях. — Не хвалюйся. Гэта не страшна... — адвёў ён руку з нажом зноў...

Пайшла музыка. «Come together...». «Нажы — гэта не для мяне, — прыгадаў Чэмпіён. — З нажамі ў мяне праблема. Як жа атаку прамаргаў?» Чэмпіён адчуў пах крыві. «Наперад! — загадаў ён сабе. — Бой! Хаджыме!» Адштурхнуўшыся ад двух, што трымалі яго, ударыў трэцяга нагамі. Той адляцеў, выпусціў нож. «Без нажа працаваць можна, — мільганула ў Чэмпіёна думка і, зноў адштурхнуўшыся, гэтым разам ад зямлі, ён кульнуўся цераз сябе, перакаціўся, згрупаваўся, устаў. — Цяпер паехалі», — сказаў ён, але раптам замоўк.

Двое. Перад ім стаялі двое: сяржант з напарнікам. У цывільным.

Сяржант дастаў «пушку»:

— Во, гад! — націснуў на курок.

Куля трапіла Чэмпіёну ў плячо, прайшла навывлёт, дзынкнула аб паштовую скрынку. Ён кінуўся на сяржанта, але той не адпускаў курка. Чатыры кулі ўвайшлі ў грудзі Чэмпіёна.

Чатыры разы апякло. Ён упаў. Ubачыў столь. Чорную. Ноч. Ён адключаўся, паміраў...

Калі тыя двое падышлі да Чэмпіёна, ён яшчэ чуў «Come together...». Сяржант прыставіў пісталет да ягонай галавы і стрэліў. Музыка абарвалася.

— Усё, — сказаў сяржант. — Сыходзім.

— Справы о'кэй, кажаш? — спытаўся чалавек з заклееным дзвюма шырокімі стужкамі пластыра носам. — Гэта добра, што о'кэй. З мяне падаруначак. Зрэшты, з цябе, «літэр»[♦], таксама нале... — не дагаварыў заклеены і заціх. Ubачыў.

Андрэй націснуў на курок. Пластыр, успораты чымсьці нябачным, адарваўся ад твару. Твару не было.

— Што здарылася? — чулася з павіслай на шнуры трубка. — Што ў вас робіцца?

— Right now... — падняў трубку Андрэй. — My friend is waiting for you^{♦♦}, — дапеў ён за Чэмпіёна.

[♦] Ад слова «лейтэнант» (жарг.).

^{♦♦} Мой сябра цябе зачакаўся. (анг.).

Фарц

Фарцоўшчык. Скарочана — фарц. Слова калісьці вядомае. Але няўдачлівае: мільганула ў гісторыі і знікла. Нядаўна мільганула і даўно знікла. Як і тыя, каго гэтак называлі...

Фарцоўшчык паміраў ад нуды, алкаголю, няўцешнасці, незапатрабаванасці, сумленнасці. Паміраў ад жадання памерці. Гэтыя пятнаццаць гадоў свабоды сталіся для яго фатальнымі. Ён не змог прыстасавацца да хуткіх гульняў «новых беларусаў». Ён любіў класіку. Казаў: курачка па зернетку. Злётаў у «дрэнную» капіталістычную Швецыю (трапіць туды ўжо было подзвігам), абмяняў сумку з гарэлкай, шампанскім і ікрою на два-тры відзікі і дзесятак «уокменаў», вярнуўся, прадаў іх у паўтара раза танней, чым у «коміксе», і зноў купляй «запрашэнне» і ляці ў чарговую капіталістычную.

Цяпер іншы час. «Новыя» імкнуцца прадаць удвая даражэй, чым купілі. Прадаць і зрабіць усё, каб не паставіць тавар, не разлічыцца, знікнуць, змыцца,

забыць. Ёсць і нармальныя «новыя». Але і яны, калі ты раптам на дзень-два, няхай і не па сваёй віне, затрымаў дастаўку тавару, разбяруцца з табою па поўнай праграме. Наладзяць такую трэніроўку нервовай сістэме, пасля якой аднавіць яе будзе вельмі-вельмі складана.

Забег сябра, калісьці ўладальнік адной з самых багатых у СССР калекцый — некалькі тысяч — фірменных вінілавых пласцінак, кожная з якіх каштавала тады палавіну зарплаты пралетарыя. У той добры стары час яму ўдавалася слухаць пінкфлойдаўскую «Сцяну», калі гэты пазней суперславуты «двайнік» яшчэ не паступіў у продаж у той краіне, дзе друкаваўся. Калісьці гандляры слухалі музыку і трымалі ў руках альбомы «Цэпелінаў», «Паплаў», «Сабатаў», «Фанкаў», «Слэйдаў», «Назарэтаў» і іншых «Хіпаў» або «Світаў» раней за саміх англічанаў.

Саша паглядзеў на сябра, як у люстэрцы ўбачыў у ім сябе і адвёў вочы ўбок. Не хацелася жыць. Хацелася выць. Выць на неба, на несправядлівы нейтралітэт Усявышняга. Цяпер і ўявіць немагчыма, што некалі ля пад'езда, у якім была кватэра гэтай асобы, суткамі дзяжурылі таксісты. У рэстаране, куды ён заходзіў паесці, афіцыянт ведаў: калі раптам (ну раптам!) ён застанецца без працы, дык пасля таго, як асоба паабедае, у бліжэйшыя месяц-два з голаду не памрэ. І хадзіла асоба з вялізнымі сумами. Грошай не хавала і нікога не баялася.

Цяпер асобы не было. Ператварылася ў анучу. Цяпер сябра баяўся ўсяго. Дрыжаў. Прасіў. Панік. Але найбольш баяўся яго, Сашы. Баяўся, што ён адмовіць, не дасць гэтых няшчасных дзесяці долараў, якіх, калі эканомна, яму хопіць, каб забыцца дні на тры. Ён не ведаў і не бачыў (або не хацеў ведаць і бачыць), што яго сябар ўжо даўно такі ж самы, як і ён, і для яго гэтая сума таксама ой якая немалая.

Праўда, Саша стараўся не падаць духам. Штодня бегаў, прымаў душ, чытаў вясёлую перабудовачную перыёдыку, сачыў за навінкамі. Новы альбом Плана нядаўна запісаў. Радаваўся, што Вейкман пасля доўгага маўчання на днях на біс аб'явіўся. Што Дылан, зноў жа, не здаецца. Што не спяць і Бенсан са Сцюардам. «Змагаецца старая заходняя гвардыя, — гаварыў ён, гледзячы на сябе ў люстэрка, — не ў прыклад нам, зацыкленым сумленна-лагічным саветыкусам». Акуратна насіў купленыя калісьці дарагія рэчы. «На іх цяпер не заробіш, нават калі памрэш ад перанапругі, — інфармаваў ён жонку, калі прасіў уключаць пральную машыну ў эканамічным рэжыме. — Добра, што тады купляў дарагія рэчы. Дарагія і праз гады адпавядаюць...»

«Дзе ж знайсці для Стаса гэтыя «ўсяго» дзесяць долараў? — спрабаваў Саша нешта зрабіць. — Што іх у мяне няма, ён, безумоўна, не паверыць, і адразу я ператваруся для яго ў самага заклятага ворага...»

Думай, адстаўны фарц, думай!

Сёння панядзелак, на рынку выхадны, і сусед дома. Адпачывае. Былы слесар, які дрыжаў калісьці ад хвалявання, калі для яго запісваліся ў гэтай кватэры «Боні М», «Атаван» або «Чылі», што даводзілі да сексуальнага ўзбуджэння, Саммер, якая ажно стагнала ад перапоўненасці пачуцця, «Супермакс», што нізамі ўзрываў акустыку і лёгкія, або антымаскоўскі «бандытызаваны» «Чынгісхан», даўно меў гэтых «максаў» і «ханаў». Стасавых «ханаў». Закладаючы кожны раз за бесцань, «да заўтра», тых жа «Бітлзаў» або джагераўскі меланхалічны, але строга вывераны «Стоунз», атручаную наркотай першую фатальную гітару свету Хендрыкса або тую ж Джоэлін, што разрывалася ў напружанні звязак і жыцця, Стас паступова спусціў сваю славутую калекцыю. Пасля за бесцань паляцела унікальная нават па цяперашнім часе аудыёапаратура: эквалайзер з уманціраваным аналізатарам спектра тады яшчэ моцнай японскай фірмы «Сан Суй», двухблочны, коштам у некалькі іншамарак узмацняльнік славутага амерыканца «Марка Левінсона», прафесійная акустыка ад англійскіх джэнтльменаў Баўэра і Вілкінсона, дэка ад легендарнай «Накамічы», аналагавы прайгравальнік вышэйшай групы складанасці ўчэпістых немцаў з «Дзюала». Пасля тэхнікі прыйшла чарга апошніх запасаў: відэакасет з «лазернымі» копіямі-арыгіналамі і відэадыскаў. Пазней з малатка пайшла жончына калекцыя французскіх духоў, сукенкі ад Версачэ і іншых непатапляльных...

Цяпер у Стаса для слесара, а дакладней для гас-

падара сеткі камерцыйных кіёскаў, што стаялі каля ўваходу на цэнтральны рынак сталіцы, нічога не было, і ён прыйшоў да Сашы. Грошы ён яму павінен знайсці, інакш стане ворагам. Сусед ці знаёмы, што не даў, гэта проста той, хто не даў: сволач, скупянда. А сябар, які не даў, — гэта здраднік, кроўны вораг, юда.

Саша не хацеў быць Стасавым кроўным ворагам. Ён не хацеў быць юдам.

Успомніў. Жывы яшчэ апошні з магіканаў, любімы радыёпрыёмнік, адзін з першых лічбавых «Sony». Некалі найвышэйшая мадэль у каталогу. З яе каталог пачынаўся. Нават цяпер, праз паўтара дзясятка гадоў, лепшай не з'явілася. З'явіліся меншыя габарытамі і вагою, але не лепшыя па якасці.

Усе гэтыя гады прыёмнік прастаяў у спальні і стаў паўнапраўным членам сям'і. Спачатку сведкам шчаслівых імгненняў зачацця, пасля страсных сцэн рэўнасці, цяпер бяссонных начэй таго, хто паставіў на карту ўсё і прайграў, — дакладней, хто не стаў гуляць. Любімы прыёмнік бераглі, накрывалі махровай сурвэткаю, шкадавалі. Уключалі толькі перад сном: што там, на «Свабодзе», пра самую свабодную гавораць? Таму і захаваўся ён у ідэальным стане.

Цікава, ці возьме Віцёк, неўтаймоўны бізнесмен і пястун лёсу, апарат, які каштаваў семсот долараў, за «Стасавы» дзесяць?

Сябру сказаў:

— Добра, пачакай. Сам разумееш, зараз грошы дома трымаць — тое самае, што бандытаў на гарбату запрашаць...

Увайшоўшы ў спальню, Саша ўбачыў родны «Sony». За гэтыя гады ён стаў яму другім бацькам, першым настаўнікам, малодшым братам. І зараз ён павінен свайго брата прадаць. Саша паглядзеў на прыёмнік, падумаў, супакоіў сябе: ён выкупіць, ён абавязкова яго верне, любой цаной...

Пяшчотна працёр «соньку», блок сілкавання ад яе, дастаў з ніжняй паліцы шафы тоўстыя, з добрую кніжку, правілы эксплуатацыі, прыкладзены да іх даведнік частот вядучых радыёстанцый свету, паклаў усё гэта ў дыпламат і выправіўся да суседа. Ішоў, як на плаху. У трыццаціградусную сонную ліпеньскую спякоту цела працінаў холад, ад якога калісьці ён ледзь не акалеў у Сібіры...

Дзверы адчыніла Святлана, бізнесменава жонка, былая прыбіральшчыца ЖЭСа, а цяпер заядлая наведвальніца «буцікаў», масажных кабінетаў і іншых панадрых мясцін для «дастойных і далучаных».

— Светка, твой дома? — паспрабаваў Саша спытаць «дастойную» па-свойску, па-суседску, але — збянтэжыўся. Нахлынуў французскі туман, і ў былога караля відэаапаратуры язык прысох да нёба. Прагучала не пытанне, а просьба. Апошні флакон духоў скончыўся ў жонкі год назад. «А Францыя застаецца Францыяй, — падумаў ён, — гіпноз, а не пах. Не здаецца старая гвардыя. Не здаецца...»

— Як усе абрыдлі, — вісклівым голасам загадчыцы каўбаснага аддзела часу «святога» калекцыянера цацак Леаніда Ільча сустрэла яго суседка. — У выхадныя адпачыць не даюць. Віктор (зработала яна націск на другім складзе) заняты! Масажыстка ў яго. — Суседка сабралася зачыніць дзверы.

— Свет, хто там? — пачуў ён голас слесара-бізнесмена. — Сашка? Пусці пацана. Хай пакажа, што прывалок...

— Добра, праходзь, — нехаця сказала Света, адчыняючы дзверы. — Мёртвага ўгаворыш. Тапкі здымі. Віктор у спальні.

«Бедны мой «Сонечка», — падумаў Саша, уваходзячы ў беласнежную спачывальню. — Не спытаўшыся, вырваў цябе з наседжанага месцейка. Тут цябе, здаецца, ні разу і не ўключачь, не пагамоняць з брачкамі...»

У спальні Сашка ўбачыў, як па голым целе Віцкі-бізнесмена «праходжвалася» высокая, у празрыстым халаце без ніжняй бялізны, з сакавітым целам бландзінка. Віцка крактаў ад кайфу, кінуў адрывіста:

— Вы-клад-вай свае забаўкі. Мож, што й спатрэбіцца...

Сашка падышоў да суседа і падаў яму «Sony».

— Гадзіннік, ці што? — хмыкнуў, гадаючы, Віцек.

— Не, прыёмнік, — адказаў Сашка, пачынаючы злавацца на гэтую цёмную, задаволеную жыццём істоту. — Во напісана: «All band Receiver», — усехвалё-

вы, значыць. Але гадзіннік і таймер у ім таксама ёсць...

— Колькі? — адрэагаваў хваткі ўладальнік шапікаў.

Імгненне падумаўшы, Сашка назваў цану крыху большую за суперхаляўную, па якой сусед пераважна ўсё і купляў:

— Семдзе...

Не даслухаўшы, Віцка абарваў:

— Ну, ты даеш! Дурня шукай у іншым месцы. Трыццаць! І амбец!

— «Sony», сапраўдны, японскі, — тлумачыў Саша. — Такіх цяпер...

— Правільна, — зноў перапыніў яго Віцек. — Цяпер — не тады! Пяцьдзесят. Апошніяе слова. Паўсотні! І рублямі. Усё! Гандаль скончаны, — спаліў сусед апошні масток, які лучыў Сашку з тым іншым, «актыўна-застойным» жыццём. — Светка, нясі капусту! Санёк мяне зноў абуў...

Атрымаўшы грошы і аддаўшы суседу прыёмнік коштам семсот долараў за пяцьдзесят, Сашка пажадаў яму далейшага працвітання і пайшоў.

Ужо падыходзячы да сваёй кватэры, падумаў: «Толькі б Стас не зработіў глупства і не ўкраў, пакуль мяне не было, чаго-небудзь з дарагога посуду, да продажу якога я пакуль не дакаціўся. Іра знікнення яе талісмана, апошняй адзнакі таго, амаль забытага жыцця не вытрывае...»

Але хваляванні яго былі дарэмныя. Нават у цяперашнім стане Стас чужы посуд красці ніколі б не стаў. Прапіць сваё — так. Але чужое... Ён жа былы фарц, а не злодзей! Так, Стас не крадзе і гіне...

Аддаўшы сябру упакоўку рублёў (чырвонец «іхнімі»), Сашка правёў яго і, вярнуўшыся, прысеў на скураную канапу. Уздыхнуў.

— Бабуля, — звярнуўся ён да канапы, — што будзем рабіць? Так і будзем каціцца ў прорву галечы, бяздзейнасці, апатыі? Здаецца, пара падумаць, наколькі далёка я зайшоў у нежаданні прыняць новыя правілы гульні...

Саша разважаў. Прыкідваў, з чаго пачаць. Куды скіраваць намаганні, веды, вопыт? Як жыць? Што рабіць? Кінуцца ў бойку самому ці пайсці ў найміты? Не, лёкаем ён ніколі не быў! Але і ад боек стаміўся. Даўно стаміўся. Можа, таму цяпер і не ў абойме. Так, ён стаміўся. Пятнаццаць гадоў... Стаміўся...

Саша адключыўся, заснуў...

Сніўся сон.

Індыя. Яны ўзляцелі. Пошук, выбар, загрузка — усё мінула. Яму болей за сорок, а вымушаныя завіхацца з маладымі хлопцамі. Але хлопцы працавітэ, дружныя, вясёлыя, чымсьці родныя. Ён сышоўся з імі, памаладзеў, пахудзеў, пачаў усміхацца. Упершыню за апошнія гады адчуў сябе чалавекам, дзейным чалавекам, які працуе, змагаецца, жыве.

Нарэшце!

Іх дванаццаць. Дванаццаць чаўнакоў, гатовых верай і праўдай або й без іх прарвацца, прабіцца, праскочыць, даставіць, зарабіць, карміць сям'ю, жыць і зноў прарывацца.

Ён стаў адным з іх. Людзей па-за дзяржаваю і законам, па-за абаронаю і гісторыяй. Нямытых, трохжыльных, рызкуючых, вымушаных бадзяг-падарожнікаў, камікадзе, шукальнікаў удачы.

Гэтым разам удача іх абмінула, абышла, пакінула, здрадзіла ім.

Адразу пасля ўзлёту заклініла рухавік, услед — другі. Ён успомніў словы аднаго з пілотаў, сказаныя камусьці з экіпажа перад пасадкай: «Хлопцы, давайце адкладзем свой тавар на наступны рэйс. Мы ж не чаўнакі, нас час не падганяе. Дзесяць тон перагрузкі...»

Так, перагрузка.

Ён узяў болей за норму, болей, чым мог панесці. Ён хацеў дагнаць гады. Гады прастоя, бяздзейнасці, адчаю. Ён не адужаў. Не змог. Не вытрываў. Зламаўся.

Самалёт зламаўся. Падаў.

Гінуў.

Сашка выдыхнуў, расслабіўся, заплюшчыў вочы.

«Усё. Фініш. Стаміўся. Стаміўся змагацца з жыццём. Стаміўся назаўсёды...»

Грымнуў выбух.

Гарэў самалёт, гарэў дом, на які самалёт упаў, гарэў яго лёс.

Ён не ведаў, што сон акажацца прарочым. Абудзіўшыся, паабяцаў жонцы: «А «Соню» я абавязкова выкуплю, вось пабачыш».

Але яна не ўбачыла. Яна спала. Учора было яго пахаванне, і яна вельмі стамілася.

Першага верасня

Я сустрэў Андрэя на Цэнтральным рынку. Ішло да закрыцця, народу амаль не было, і хоць мы не бачыліся добры дзесятак гадоў, пазналі адзін аднаго адразу — Андрэя, як і даўней, вылучала белая пышная, пад ранняга Сцюарда, чупрына. Ён купляў сваім дзяўчынкам-двайняткам персікі. Расказаў, што дочки перайшлі ў чацвёрты клас, выдатніцы. Не згадзіўся з маім банальным: «Хутка растуць чужыя дзеці». Пахваліўся, што, нягледзячы на цяжкі час яму пакуль удаецца кожны вечар прыносіць малым што-небудзь з садавіны: іх хударлявыя фігуркі («Нічога не зробіш, — развёў Андрэй рукамі, — мае дакладныя копіі») як не ўголас патрабавалі вітамінаў. Перажываў, што надыходзіць новы вучэбны год, а толкам не падрыхтаваўся да яго: не купіў дзяўчатам школьную і спартыўную формы, чаравікі, красоўкі, ранцы, цёплыя рэчы на восень. Андрэй хацеў набыць усё адным махам і не тут, а ў Польшчы: там, маўляў, усё танней і лепшай якасці...

І грошай падсабраў дзеля такога выпадку. Выехаць збіраўся ў бліжэйшую пятніцу, каб вярнуцца ў нядзелю: панядзелак — першага верасня.

На тым і разышліся.

Калісьці мы вучыліся разам у аспірантуры. На пачатку перабудовы я не вытрываў жыцця на сто дваццаць «рэ» і падаўся ў аўтаномнае плаванне. Андрэй аказаўся больш цяроплівым. Абараніўся, выкладаў. Вельмі любіў сваю працу. Лекцыі яго нагадвалі перадачу «Што, дзе, калі?». Аўдыторыі не змяшчалі ўсіх ахвочых паслухаць — рэдкая не толькі для таго часу з'ява. Малады, прыгожы, перспектывыны, студэнткі бегалі за ім цугам, а ён... ён па-ранейшаму жыў у двухпакаёвай «хрушчоўцы» з мамаю і дзвюма сваімі малымі красунямі: жонка сышла шукаць больш сытага існавання.

Нейкі час Андрэй яшчэ трымаўся за інстытут, але ўрэшце звольніўся: заняўся камерцыйай. З таго часу я не бачыў яго...

І вось — другая запар сустрэча. Хоць не ведаю, ці можна гэта назваць сустрэчай. На маіх вачах два здаравілы ў камуфляжы з блішчастымі ад тлушчу мордамі падышлі да яго ззаду. Андрэй яшчэ паглядзеў на мяне, пазнаў, але прывітацца не паспеў. Адзін з мянтоў схопіў небараку за валасы, другі пачаў выкручваць руку. Андрэй не вылучаўся сілаю ці ростам і, калі б яны запрасілі яго проста «прайсці», не падумаў бы супраціўляцца. Мянты ж, відаць, наважыліся зрабіць паказальны захоп «валютчыка». Яны гнулі Андрэя да зямлі, але, на іх здзіўленне, ён упёрся: не хацеў пэц-

каць аб брудны асфальт нядаўна «абноўленую» маткаю куртку. Не жадаў, каб дочкі, яго светлыя галоўкі, спалохана запыталі: «Тата, гэта бандыты на цябе напалі?». Як бы ён растлумачыў ім, што ўсё якраз наадварот? Схапілі яго мянты па падказцы бандытаў: не плаціць, маўляў, ясак. Ён бы заплаціў, але дужа хацелася апагануць дзяўчынак. Думаў — абыдзецца...

Мянты без асаблівых намаганняў зламалі ягонае супраціўленне, павалілі ў грязь. Андрэй упусціў пакет, з яго выпалі і пакаціліся два вялікія апельсіны. Мент, які выкручваў Андрэю руку, адфутболиў апельсіны з-пад ног, і з напарнікам, што трымаў «валютчыка» за валасы, яны пацягнулі Андрэя да «Уазіка» — той акурат упару падкаціў.

— Узялі, нарэшце, суку, — пракаментавалі мент у цывільным, выходзячы ім насустрач з машыны. — У-у, халейшчык! Сёння цябе навучаць разлічвацца без напаміну. Растлумачаць, чыя праўда і хто ў хаце гаспадар.

Андрэя паставілі на ногі. Мент у цывільным зайшоў яму за спіну і нечакана падскочыў. Ад удару нагой у паясніцу Андрэй уваліўся ва «Уазік». Палезлі ў машыну і мянты. Дзверцы зачыніліся, і банда паехала. Ашаломлены, не ў сілах зварухнуцца, я глядзеў услед шэрай машыне. «Чаму яна не чорная?» — знячэўку прыйшла думка...

У школу першага верасня дзяўчынкі не пайшлі. Перад гэтым, у пятніцу, Андрэй зранку папярэдзіў

маці і дачок, што, мажліва, з базару дадому заязджаць не будзе — адразу махне ў Варшаву. Аўтобус адыходзіць каля семнаццаці, і няма сэнсу швэндацца туды-сюды. Яшчэ сказаў маці, што бярэ з сабою ўсе назапашаныя за лета грошы: яды ў хаце было на тыдзень, так што да ягонага прыезду яны ім не спатрэбяцца, а там любая лішняя капейка будзе дарэчы. Маці ўпрасіла ўзяць і яе «энзэ»: пяць долараў, якія летась падарыла ў дзень нараджэння сяброўка — суседка-пенсіянерка. Але Андрэй усё ж вырашыў заскочыць на хвілінку дадому: не мог паехаць, не развітаўшыся з дочкамі. Выбраў для іх два вялікія апельсіны — большыя заўсёды саладзейшыя...

І ў суботу, і ў нядзелю да глыбокай ночы двайняткі чакалі тату. Ім не цяпелася ўбачыць новую школьную форму, і ранцы, і новыя чаравічкі — старыя зусім знасіліся. Татка абяцаў, што купіць сваім выдатніцам самыя лепшыя.

Бабуля ў ноч на нядзелю спаць не клалася. На досвітку дастала выцвілыя ад частага мыцця сукеначкі дзяўчынак. «На ўсялякі выпадак трэба папрасаваць, — падумала. Спахапелася: — На якія такія ўсялякі?» Прасуючы, адхіляла ўбок галаву: не хацела, каб на сукенкі капнула сляза. Сэрца неспакойна білася, кружылася галава — пэўна, падняўся ціск: раніца, а сына няма. Не рашалася будзіць унучак: позна заснулі, а сёння ўсяго толькі «лінейка», агульнае паstraенне, а бацька прыедзе — і малыя пойдучь у школу ў новенькім. «Усё будзе добра, сыноч», — паўтарала адно і тое ж, водзячы прасам...

Развіднела, надышло першага верасня.

У лясным масіве паблізу чыгуначнай станцыі на ўскраіне сталіцы сонны опер апісваў труп, на які наткнуўся мясцовы бомж з гадзіну назад:

— Мужчына... Узрост трыццаць пяць — сорак гадоў... Валасы пышныя, сівыя... Куртка заліта крывёю... Грошай і дакументаў не выяўлена...

«Рабуюць народ, — думаў аператыўнік. — А тых, хто супраціўляецца, забіваюць». І не здагадаўся, наколькі меў рацыю.

Аднекуль даплыў школьны званок. Успомнілася, што для яго сына гэты званок — першы.

«А хлопцы з базару не падвялі, — задаволеная зазначыў сам сабе. — Арганізавалі мальцу да школы новы гарнітурчык. Фірменны, не тое, што наша дзярмо...»

Настаўнік фізікі

Два бамжы счапіліся насмерць, люта мясілі адзін аднаго. Пераможца (ці той, хто застанецца жывы) рабіўся адзінаўладным гаспадаром смеццевага бака на тэрыторыі дарагой аўтастаянкі ў цэнтры горада.

Я ведаў абодвух.

Высакаваты, у шэрым, досыць паношаным касцюме, у светлай, некалі белай, кашулі, пры гальштуку няпэўнага колеру — былы настаўнік фізікі, удавец, пенсіянер. На пенсію яго выпхнулі. Новая дырэктрыса, прысланая для ўмацавання кадраў, вырашыла, што ён занадта мяккацелы для сучаснай школы. За апошнія гады настаўнік і праўда не паставіў ніводнай «двойкі». Ён лічыў: хто хоча ведаць фізіку, той і пасля «тройкі» задумаецца. Каму ж фізіка «да лямпачкі», таго і «адзінкаю» не напалохаеш. Не выратавала настаўніка нават тое, што для многіх пакаленняў вучняў ён быў прыкладам сумленнасці і прыстойнасці.

Пазбаўлены любімай працы, якой прысвяціў усё

жыццё, ён першым часам не выходзіў з дому. «Як глядзець дзецям у вочы? — задаваў сабе адно і тое ж пытанне. — Выхоўваў, казаў: трэба імкнуцца вучыцца жыць па-ленінску, і дагаварыўся — выгналі, як сабаку». Паціху настаўнік прызвычаіўся тапіць тугу і перажыванні ў алкаголі. Піў спачатку пакрысе, але з кожным днём арганізм патрабаваў спіртнога ўсё болей, што і давяло нашага былога куміра да жабрацтва. А пасля страціў і дах над галавою: падчарка не захацела жыць з «дармаедам» і літаральна выштурхнула яго за дзверы. Судзіцца? Не ўжо, выбачайце, — пайшоў бамжаваць.

Другі прэтэндэнт на права калуцаца ў «прэстыжным» сметніку заявіўся сюды быццам з супрацьлеглага лагера. Усё жыццё (з невялікімі і рэдкімі перапынкамі) ён прасядзеў у турмах, «косячы», як сам хваліўся, «пад дурня» (можа, таму і выжыў). І хоць быў зэкам са стажам (АНР*, як ні кажы) і пакінуў след амаль на ўсіх зонах былога СССР, на ролю рэкеціра, бандыта, важака злачыннай групы не падыходзіў — аслабеў цэлам і розумам. Не навучаны працаваць, жабраваў.

Цяпер ён біўся за тое, каб не бадзяцца па горадзе ў пошуках ежы, не красці з чужых памыйніц (што заўсёды небяспечна), а мець сваю, да таго ж «крутую» і недалёка ад падвала, у якім начаваў.

Зэку ўдалося падгрэбці саперніка пад сябе і схапіць

* АНР - асабліва небяспечны рэцыдывіст (рэд.)

за горла. Але забіваць ён не збіраўся: усё ж бамжаваць лепей, чым парыцца на зоне. Трушчыў у пальцах кадык настаўніка і хрыпеў: «Сыдзі, падла, гэта маё, сыдзі...»

Той маўчаў. Толькі вочы гарэлі, крычалі аб тым, як у яго баліць душа.

Я не вытрымаў, падбег, адпіхнуў крымінальніка:
— Вымятайся, падонак!

Зэк кінуў на мяне з-пад ілба злы позірк, але біцца не палез, адступіў, павярнуўся да настаўніка:

— Нічога, інтэлігенцік, нічога. Не кожны дзень за цябе заступацца будуць. Як-небудзь я цябе падпільную! Гарнітурчык і фейс так адпрасую... Папомніш і маці родную, і мяне...

Ён прабубніў нешта яшчэ і рэціраваўся.

Да болю ў сэрцы я шкадаваў настаўніка, але, успомніўшы, як не любіў ён спачування, зрабіў выгляд, быццам не пазнаю яго:

— Пацярпіце крыху, я збегаю, выклічу «хуткую».

— Не варта турбавацца, малады чалавек, усё нармальна, — перапыніў настаўнік, выціраючы насоўкаю кроў з твару. — «Хуткая дапамога», пасля міліцыя... Не хачу звязвацца з гэтай публікай. Ідзіце, прашу вас, калі ласка, а то, чаго добрага, і вас заадно...

Яго «калі ласка» нагадала выпускны экзамен па фізіцы. Тады ён убачыў, што я запнуўся, гатовы паплысці, і супакоіў: «Не хвалюся, збярыся, калі ласка, з думкамі, вазьмі сябе ў рукі. Ты ж ведаеш закон Ома для ўчастка ланцуга, сто разоў выводзіў...»

І я ўспомніў, дакладней, сфармуляваў той закон адразу, у памяці.

Я не стаў прырэчыць настаўніку, упрошваць прыняць маю дапамогу. Ягоны погляд прымусіў мяне апусціць вочы. «Мы ва ўсім вінаватыя, мы! — дакараў я сябе. — Заслужаны настаўнік — бомж, і ўсе маўчаць! Напляваць! Мая хата з краю. Нешта трэба мяняць, развязаць гэты гордзіеў вузел...»

— Ідзіце, ідзіце, не хвалюцца, — быццам прачытаўшы мае думкі, падштурхнуў мяне настаўнік.

Я адышоўся, але ў машыну сядзець не спяшаўся. Стаяў, чакаў: раптам яму ўсё ж спатрэбіцца дапамога або вернецца зэк. Але зэк не паявіўся...

Калі позна ўвечары пакідаў машыну на стаянцы, ні настаўніка, ні зэка паблізу не было.

Раніцай патэлефанаваў галоўны рэдактар выдавецтва і нагадаў: «Рукапіс трэба здаць не пазней, як праз два тыдні, інакш — вылеціце з плана».

Выйсця не было, і я ўзяў адпачынак: трэба нарэшце дапісаць калісьці пачатую аповесць, яна добра завершыць кнігу.

Праз два тыдні рукапіс быў гатовы. Можна везці. Дый машына зачалася на стаянцы.

— Нешта даўно вас не было відаць, — сустрэў мяне вартаўнік. — Усё пішаце, так сказаць, творыце? А ў нас тут іншыя справы творацца. Мянты другі тыдзень шастаюць, спакою не даюць. Бамжа нашага памятаеце? Таго чудзіка, што ў касцюме і пры гальштуку хадзіў? Ведалі яго? Дык вось, забілі старога! І ўяўля-

еще, хто? Следчы казаў, што нават ён быў уражаны: праламаў бамжу галаву былы аднакласнік. Не дацягнуўшы да восьмага, ён кінуў вучобу, пасля ўсё жыццё правёў у турмах і лагерах. І вось сустрача аднакласнікаў праз пяцьдзесят гадоў. Са спатканней-кам вас, як кажуць... А што гэта вы так пабялелі? Бамжа ж забілі, не каго-небудзь...

Не такія ўжо яны дурні, нашыя людзі...

Мы сядзелі на срабрыста-ружовым дыване з неверагодна доўгім ворсам у толькі што адрамантаваным ці, як сказаў мой сусед па нумары і дружбак па бізнесе Сяргей В., — адрэстаўраваным нумары чатырохзорнага «Grand hotel» у далёкай Шаржа, у Арабскіх Эміратах. Па тэлевізары (у такім гатэлі, само сабою, было спадарожнікавае тэлебачанне) ішлі дэбаты двух кандыдатаў у прэзідэнты адной невялікай далёкай краіны. Прэзідэнт у той краіне выбіраўся ўпершыню.

Першы прэтэндэнт, ён жа прэм'ер цяперашняга ўрада, выглядаў заклапочаным, прыціхлым, нават нейкім затарможаным, сонным. І сапраўды: узрост пад шэсцьдзесят, амаль усё працоўнае жыццё займаў адказныя пасады, алкаголь зноў жа (а як яшчэ стрэс зняць?), — адным словам, стаміўся чалавек.

Другі быў поўнай яго процілегласцю: малады (бадай, няма і сарака), падцягнуты, ну проста спартсмен,

энергічны, з досыць правільнымі рысамі твару. Ён бесперастанку гаварыў, больш дакладна — абяцаў, увесь час штосьці абяцаў...

Спачатку стваралася ўражанне, што ідзе дыялог сляпога з глухім. Але, прыслухаўшыся, мы зразумелі, што памыляліся. Ішоў бесперапынны слоўны націск (Сяргей сказаў: панос) бойкага маладога на паўжывога, ужо амаль няздатнага на супраціўленне прэм'ера.

— За апошнія тры месяцы сярэдня зарплата ўзрасла ўсяго на пяць працэнтаў і склала крыху болей за сто долараў. Як можна пражыць на такія, з дазволу сказаць, грошы?

— За мінулы чэрвень пры вашым, трэба сказаць, кіраўніцтве, а калі больш правільна — адсутнасці ўсякага кіраўніцтва ўрадам — інфляцыя ў краіне склала пяцьдзесят працэнтаў! — нападаў на саперніка малады прэтэндэнт.

Прэм'ер, аглушаны невядома адкуль узятымі лічбамі, што валіліся на яго, замест таго, каб спакойна прыкінуць: так, у канцы мая долар «каштаваў» адзінаццаць тысяч, цяпер, у ліпені, адзінаццаць чатырыста; гэта значыць, на чатырыста пунктаў больш, — выходзіць, інфляцыя за месяц склала менш чым чатыры працэнты, — і ўголас сказаць: «Вы толькі што нахабна схлусілі і гэта можна даказаць тэлегладачам на працягу адной хвіліны...», — замест гэтых слоў, што ўсё растлумачваюць і ставяць на сваё месца, пачаў корпацца ў партфелі, нешта мармытаць сабе пад нос, звяртацца па дапамогу да сакратароў, — карацей

кажучы, патануў у звычайнай, элементарнай, нахабнай хлусні.

Убачыўшы, што такія нумары з прэм'ерам праходзяць, малады кандыдат і далей атакоўваў-дабіваў яго іншымі, таксама ўзятымі са столі, «лічбамі і фактамі» ўжо з падвоенай энергіяй.

— А друк? Што ў вас за друк?! Дзе свабода сродкаў масавай інфармацыі? На экран сумленнаму чалавеку не прабіцца...

— Вось тут ты кажаш праўду! — Я больш не мог слухаць «сумленнага чалавека». — Акурат ты і ёсць татальны хлус, спрытны падтасоўшчык фактаў, нахабны дэмагог! І калі ты пераможаш, дык сумленны чалавек шмат з чым павінен будзе развітацца...

Прарэзаўся голас і ў Сяргея:

— Ну не, гэты не пройдзе, гэтага не выберуць. Не ўсё ж людзі да такой ступені цёмныя ці з глузду з'ехалі. Гэты хлус толькі да магілы давесці можа. Памойму, тут усё зразумела...

А малады і нахабны хлус-прэтэндэнт (Сяргей, як мне падалося, нявесела спрагназаваў — ілжэ-прэзідэнт) дабіваў прэм'ера:

— Мы ў некалькі разоў падымем простым людзям зарплату. Перасаджаем усіх карупцыянераў. Я клянуся нашаму шматпакутнаму народу, што кожны хабарнік будзе сядзець у турме!...

— Амаль як у тым фільме: злодзей павінен сядзець у турме. Вось толькі ці стане гэты ліпавы змагар з карупцыяй у нашыя кішэні кашалькі падкладваць? — спытаў я ў Сяргея, але, пачуўшы ягонае «гм...», ад-

казаў сам: — Думаю, гэты нікому нічога даваць-падкладваць не будзе. Гэты хутчэй апошняя выграбе...

А малады прэтэндэнт разыходзіўся ўсё больш:

— Вышэйшую адукацыю атрымаюць толькі самыя пісьменныя і падрыхтаваныя, а не тыя, хто багацейшы ці з сувязямі... Мы падымем прэстыж краіны на міжнароднай арэне...

Ён гэтак зацята і натхнёна хлусіў, што, гледзячы на нездаровы бляск ягоных вачэй, я нарэшце-такі дацяміў: ён параноік, вар'ят, ён на хаду стварае небыліцы і сам верыць у іх.

Гэтак і наконт міжнароднай арэны. Гэта добра, што ён успомніў пра яе. Суседнія краіны пакрысе набіраюць абароты. Цягнуліся памалу, сяк-так, за імі і мы. Але калі гэтага ўяўнага змагаара з карупцыяй выбе-руць, надыдзе канец, магіла ўсяму. Пры такіх, як ён, марыянетках звычайна і дасягае росквіту сапраўдная карупцыя. Карупцыя аднаго чалавека. Татальная. Невялікі, вялы прагрэс ператворыцца ў бурны прагрэсіўны адкат, які на пэўным этапе можа проста знішчыць краіну як самастойную дзяржаву. Не будзе для краіны аніякай міжнароднай арэны...

— Не, такога ваяўнічага дэмагога нашы людзі не выбе-руць, — пачаў Сяргей мяне (ці сябе?) супакой-ваць. — Не такія ўжо яны дурні, нашы людзі.

Мы сядзелі ў нумары «Grand hotel», дабівалі дру-гую пляшку «Смирнофф», але ап'яненне нас не бра-ла.

— А маладзец з вусамі, здаецца, гіпнатызёр! — гаварыў Сяргей далей, мяняючы тон. — Хлус і гіпна-

тызёр! Так-так. Страшны, скажу табе, гібрыдзік! Такі, дарэчы, можа і перамагчы. І змагаар з карупцыяй, і ўтоеную ўрадам страшную інфляцыю выявіў. Зноў жа — за дзяцей перажывае, аб вучобе іхняй турбуецца...

— Ціпун табе на язык, — сказаў я, ужо злуючыся на сябрука. — Накаркаеш яшчэ...

Праз нейкі час язык у Сяргея сапраўды распух.

— Во, тыдзень «калгейтам» зубы не пачысціў і — на табе, — тлумачыў ён мне прычыну хваробы.

Мы ляжалі на бетоннай падлозе «амерыканкі», і Сяргей ледзь варочаў скусаным на допытах-катаван-нях языком:

— Думаецца, нашу аблезлую камеру ў бліжэй-шыя пяць, а то і дзесяць гадоў рэстаўраваць не будуць. — Яму, напэўна, прыгадаўся выштукава-ны да бляску нумар заморскага гатэля. — Нас жа няма куды дзяваць, усе камеры забітыя. Хіба толькі каго ў расход пусцяць...

«Зноў накаркае, — абурылі мяне апошнія Сярге-вы словы. — Хоць, калі падумаць, дык жа і праўда за сценамі трэці дзень падазроны зацішак. Добра, што ўдалося перадаць на волю гэты гармонічак-пісуль-ку...»

— Здаецца, сюды ідуць, — ніяк не мог супакой-ца Сяргей. — Мусіць, па нас...

Ён зноў накаркаў.

Эх, родная мая Бенгалія!

Замест пасляслоўя

Бацька і сын. 22.07.2000 (?)♦.

Зімою 1999 года ў мяне надарылася магчымасць сустрэцца з адным з катаў, дзейнасць якога была звязана з «амерыканкаю». Каштавала гэткая «радасць» пяцьсот долараў. Такіх грошай у мяне не было, і я кінуўся пазычаць. Аднак пазычаць, калі ты «ў бізнесе», у рабоце, — адно, і зусім іншае — калі «звар’яцеў і падаўся ў пісьменнікі». І пакуль я збіраў неабходную суму, кат пакінуў гэты свет. Пасрэднік перадаў: «Стары сякой-такой інфармацыяй спадзяваўся здзівіць. Ён, здаецца, ведаў невядомыя месцы пахаванняў. У прыватнасці, тое, дзе ляжаць дваццаць беларускіх літаратараў, расстраляных 29 кастрычніка 1937 года».

Кат, аказваецца, шкадаваў, што сустрэчы не адбы-

♦ Апавяданні ў кнізе размешчаны не па часе іх стварэння, а паводле храналогіі падзей, што апісваюцца ў творах. Для тых, хто зацікавіцца, прыводжу (у дужках) гэтую храналогію - прыкладную, вядома.

лося. Я — тым больш. Акурат дзеля таго, каб уведаць гэтую тайну, я і збіраў грошы. Ці надарыцца яшчэ калі-небудзь такая аказія? Наўрад...

Паасобныя ўдакладненні.

Згаданы цір быў на вуліцы Вялікаморскай, непадалёку ад кінатэатра «Сцяг», будынак якога нядаўна знеслі.

Таксіст дамаўляўся са швейцарам у рэстаране «Патсдам».

На Першы Усебеларускі кангрэс дзед прыехаў з эміграцыі.

Тое, што ён умеў добра гуляць у шашкі, выратавала яму жыццё і ў канцлагеры.

Першапачатковая назва апавядання — «Бацька» — мянялася, як і фінал, некалькі разоў. Першы варыянт фіналу (тады апавяданне называлася «Раднейшы за роднага») таксама быў іншы:

«...Таксіст не ведаў, што вазіў увесь дзень не бацьку й сына, а дзядзьку з пляменнікам, якія засталіся на гэтым свеце адны-адзінюткія і таму былі раднейшыя за родных...»

Дзве капейкі. 07.08.2000 (1968).

Не прыдуманая амаль нічога. Строгая настаўніца, устывожаны шафёр, непрабіўная міліцыянерка, звонка-лосая выдатніца Аксана, добры інтэлігентны сусед-пенсіянер — усе яны, як жывыя, стаяць перад вачыма.

За мінулыя трыццаць тры гады гэты непрыемны эпізод з майго жыцця так ні разу і не прыгадаўся. А вось напісаўся за тры гадзіны. Загадкавая гэта рэч — памяць...

Крыху «эканомікі».

Калі меркаваць па гематагену, дык на сярэдняю ў тыя гады зарплату журналіста можна было купіць 1300 — 1400 салодкіх батончыкаў. Цяпер — у чатыры разы менш. А здавалася (мне, у прыватнасці), што жылі — горш не прыдумаеш.

Першы раз у жыцці я адчуў увесь жах безбацькоўства не тады, калі прадаўшчыца торкнула мне рукою ў грудзі, а калі назвала байструком. Хацелася павесіцца.

І цяпер не разумею, чаму лейтэнантка не паслала паперы ў школу па пошце, а накіравала з пасыльным (інакш яны б не трапілі да настаўніцы ўжо ў панядзелак)? Няўжо прагнула «свежай крыві» па свежых слядах?

Арэлі. 15.10.2000 (1972).

Чытаць Андрэя Сахарава і Аляксандра Салжаніцына ў пачатку сямідзесятых было досыць «небяспечна для здароўя». Да А.Сахарава адносіны не змяніліся. Да А.Салжаніцына, скажам так, сталі інакшыя.

Адно з самых пакутлівых адчуванняў — чаканне. Мяркую, што першая сівізна з'явілася ў мяне акурат

тады, на даху, калі чакаў, каб сабралася як мага больш народу.

«Трасца б таму дзеду! Падарыў любімаму ўнуку на маю галаву гэтую праклятую цацку...»

Праклятай цацкай быў прыёмнік вышэйнага класа «Рыга».

«Стрыжаныя амаль «пад нуль» мужчыны ў цёмных доўгіх плашчах»... Яны, здаецца, усё жыццё суправаджаюць мяне.

Дзень «ікс». 03.05.2000 (1974 — 1975).

Думаю, што самазабарона: «Не забі!» (або шырэй: «Не бі!») закладзена ў нас на генетычным узроўні. Але ў сяго-таго па нейкіх прычынах яна не спрацоўвае, глухне.

Займаючыся барацьбой дзюдо, я зразумеў, што ў піку формы на адкрытай пляцоўцы магу пазмагацца з шасцю-сямю нетрэніраванымі людзьмі. (Пазней гэта знайшло адлюстраванне ў апавяданні «Музыка».)

Увогуле ж, пераадолець сябе, прымусіць рабіць тое, што табе забаронена генетычна, можна толькі зламаўшы супраціўленне арганізма. Але, забіўшы ў сабе «Не забі!», ці не становімся мы на адну дошку з забойцам?

У жыцці фінал быў іншы: адмарозкі пры сустрэчы не доўга думалі, у імгненне вока «далі драпака».

Трэцяя спроба. 08.05.2000 (1976 — 1978).

Дзе ж вы цяпер, сябры-аднапалчане?

Апавяданне дакументальнае, але імёны — зменены. Прычына — многія проста сцерліся з памяці.

Хто б там і што ні гаварыў, але я амаль перакананы: «тэрміновая» армейская дружба не самая моцная.

Хуткая дапамога. 15.05.2000 (1979 — 1980).

Савецкая школа, савецкая армія, савецкае выхаванне і іх паследкі — карацей кажучы, «да 18-ці і старэй...» і ў дадатак — за «жалезнай заслонай»...

Дарэчы, «ветлівую» звалі Алай.

А пачуццё *гэтае* і на самай справе дзівоснае: «*балела сэрца*» і «*быў шчаслівы*»...

Жакей. 17.03.2000 (1987 — 1988).

«*Дыскатэка была эксклюзіўная, дарагая, для крутых...*» — першая прыватная начная дыскатэка ў Беларусі.

Жакей — гэта я. Пашанцавала: выжыў і змог распавесці, як усё было і як усё магло павярнуцца, калі б была на тое мая воля (другі варыянт фіналу).

Наўрад ці стануць рабаваць бандыты цяперашняга беларускага пісьменніка. І наўрад ці абрабаваны бізнесовец зможа больш-менш прыстойна апісаць, як усё адбывалася.

Мне ў гэтым выпадку трапіў шчаслівы білет (калі, вядома, можна назваць яго шчаслівым) — адзін на дзесяць мільёнаў.

У час налёту, калі я некалькі разоў вяртаўся да памяці, першым жаданнем было — вырвацца. Але наводчык, напэўна, сур'ёзна папярэдзіў грабежнікаў аб здольнасцях гаспадара кватэры, і яны кантралявалі не тое што самы непрыкметны мой рух — спробу ва-рухнуцца.

Справу пра ўзброенае абрабаванне вялі супрацоўнікі Першамайскага РАУС. Пасля, калі ўжо выйшаў з бальніцы, я ўгледзеў два правадкі-валасінкі, падключаныя да майго тэлефоннага шнура. Яны вялі на гарышча, адкуль праз дзверцы-люк, як высветлілася пазней, і спусціліся бандыты: кватэра была на апошнім, пятым паверсе. Але хто падключыў «валасінкі» — бандыты ці мянты, — сказаць не бяруся.

Першае пытанне, якое задаў мне опер у бальніцы (дактары, дарэчы, адносна мяне жартавалі — шматкроўны, таму і выжыў): «А адкуль у вас фінскі скураны плашч?».

Праз сем-восем гадоў адзін з мянтоў, якія працавалі ў «першамайцы», расказваў мне, што верхавода банды забілі на зоне, а два іншыя ўдзельнікі разбойнага налёту адбываюць чарговыя тэрміны. Адным словам, атрымалася, як у вядомым фільме: укралі, выпілі — і ў турму, а сёй-той і ў магілу...

Самы Ніжні Тагіл. 22.01.2000 (1991 — 1995).

Было і такое. Ведаў я беларусаў, якія спрабавалі наладзіць «чаўночны» бізнес на Урале і за ім у канцы васьмідзесятых — пачатку дзевяностых. Сам быў такі. Таму сцэны ў рэстаране і многія іншыя прыдумляць не даводзілася.

Ніколі б не паверыў, што Жэнька, які не займаўся спортам і без супыну курыў, зможа прабегчы (і ў добрым тэмпе) ці не пяць кіламетраў. Вось што значыць — жыць хочацца!

«Адзідаснік» Зуб быў знешне і «манерамі» вельмі падобны на Крэндзеля з апавядання «Музыка». Проста брат родны. Дарэчы, ён ужо даўно парыць зямлю: пастараліся сябрукі-канкурэнты.

Адпеты зладзюга і аматар «памахаць ножычкам» Мінай таксама да трыццаці не дажыў...

Не ведаю, ці выпадковае гэтае супадзенне, але нядаўна мне паведамілі цікавую навіну: пасля прыходу да ўлады ў Расіі У.Пуціна Жэнька вывез сям'ю ў Германію.

Уразілі ў Тагіле і дарогі: яміны глыбінёй да паўметра — нармальнае з'явішча...

Інтуіцыя. 20.01.2000 (1997 — 1998).

Планавалася як першае апавяданне цыкла «З жыцця кантрабандыстаў», але пакуль што так і засталася першым — адзіным.

Усе героі спісаны з натуры.

Пра польскіх «даішнікаў».

Калі яны бачаць, што вы здольныя пастаяць за сябе, можаце не хвалявацца: ні пра якія «наезды» не будзе і гаворкі.

Раней, трапляючы на вочы доблесным польскім дарожным паліцэйскім, я наперад ведаў, што зараз абавязкова спыняць і пачнецца гульня ў «пытанні і адказы»: ці ёсць у машыне вогнетушыцель, ці далёка ляжыць аптэчка, ці «трымае ручнік» і гэтак далей. Дыялог будзе доўжыцца, пакуль не выявіцца адсутнасць чаго-небудзь «істотнага», напрыклад, у аптэчцы — скальпеля (чаму не апарата штучнага дыхання або «УЗІ?»), і рана ці позна ўсё скончыцца хабарам у дваццаць — трыццаць долараў ЗША.

Аднаго разу, не стрываўшы, я назваўся пісьменнікам і паказаў «дакумент» — сваю апошнюю кнігу. Пры гэтым дадаў, што ў Польшчы збіраю матэрыялы для новай. Паліцэйскіх як ветрам знесла.

Пра служак закона наогул.

Мне здаецца, што спецыяльнасці, якія дазваляюць «разбірацца» з чалавекам без суда і следства (мент, мытнік, следчы, наглядчык і да т.п.), з цягам часу робяць іх носьбітаў людзьмі без жалю, спачування, спагадлівасці, — гэта значыць, «беспредельшыкамі», нелюдзьмі.

Многія «беспредельшыкі» любяць піва. Больш моцных напой пабойваюцца: напэўна, і сваёй дурасці хапае. Мне ў гэтым плане пашанцавала менш: *«маю «нервовую» галаву півам не падманеш...»*

«Дзевяткам» бандыты тым часам аддавалі перавагу па дзвюх прычынах.

Першая. Гэта была (як і «васьмёрка») першая савецкая легкая машына, якая прадавалася прыватным асобам і магла па хуткасці паспрачацца з замежнымі.

Другая і галоўная: пярэднія «крылы», якім даставалася найбольш, калі бандыты прытарможвалі патрэбную ім машыну, лёгка здымаліся, а ў багажніку ляжалі запасныя.

След ад «дотыку» дарожных шукальнікаў удачы мая машына зберагае дагэтуль: фарба на месцы ўдару перыядычна адлущваецца і ўжо неаднойчы даводзілася «падчышчаць» гэтую частку кузава.

Увогуле ж мая бедная «таёта» (марка машыны ў апавяданні зменена) некалькі разоў «спатыкалася» з бандытамі...

Музыка. 21.04.2000 (1998 — 1999).

Не надта вясёлыя ўспаміны пра наведванне рэстарана «Планета» з «працягам банкета» ўжо ў іншым месцы. Гісторыя дакументальная. Амаль усе імёны сапраўдныя.

Бітлаўская «Come together» стала любімай мелодыяй галоўнага героя пасля таго, як высветлілася супадзенне ў гэтым плане маіх густаў і густаў вядомага беларускага музычнага крытыка. Увогуле ж разглядаліся кампазіцыі LED ZEPPELIN, DEEP PURPLE, ROLLING STONES, QUEEN і іншых.

Бойка ў рэстаране так ці інакш аказалася б лебядзінай песняй Чэмпіёна.

Галоўны рэдактар «Звязды» У.Наркевіч неяк сказаў мне: «У адрозненне ад «Жакя», «Інтуіцыі» і «Фарца», у «Музыкі» няма душы...» Што ж, на няма і суду няма...

Фарц. 30.09.1999 (1998 — 1999).

Неяк прысніўся калісьці вельмі вядомы ў сталіцы чалавек — буйны калекцыянер, філафаніст (на гэтай глебе з ім і пазнаёміліся), пачынальнік «прыватнага» бізнесу ў Беларусі і вось — напісаў.

За апошнія пятнаццаць гадоў я зразумеў дзіўную для сябе рэч: поспеху ў бізнесе дамагаюцца не самыя таленавітыя, здольныя, адораныя ад прыроды, а найбольш уседлівыя, учэпістыя, цярплівыя, упартыя — ажно да тупасці.

Некалькі цытат і заўваг.

«Стас не крадзе і гіне...» — Не толькі Стас.

«Так, перагрузка. Ён узяў больш за норму... Ён хацеў дагнаць гады...» — Я таксама хацеў дагнаць гады...

Праз паўгода пасля публікацыі апавядання «Фарц» у газеце «Звязда» мне пазваніў Уладзімір Я., чалавек, які некалі пазнаёміў мяне са Стасам (у жыцці — Леанідам). Званок празвінеў 22 лютага 2001 года, позна ўвечары. Уладзімір сказаў, што хацеў бы «на хвілінку зазірнуць». У мяне захавалася аб ім добрае ўражан-

не, да таго ж я не бачыў яго некалькі гадоў, таму дружалюбна адказаў:

— Чакаю!

Амаль адразу ж гаворка зайшла пра Стаса.

— Як ён маецца? — пацікавіўся я. — Напэўна, вялікім чалавекам стаў? Няйнакш замежжа асвойвае? Угадаў?

— А ты што, не ведаеш? — здзівіўся Уладзімір. — Стас памёр! Згарэў!

Я быў ашаломлены. Я не ведаў. Думаў, дапускаў, меркаваў, адчуваў, але — не ведаў.

— Ты не ўяўляеш! — выдыхнуў я. — У апавяданні «Фарц» я напісаў, што Стас загінуў, — напісаў наўгад, інстынктыўна, нічога пра яго не ведаючы. Гэтым, відаць, і прыгаварыў яго! Як кажуць, накаркаў! Які жых!

— Ціха, ціха! — перапыніў мяне Уладзімір. — Разбярэмся. Калі, кажаш, ты скончыў апавяданне? Паўгода назад, летам... І тады ж яно было надрукавана? Выходзіць, дарэмна шум падняў, ты тут ні пры чым. Стас памёр не паўгода, а года паўтара назад. Я нават дакладна табе зараз дату назаву: 30 верасня 1999 года. Так-так, напярэдадні дзень нараджэння жонкі адзначалі...

— Фу-у! — зваліўся з сэрца камень.

Далей гаворка не клеілася. Я, бы зацыклены, усё думаў і нешта паўтараў пра Стаса. Нейкае прадчуванне гняло мяне. Уладзімір слухаў, пагаджаўся, пасля пашкадаваў, што ўжо «ноч на двары», а пагаварыць

толкам не паспелі, мо ўжо іншым разам, — і неўзабаве развітаўся.

Быццам толькі і жадаючы гэтага, я тут жа кінуўся да камп'ютэра. Ледзь дачакаўся загрузкі. Нарэшце прайграла каманда — можна пачынаць працу. Вось яна — папка з файламі апавяданняў. Куды ж прапаў «Фарц»? Ага, ёсць. Пашукаем «статыстыку». Глядзім: колькасць слоў (1767) — не тое. Агульны час правак (737 хвілін) — не тое. Файл створаны (вось яно!): 30 верасня 1999 года...

Я прыгадаў словы Уладзіміра: «Ты тут ні пры чым...»

Першага верасня. 19.09.2000 (2000).

Пададзеная сустрэча з аднакласнікам аказалася апошняй...

Дочкі Андрэя паступілі ў «инязовский» ліцэй. Каб не здаваць экзамены адначасова, падалі дакументы ў розныя моўныя класы: пашытая сумеснымі намаганнямі бабулі і сяброўкі-суседкі прыгожая сукенка была адна на абедзвюх.

«Рабуюць народ, — думаў аператыўнік. — А тых, хто супраціўляецца, забіваюць». У гэтым, мяркую, з ім варта пагадзіцца.

Настаўнік фізікі. 10.10.2000 (2001).

Дзякуючы гэтаму настаўніку я ведаю не толькі закон Ома: у дадатку да дыплама па прадмеце «фізіка» стаіць «выдатна».

З акна маёй кватэры відаць гэтая «экслюзіўная» стаянка, а справа ад яе — той няшчасны бак для смецця. Кожнага ранку мне здаецца, што настаўнік вось-вось паявіцца са сваёй торбай. Але дагарае цыгарэта, а яго ўсё няма...

Не такія ўжо нашы людзі дурні. 29.12.1999 (?).

Не хочацца, каб гэтак усё і скончылася...

Ніводнага выдуманнага героя, а вось краіна Бенгалія — прыдуманая. Не мною. Так паэт *Сяргей Астрэйка* (расстраляны 14 верасня 1937 года ў адным са сталінскіх канцлагераў непадалёку ад Чалябінска) назваў краіну ў сваёй паэме (не захавалася — згарэла ў вайну). У творы апавядаецца пра цяжкое жыццё людзей пад каланіяльным прыгнётам англічан. Краіна называлася Бенгалія, але надта ж ужо нагадвала Беларусь.

Паасобныя радкі з «Бенгаліі» (адноўленыя па памяці) нам вядомыя ад паэта *Міхася Кавыля (Язэпа Лешчанкі)*:

*Бенгалія,
Бенгалія...
Не спяшы ў чырвоны «рай»,*

*Дзе пакутуе, Бенгалія,
Беларусь, твая сястра.*

*Бенгалія,
Бенгалія...
Не румянь пажойклы твар:
Няма розніцы, Бенгалія,
Душыць хан ці камісар...*

Змест

Бацька і сын	3
Дзве капейкі	15
Арэлі	29
Дзень «ікс»	38
Трэцяя спроба	44
Хуткая дапамога	50
Жакей	54
Самы Ніжні Тагіл	65
Інтуіцыя	103
Музыка	116
Фарц	130
Першага верасня	141
Настаўнік фізікі	146
Не такія ўжо яны дурні, нашыя людзі...	151
Замест пасляслоўя	157

Леонид МОРЯКОВ

НЕПРИМИРИМЫЕ

Рассказы
книга вторая

Отец и сын

Отец взял сына на руки, остановил такси, и они поехали. Безрассудство, казалось бы, да чего уж там: за годы, проведенные в лагере, он получил кое-какую компенсацию — должно хватить, чтобы прожить на воле беззаботно один день. Этот день наступил сегодня. День рождения сына. Так и сказал таксисту:

— У нас с мальчонкой праздник. Будем кутить. И ты с нами. Допоздна. Идет?

— Кутить, так кутить, — расцвел тот, — какие вопросы...

Вернулся отец накануне. Один Бог знает, чего ему стоило попасть домой именно к этому дню. И вот, вконец измученный, рядом с сыном он мало-помалу отходил. Они сидели на заднем сиденье. В какой-то момент отец наклонился, тихо сказал:

— Маленький мой спаситель, как я счастлив, что увидел тебя.

Сын не понимал, каким образом он попал в спасители, но чувствовал себя на седьмом небе: пап-

ка вернулся! Он не знал и не мог знать, что еще во время предварительного следствия во внутренней тюрьме НКВД — «американке» — двое нелюдей истязали отца. Им была поставлена задача: «Отбить умнику мозги, чтобы родную мать не узнал!» И те постарались. Многочисленные кровоизлияния «затопили» память, и если бы не сидевший вместе с отцом арестованный «по делу врачей» известный ленинградский хирург, вряд ли отец узнал бы кого-нибудь, вряд ли вообще вернулся бы из лагеря. Хирург оказался и неплохим психологом: опекая отца, он без устали повторял: «Не забывайте — вас ждут дома». Эта «мобилизационная» терапия помогла.

— Папка, на перекрестке давай повернем направо, там, на углу, есть тир, — тронул сын отца за плечо.

— Останови-ка, — сказал отец, и таксист притормозил у небольшого, похожего на гараж здания. — И обожди.

Сыну не терпелось пострелять из «почти настоящей винтовки». Он первым выскочил из машины и вбежал в открытую нараспашку дверь.

— Рад вас видеть, молодые люди, — приветствовал их однорукий пожилой человек. — Меня зовут Анатолий Степанович. А вы можете не представляться. И так вижу: отец с сыном прогуляться решили. Какие винтовки выберете? «Под обрез» или «по центру»? Советую «под обрез». Они лучше пристреляны.

— Что ж, — улыбнулся отец, — несите пристре-

лянные. И сыну, если можно, подставку по росту подберите.

— Все сделаем, не беспокойтесь. Держите ваше оружие.

— Пап, сколько пулек возьмем? Хочется и мельницу запустить, и танк подбить, и корабль, и в самолет попасть. В самолет труднее всего. Я как-то пробовал — ничего не получилось. Видишь, какая маленькая под ним точка? Сбить самолет — моя мечта.

— Это не мечта, сынок, это скорее задача. Мечта — это нечто другое. Например, я мечтаю, чтобы ты вырос настоящим человеком. Смелым, честным. Чтобы не забывал, где родился... А пулек мы купим, сколько захочешь. И не спеши, хорошенько целься. Но дай Бог, чтобы эти упражнения тебе не понадобились.

— Ну вы, ребята, даете! — ахал Анатолий Степанович. — Все посбивали. Даже не помню, когда в моем тире такое случалось в последний раз. План по продаже пулек помогли сделать. Может, чем черт не шутит, по второму кругу пройдетесь?

— Нет, — покачал головой отец. — По кругу — не надо. Круг — это кольцо, цепь, безысходность. Только вперед! Спасибо вам за все, но — поедем дальше. Да, Валик?

— Конечно, папка! У меня уже в глазах двоится, — кивнул сын и с гордостью подумал: «А самолет я все же сбил».

— Заходите, — попрощался Анатолий Степанович,

вышедший проводить их к машине. — Таким гостям всегда рады.

— Куда теперь, господа снайперы? — спросил таксист, открывая дверцу.

— А давай, папка, в парк махнем, — предложил Валик. — Ребята рассказывали — там аттракционы новые.

— Желание именинника — закон! — улыбнулся отец. — Трогай, друг.

— Нет проблем. Долетим за десяток минут, — заверил таксист.

Но отец охладил его пыл:

— Гнать не надо. Я в гонках прожил всю жизнь. В гонках со смертью... Хватит! Езжай потихоньку.

— Как скажете, — поник таксист.

Праздничная обстановка парка захватила сына. Он перебегал от одного аттракциона к другому:

— Папка, а здесь покатаемся? А на тот билеты возьмем?

На «чертовом колесе» Валик задержался надолго.

— Понравилось на город с высоты смотреть? — поинтересовался отец, когда по просьбе сына они вознеслись под небо в третий раз.

— Я, папка, вообще-то высоты боюсь, а с тобой мне ничего не страшно, вот и воспитываю себя.

— Ты у меня — молодец! — обнял отец сына. — Теперь мы вместе, а вместе мы — сила, и тебе нечего бояться...

Долго катались на разных «крутилках» и «вращалках», машинках и паровозиках, а затем сын снова потянул отца к «чертову колесу».

— Папка, ну еще разок. Хочу убедиться, что теперь точно не испугаюсь.

Тот удивился упорству сына, но вспомнил, что таким же был и сам. «Может, потому и выжил», — подумал.

Вдоволь накружившись — у Валика уже ноги подкашивались, — решили передохнуть, а заодно и перекусить.

В ресторан вошли втроем — позвали и водителя. До шести вечера там был «обед», но таксист договорился со швейцаром, и их впустили. Отец ел осторожно, как бы с недоверием: отвык от такой пищи. Там, в сибирских лагерях, она только снилась, и постепенно память сдавала: забывался вкус белого хлеба, запах жареного мяса, аромат спелого яблока.

Таксист же уплетал, словно перед этим постился три дня. Не отставал от него и Валик.

— Папка, я, наверное, после мороженого не встану. Может, возьмем с собой?

— С собой захватим мандарины, а мороженое можешь не доедать.

Следующую остановку подсказал вошедший во вкус водитель:

— Жена на днях в «Детский мир» заходила. Говорит, туда импортные игрушки завезли: «Красивые — слов нет. Но дорогие...»

— Ничего, прорвемся, — погладил отец сына по голове, видя, как загорелись у того глаза. — Один раз живем. Едем!

Под заморские игрушки в магазине отвели отдельную секцию.

— Вот это да! — вздыхал сын, оглядывая полки. — Видишь, папка, сколько всего?!

— Не теряй времени, выбирай, что нравится, — улыбнулся отец.

Сияющим выходил Валик из «Детского мира». О таких игрушках он и мечтать не смел и теперь даже на секунду боялся с ними расстаться, — а ну как оборвется этот волшебный сон? — и нес все покупки сам.

— Надорвешься ведь. Давай хоть что-нибудь возьму, — беспокоился отец.

— Не волнуйся, папка, — заверил Валик. — Я сильный.

Водитель встретил их веселым «О-го-го!».

— Складывай свои покупки, — открыл перед Валиком дверцу. — Эх, мне бы такого папку!

— Такой есть только у меня, — похвастался Валик.

Отец взял у него громадную, из коричневого велюра обезьяну, ярко-красную — в жизни таких не встречал — «Татру» с прицепом, комплект китайских ракеток для бадминтона и настольного тенниса. Занял ими правую часть заднего сиденья. Сам сел впереди. Спихнулся, спросил у таксиста:

— У тебя-то дети есть?

— Двое. Погодки. Такие же архаровцы, как твой.

— Валик, — обратился отец к сыну, — неужто оставим архаровцев без подарка? Говори честно: чего не жалко?

Жаль было всего, но еще больше хотелось походить на отца.

— Может, ракетки эти?... Пусть играют.

Таксист стал было отнекиваться, но отец не дал ему говорить:

— Раз мы с сыном решили, то назад ходу нет. Закрыт вопрос. Теперь разворачивайся, поедem на улицу Маяковского. Сразу за рынком — знаешь? — баня. Там и притормозишь. — Обернувшись к сыну, пояснил: — Святое для нас с тобой место. Еще до войны мой отец — твой дед — водил в эту баню меня с братьями...

Несмотря на подорванное в лагере здоровье, парился отец яростно, как в последний раз, чем заводил других мужиков: они чуть ли не в очередь выстроились за вениками.

— А сынишка весь в папку, — подзадоривал банщик отца, звеня в жестяной банке влажными медяками. — Глаза большие, синие, нос орлиный. — Ему было невдомек, отчего после его слов отец перестал улыбаться. А тот думал: «Не все ты, браток, знаешь.. Однако не дай Бог мальцу повторить мою жизнь: тюрьмы, этапы...»

После бани он попросил таксиста отвезти их на N-ское кладбище. Сыну объяснил:

— Поедем к деду, навестим.

У входа на кладбище отец перекинулся парой слов со сторожем, и такси пропустили. Стоя над заросшим, без креста холмиком, он, словно позабыв о разнице в возрасте, рассказывал сыну про деда, который, оказывается, был делегатом Первого Всебелорусского съезда.

— Тогда упустили, может быть, единственный для нашей страны шанс стать свободной, — пояснил он Валику, хотя тот плохо понимал, о чем шла речь. «А почему же говорят, что наша страна — самая свободная в мире?» — терялся он в догадках. Рассказал отец и о том, что дед их был одним из руководителей подпольной церковной антибольшевистской организации, действовавшей в Минске в середине тридцатых годов.

— Антибольшевистской — это против большевиков, папка? А что, были такие организации?

— Организации в полном смысле слова не было, — словно для самого себя уточнил отец, — но предпринимать кое-что люди пытались. За это потом и пострадали. Был такой процесс — «Двадцати пяти». На нем судили и твоего деда. Вообще он был удивительный человек. Вернувшись из лагеря, вынужденный периодически отмечаться в органах, продолжал слушать радио «Свобода»...

— А я помню, как дедушка слушал приемник, — оживился сын. — Звук был тихий-тихий, и я почти ничего не разбирал. Он и в шахматы, в шашки научил меня играть. И рисовать. А еще он любил читать стихи Лермонтова. Помнил со школы. Представляешь,

папка, — со школы! Я забываю стихи через неделю, а дедушка помнил всю жизнь! Как сейчас слышу его голос:

*Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?*

— Да, дед был добротной закваски, дореволюционной, — поддержал Валика отец. — А насчет памяти ты не волнуйся. Разовьется память. Это я тебе точно говорю. Главное — больше читай, думай. И спортом занимайся. У тебя должно быть сильное, выносливое тело. Слабые телом часто и духом слабы. — После небольшой паузы добавил: — Поехали, что-то трудно мне здесь дышится...

Отцу было плохо. Снова нахлынули отчаяние, безысходность, нежелание жить. Пытаясь совладать с собой, он вдруг предложил:

— Едем в дом-музей Янки Купалы.

Но в музей почему-то не пошел, бродил по парку, о чем-то думал. Валик держался рядом. Когда подошли к мосту через Свислочь, отец остановился.

— На той стороне улицы, вон там, напротив, много лет назад стояло общежитие педагогического техникума, — повернулся он к сыну. — Необычное, скажу тебе, было учебное заведение. Преподаватели ни в чем не уступали профессорам из университета. В

свое время здесь учились мои братья — твои дядя. И, к слову, многие белорусские писатели. Большинство впоследствии были расстреляны. В живых остались единицы. В школе ты будешь изучать их творчество. Из четырнадцати сотрудников газеты, в которой мой брат — твой дядя — тогда числился редактором, двенадцать арестовали и затем убили. Но одного не тронули, даже наоборот — ему поручили ответственное задание: набрать новый состав редакции и возглавить ее. Похожее происходило почти во всех газетах и журналах: оставляли, как на развод, одного-двоих. Теперь они заслуженные люди, лауреаты... Но хватит о плохом, — заключил отец, подходя к машине. — Есть предложение. Отсюда уже недалеко до озера, — показал он рукой. — Как ты насчет поплавать?

— Папка, ты же знаешь, купаться я всегда готов!

«Знаешь...» Откуда отцу было об этом знать? Как раз когда мало-мальски наладилось с перепиской, пришла весть, что в их большом доме «пацан» остался один: его мать осенним утром вышла из дому и больше не вернулась (изувеченное тело через год всплыло в Свислочи), вскоре надолго слегла и бабушка... Шефство над ними взяла соседка с мужем...

Озеро встретило их прохладой и свежестью. Стояла абсолютная тишина.

Отец разделся, вошел в воду, поплыл. Крикнул:

— Валик, не заходи — вода холодная. Лучше в бассейн съездим — там искупаешься.

Последний раз отец плавал много лет назад, однако понимал: в такой воде не только у сына, но и у него в любую минуту могут начаться судороги. Однако не сдержался: он снова здесь, в мире своего детства. Когда-то вместе с братьями плавали в этом озере наперегонки. Он был самым младшим и на финише оказывался всегда последним. Но не сдавался — упорства ему было не занимать. И однажды чуть не настиг братьев, но... в последний момент ноги отказали. Братья пришли на помощь...

И вот — у него снова отказали ноги. Как предали. Он перевернулся на спину, но... попал в водоворот. Железной хваткой тот обнял его и тащил ко дну. Он изо всех сил заработал руками, нырнул, вынырнул, еще нырнул...

Валик почувал неладное: «Зачем так далеко заплыл папка? Его уже не видно...» Он еще только учился плавать, но, не раздумывая, бросился в воду.

— Папка, папка! — кричал. — Не уплывай далеко! Я боюсь!

Голос сына утроил силы отца.

«Выплыть! — приказал себе и снова нырнул. — Сынок! — кричало все в нем. — Я должен вырваться из этой петли!...»

Он еще отчаяннее замахал руками... И вдруг ощутил — водоворот ослабляет хватку и ноги вроде как возвращаются к жизни. И все же не столько ноги, сколько руки, многие годы валившие лес, спасли его. И он поплыл к сыну.

— Валя, назад, назад! — кричал ему.

И сын послушался, остановился. Но к берегу не повернул. Не мог.

Подхватил его отец, уже захлебнувшегося...

...Валика откачали, но отходил он медленно. Пять дней и ночей маленькие руки крепко сжимали подушку — держался за папку.

Бабуля сидела на краю постели.

— Что приснилось моему внуку? — спросила, когда он открыл глаза. — Что-то страшное?

Валик не ответил. Увидел висящую на противоположной стене фотографию отца в деревянной рамке. Угол рамки почему-то был отчеркнут черной ленточкой.

Он еще не знал, что это означает, и с недоумением посмотрел на бабушку. Но та ничего не сказала...

Пройдет много лет, прежде чем Валик узнает: данную в лагере клятву — отомстить палачу* — отец сдержал, но, чтобы не сдаваться живым, покончил с собой. Это произошло на третий день после его возвращения.

И еще одна тайна откроется ему: человек, которого он называл папкой, был его дядей — младшим братом отца, расстрелянного через два месяца после рождения Валика.

* См.: «Непримиримые. Книга первая». Рассказ «Яблоны».

Две копейки

— Здравствуйте, ребята, — по-всегдашнему медленно, четко выговаривая каждое слово, но на этот раз вроде бы как с издевкой, поздоровалась учительница. — Сегодня понедельник, первый день недели. Мы хорошо отдохнули и с новыми силами начнем учебу. Но начнем, к сожалению, с разбора чрезвычайного происшествия, случившегося в субботу.

3-й «б» насторожился. А учительница, выдержав паузу, продолжила:

— Вы хотите знать, что за ЧП? А пусть об этом расскажет сам герой — в кавычках, конечно же. Он среди вас. Хочу его предупредить: нам известно все! Надеюсь, он еще не до конца потерял совесть и у него хватит смелости, честности и порядочности выйти сюда, к доске, и рассказать своим товарищам о том, что его подтолкнуло совершить такой отвратительный, позорящий класс, всю школу поступок.

Ученики замерли от столь необычного начала урока. Сжался и светловолосый, большеглазый, тихий, с

девичьим лицом, хорошист Леша Марочкин. «Наверное, кто-то баловался со спичками и поджег дом? — предположил он. — Нет, видно произошло что-то более страшное. Может, в горящем доме остались люди, дети? — гадал Леша, глядя на учительницу. — Вон как она переживает, трясется вся...»

— Итак, мы ждем! — сорвалась меж тем на крик учительница. — Ждем ровно одну минуту! — подняла она вверх указательный палец. — Если тот, кто это учинил, не встанет и не расскажет все сам, как настоящий советский школьник и пионер, пусть не обижается. Время пошло!

Ребята оглядывались, вертели головами. Вертел головой и Леша: «Кто же этот преступник? Кто? Что за враг затаился среди нас?» Но никто из-за парты не встал, не вышел к доске.

— Минута истекла! — объявила учительница. — Я предупреждала. Теперь пусть он пощады не ждет. — Она вдруг хлопнула рукой по столу и заорала: — Марочкин, встань! Немедленно встань! Подними голову! Смотри мне в глаза! У тебя совесть есть?! Как ты мог! Как ты, ученик лучшего в школе по всем показателям класса, мог совершить столь отвратительный, скажу больше — ужасающий поступок?!

Сначала Леша ничего не понял. При чем здесь он? За что на него кричат? В чем он провинился, какой такой ужасный поступок совершил? Но вдруг его пронзило. Он вспомнил. Вспомнил, что произошло с ним в субботу...

«Да-а, — опустил Леша голову, — я виноват. Но откуда узнала учительница? Ведь та тетя сказала, что во всем разобралась, что произошла нелепая случайность и что она никому ничего сообщать не будет. Кто же доложил учительнице?»

Субботнее утро начиналось лучше некуда. Мама, уходя на работу, оставила ему, как и обещала, пятьдесят две копейки. Двадцать четыре — на проявитель для фотобумаги, семнадцать на фиксаж и одиннадцать — на его любимый гематоген. Леша где-то слышал, что гематоген увеличивает запас крови в организме и если он будет, допустим, ранен, то с таким запасом дольше сможет продержаться. Леша не представлял, где его могут ранить, но почему-то думал, что когда-нибудь это непременно случится.

Пленку он проявил несколько дней назад. Пачку фотобумаги прислал на день рождения из Ленинграда двоюродный брат Серега, оставалось купить химикаты для печатания снимков. По дороге в «Культтовары», где был отдел фототоваров, Леша зашел в аптеку, купил батончик гематогена и двинулся дальше.

В магазине подошел к фотоуголку: есть и проявитель, и фиксаж. Взял с полки по пакетiku того и другого. «Стоп, что это? — взгляд споткнулся о новую цифру на ценнике фиксажа. — Почему девятнадцать копеек? Он же стоил семнадцать. Семнадцать! Я точно помню...»

— Тетенька, — обратился Леша к стоявшей на зале продавщице, — а почему фиксаж подорожал?

— В нашей стране никогда ничего не дорожает, — подошла к нему продавщица. — Ты брось такие вещи говорить, — взяла она в руки упаковку фиксажа. Повертела, перевернула на обратную сторону. — Так, понятно. Тот был российский, а этот из Азербайджана, — бросила пакетик на полку. Вернулась к выходу из зала и стала в проходе за кассой.

Магазины самообслуживания только входили в моду, и вместе с ними входили в моду толстые тетки, проверявшие покупателей на выходе. Тут же, у кассы, они бесцеремонно обыскивали их. Оказаться подозрительным и подвергнуться обыску мог любой. И этот любой, пока тетка ощупывала его карманы, стоял и, опустив голову, молчал. Впрочем, как и всегда, всю жизнь...

Так теперь стоял Леша. На секунду он очнулся, начал что-то говорить, но увидел разинутый в крике рот учительницы и с испугу снова онемел — вспомнил...

Он тогда долго, как неприкаянный, ходил по магазину. Думал: «Что делать? Вот уж не повезло, так не повезло! Знал бы, что фиксаж подорожает, не покупал бы гематоген. И хотел же сначала купить глюкозу за шесть копеек. Почему не купил? Осталось бы еще и на газировку с сиропом, и сохранились бы так нужные теперь две копейки. Что же делать? А он дома и окошко в ванной завесил, три ванночки для проявителя, фиксажа и воды приготовил. И старую чертежную доску на ванну положил: Павел Иванович, сосед-пензионер, подсказал, как оборудовать временную фо-

толабораторию. «Без закрепителя, — говорил Павел Иванович, — не обойтись: фотографии пожелтеют». А-а, придумал! У меня есть гематоген! Хорошо, что я его по дороге не съел. Положу на полку семнадцать копеек, а вместо недостающих двух оставлю гематоген. Проявитель оплачу в кассе, а фиксаж пронесу так, не показывая. Если увидят, скажу, что вместо двух копеек оставил гематоген за одиннадцать».

Леша не спрятал фиксаж за пазуху, как это сделал бы любой воришка, а положил в нагрудный карман рубашки. Он не знал, что сквозь тонкую хлопковую ткань пакетик не только виден, но даже название его читается...

Кассирша посмотрела на Лешу, все поняла и уже хотела было спросить: «Что у тебя там, показывай?», но неожиданно передумала. «Интересно, — решила она проверить, — эта жаба, экс-спортсменка, медведь в юбке, Олимпиада Ивановна Баран (придумал же Бог сочетание!) заметит воришку или нет? Если нет, я тут же заведующей доложу, как бдительно Олимпиада несет службу, как лихо ворюг пропускает. Тоже мне, деловая нашлась, работать учит, замечания делает. Я, видите ли, медленно людей обслуживаю! Да какое твое собачье дело?! Посидела б сама целый день на кассе...»

Толстая, шире двери, близорукая Олимпиада Ивановна посмотрела на Лешу сверху вниз, ничего подозрительного не обнаружила, и он направился к выходу. Шел не спеша, чтобы не выдать себя. «Ага, Бара-

ниха, — обрадовалась кассирша, — вот и пропустила-таки похитителя. Недоглядела...»

— Держите вора! — вскочила она со стула, побежала к двери и перегородила Леше дорогу. — Сознавайся, что украл? — ткнула острым кулачком мальчика в грудь.

— Больно... — промямлил Леша, невольно делая шаг назад. «Иначе и не могло закончиться, — подумал он. — Зло должно быть наказано. А я совершил зло...»

— Больно, видите ли, ему! Ох, какие мы нежные! Потерпишь! — рявкнула кассирша. — А ну-ка, покажи, что у тебя в кармане? — снова потянулась ее рука к Леше. — Вот в этом!

— Это ф-фиксаж, тетенька, — с испугу стал заикаться Леша. — Я за него з-заплатил. Вместо недостающих двух копеек положил на полку гематоген, а он стоит одиннадцать...

— Какой еще гематоген?! Что ты несешь! — схватила кассирша Лешу за руку. — Пошли к заведующей, там разберемся!

— Он и гематоген где-то украл, — вцепилась Леше в ворот Олимпиада Ивановна. — Держи байстрюка, Верка, крепче держи! Веди к заведующей! И милицию нужно вызвать! Пусть знают лодыри, кто за них работает! Поймали, наконец, жулика! Это он все лето магазин обворовывал! За него мы свои кровные выкладывали...

Лешу приволокли в кабинет заведующей, но той на

месте не оказалось — вышла к подруге в соседний «Овощной».

Прошли пять, а потом и десять минут ожидания, хозяйка кабинета не возвращалась. Посоветовавшись, кассирша и бывшая спортсменка решили-таки вызвать милицию. Ревностная поборница справедливости Олимпиада Ивановна позвонила по «02», и теперь обе молча сидели, стерегли Лешу и ждали подмогу.

Подмога долго не являлась, но к телефону женщины больше не подходили. Они были не против, если ожидание продлится и до обеда: сидеть в кабинете — не торчать в зале.

У Леша потихоньку наворачивались слезы. Он ни разу в жизни не сталкивался с милицией, но почему-то, когда слышал или произносил это слово, к горлу подкатывал комок.

Олимпиада Ивановна вышла из кабинета — ее позвали из зала, а кассирша по-прежнему ерзала на стуле. Увидев проходившую мимо уборщицу, крикнула:

— Валя, я тут схожу. Присмотри за этим...

С мокрой тряпкой в одной руке и железным ведром в другой в кабинет вошла женщина — пожилая, невысокая, худая, седовласая, в стареньком шерстяном платье. Похожее Леша видел на бабушке.

— Ну что, хулиган, попался? — спросила она, как бы здороваясь. — Много чего своровал?

— На две копейки... — покатались у Леша слезы.

При этой, одетой в «бабушкино» платье женщине

он почувствовал себя спокойнее, расслабился и заплакал. «При ней можно плакать», — решил.

— Не волнуйся, — подошла к нему уборщица. — Не хнычь! Первый раз украл?

— Я не крал — обменял. Вместо двух копеек оставил гематоген...

— Гематоген? — переспросила уборщица. — Вместо двух копеек? Ну, ты даешь! — улыбнулась она. — Вот так обмен. Да-а... Однако здесь разбираться не станут, здесь тебя загрызут. Они уже давно кого-то ловят. Правда, пока кражи были только в школьном отделе: то карандаш исчезнет, то стирка, то тетрадь. Тоже, кстати, за две копейки... Слушай, а давай-ка я тебя отпущу! Только ты какое-то время не ходи сюда, не показывайся...

— Никогда не приду и не покажусь! И фотографировать больше не буду! — снова захныкал Леша.

— Ну ладно, ладно, хватит реветь. Слезам горю не поможешь! Это все нервы, а нервы, говорят, не восстанавливаются. Лучше дуй вон в ту дверь скорее, — махнула уборщица тряпкой в сторону темного коридора. — Пока они где-то ходят...

Леша перестал плакать. Выпрямил спину. Вытер глаза. Посмотрел на свою спасительницу.

— Убегать не буду. Убегают трусы, — вспомнил он слова одного из героев Жюль Верна. — Не хочу быть трусом...

— Ну вот, — развела уборщица руками, — уже идут. Доведет тебя твое упрямство...

Вошел милиционер, и она замолчала. Леша присмотрелся: нет, это не милиционер, это милиционерша, просто лицо у нее квадратное. Леша уже разбирался в воинских званиях и, взглянув на погоны, определил: тетя — старший лейтенант. Маминого возраста, но мама не толстая.

— Ну, что, попался? — обратилось к Леше квадратное лицо.

— Я... — хотел объяснить случившееся Леша, но лицо не дало ему сказать, перебило:

— Пошли! У меня в кабинете поговорим. Там вы все разговорчивее становитесь...

Детская комната милиции находилась через две пятиэтажки от магазина. За недолгую дорогу Леша понял, что не зря у него при слове «милиция» перехватывало дыхание и заплетался язык. Лейтенантша вела его, крепко сдавив руку. «Вор не должен убежать!» — наверное, считала она. И Леша терпел боль. Ему казалось: пока он ведет себя спокойно, все думают, что идет мама с сыном, а не ворюгу тащат в милицию, в тюрьму сажать...

Кабинет лейтенантши был на первом этаже. Через зарешеченное окно Леша увидел, как невдалеке, на пустыре, ребята гоняли мяч. Он вздохнул: «Скорее бы все кончилось».

— Так, милый, вижу, в футбол захотелось поиграть?! Раньше нужно было думать, раньше! До того, как начал воровать. А теперь тебе будет не

до футбола, — заверила его лейтенантша. — Садись! — приказала она. — Страна должна знать своих героев. Поэтому сейчас ты скажешь, как тебя зовут, где живешь, кто родители, в какой школе учишься. — Лейтенантша достала бумагу и авторучку. — Ты не молчи, рассказывай, не стесняйся. Знаем мы таких стеснительных. В конце концов, скажешь или нет, большого значения не имеет. Рано или поздно мы и так все узнаем. Но лучше сейчас как на духу все Расскажи. Тогда, так и быть, отпущу тебя, не вызывая родителей. И в школу сообщать не буду. Сделаю исключение. Ты же вроде первый раз попался?

— Да, — тихо подтвердил Леша и закашлялся. Лейтенантша курила, а форточка была закрыта, и у него запершило в горле. Лейтенантша посмотрела на Лешу, сделала еще несколько затяжек, но сигарету затушила.

— Ладно, хватит притворяться, кашель из себя выдавливать, — отошла она на шаг от Леша. — Думаешь разжалобить? Не выйдет! Не таких артистов видели! Рассказывай, как и что украл. И не тани. Если я с каждым воришкой по два часа возиться буду...

Леша, хныча, рассказал все, как было. Про гематоген, химикаты и фотолабораторию. Пообещал, что попросит у мамы две копейки и отнесет в магазин.

— Хорошо, — кивнула лейтенантша. — Будем счи-

тать, что ты рассказал правду. Такое, хотелось бы надеяться, больше в твоей жизни не повторится. Напиши вот здесь, где галочка, свою фамилию и можешь идти домой. И не волнуйся, все останется между нами. Обещаю. А в магазин я позвоню. Чтобы не было к тебе претензий.

— Но... — Леша хотел сказать, что за фиксаж он заплатил, какие же к нему могут быть претензии. Однако язык не поворачивался. Леша боялся. Боялся прокуренной комнаты, квадратного лица, решеток на окнах...

Выйдя на улицу, он сразу пустился бежать. Из всех сил, как будто убегал от погони, от страшного, с черными решетками, грязного серого здания, от себя, от судьбы. Он еще не знал, что всю жизнь ему придется убегать или догонять судьбу...

Леша долго не мог открыть дверь — дрожали руки. Наконец открыл, вошел в дом. Почувствовал, что сильно устал. Мама еще не было. В ожидании ее прилег на тахту, незаметно заснул...

Мама пришла с работы, посмотрела на спящего сына, осторожно погладила по голове: «Опять в футбол набегался...» Раздела, перенесла на кровать, накрыла: «Спи, сынок...»

Леше снился футбол. Финал чемпионата Европы. Весь матч он почему-то отбивал без конца назначаемые в его ворота пенальти. Били знаменитые Рива и Ривера, Факетти и Анастаси. Били, но забить не смогли. Леша выстоял. Сам Джаич его похвалил.

Так он проспал до утра. Звезды футбола вытеснили страшные события из его сознания. Мозг как бы спасал детскую психику от перегрузок. И Леша совершенно забыл, что произошло в субботу.

Теперь же он вспомнил! Он все вспомнил! Как дорого обошелся ему этот чертов фиксаж.

— Сейчас мы будем тебя судить! — снова услышал Леша голос учительницы. — Ты — вор, Марочкин! Самый настоящий вор! И судить мы тебя будем настоящим товарищеским судом. Лучший в школе класс оценит тебя по заслугам. Ты, Леша, потенциальный преступник. У таких, только одна дорожка, скользкая, — в тюрьму. Легкой жизни захотел?! Я понимаю, украсть — не заработать. Но легкой жизни у тебя не получится! Поверь! Итак, кто выступит первым? Не слышу! Оксаночка? Молодец! Скажи, что ты думаешь о Марочкине!

— Алексей, ты хоть понимаешь, что натворил, какой проступок совершил?! — начала заученно Оксана. — Ты уворовал у нашего родного социалистического государства. Ты похитил то, что создается самоотверженным трудом советских людей! Ты подумал, прежде чем...

Что говорили дальше Оксана и другие одноклассники, Леша слышал, но не воспринимал. Он думал о своем. Думал и в какой-то момент все его мысли сошлись на одном: мост! Недалеко от дома-музея первого съезда РСДРП, куда их каждый год после летних каникул

водили на экскурсию, есть мост. Высокий. Он с него прыгнет. Он не вправе жить! Он — вор! Он хуже всех!

Прозвенел звонок. Классная подвела черту:

— Такому не место в наших рядах! Твое место, Марочкин, в специнтернате для малолетних преступников!

Леша ничего не видел — потемнело в глазах. От часа стояния болели ноги. Сам не свой метнулся к двери. Пролетел коридором. На лестнице оступился, ударился о перила. Было больно, но не закричал, стерпел. Пулей вылетел из школы. Уже порядком отбежав, осмотрелся: где, в какой стороне дом-музей? Ага, там! Бежал долго, пока были силы что-либо воспринимать, чувствовать, видеть. Он не увидел, что загорелся красный, что горит, пылает, кричит красный.

Спасаясь от летящего на него грузовика, подпрыгнул, прокатился по капоту, по лобовому стеклу, снова упал на капот и отлетел в сторону, на газон вдоль дороги.

Леша лежал, смотрел в небо, не дышал. Замер. Боялся. Снова боялся.

Водитель «ЗИЛа» выскочил из машины, подбежал, ужаснулся:

— Боже мой! — нагнулся к мальчику. — Что же ты под колеса прыгаешь?

— Я не хотел... — испуганно пробормотал Леша.

Шофер осмотрел пострадавшего:

— Живой? Что-нибудь болит?

Леша прошептал:

— Голова немножко...

Собирались люди. Леша снова боялся. Опять его будут укорять, судить. Напрягся, попытался встать.

— Молодец, парень, — взял его на руки водитель. — Давай я тебе помогу. Хорошо?

— Да, дяденька, — прошептал Леша. — Унесите меня отсюда. Сейчас меня будут судить. Пожалуйста...

Водитель осторожно прижал мальчишку к груди, громко попросил:

— Расступитесь, товарищи! Дайте пройти! Отвезу мальчика домой! Он мой сосед. Не беспокойтесь, ребенок не травмирован. Обошлось, слава Богу. Дайте же пройти, говорю...

Он осторожно опустил Лешу на сиденье справа от себя, выключил «аварийку», нажал педаль газа, медленно тронулся. Доехав до ближайшего светофора, повернул на свою улицу. «Если что, скорую из дому вызову», — успокоил себя.

Дома водитель прошел в детскую, положил Лешу на кровать сына:

— Лежи спокойненько. Сейчас принесу лимонад. Любишь «Апельсиновый»?

— Нет, — бредил мальчик. — Я люблю мосты! Только мосты!

У Леши было не иначе, как сотрясение мозга, ему резко стало хуже, он потерял сознание.

Водитель кинулся к телефону.

— Алло! Скорая?! — с облегчением — дозвонился

с первого раза! — вздохнул он. — Случилось несчастье! Мальчик попал под машину! Что? Лет девять — десять. Как зовут? Не знаю! Почему не знаю? Да что вы все расспрашиваете, зря время теряете! Срочно приезжайте! Мальчику совсем плохо! Дорога каждая минута! Он без сознания...

Было в его голосе, видимо, что-то такое, что вынудило дежурную немедленно выслать машину по указанному адресу.

Приехавшие врач и медсестра не стали ждать лифта — взбежали на третий этаж.

— Где больной? — спросил врач. — Там? — показал рукой на открытую дверь в детскую и, не дожидаясь ответа, бросился туда. — Малыш, привет! — Он не столько здоровался, сколько проверял, в сознании ли мальчик. — Какие у тебя сильные мышцы! — взял Лешу за руку. — А куда ты так спешил? Наташа, пульс есть! Дай мне...

В этот момент в квартиру ворвалась жена водителя:

— В школу соседи позвонили. Сказали, что... Господи, что тут случилось? — вскричала она, увидев у постели сына врача и медсестру. Не получив ответа, кинулась было к детской. — Сынок! — позвала она. Но тут же, не ступив и шагу, упала у двери...

Сердце учительницы, напряженно сражавшееся с утра с упрямым десятилетним воришкой, нового напряжения не выдержало...

Качели

Мужественные большевики бегали по площади, разбрасывали листовки. Призывали к свержению, уничтожению, грабежу. Динамик телевизора хрипел и захлебывался. Залп «Авроры» взорвал кинескоп. Я метнулся к «ящику», выдернул шнур. Довели они меня, доконали, достали, гады, рвущиеся из грязи в князи. Сыт по горло! Вот где сидят со своей агитацией! Что ж, получите! Агитация так агитация!...

План, как разбросать, рассеять, распространить (предварительно умудрился напечатать, и это, возможно, заслуживает отдельного повествования) в центре миллионного города кипу листовок с призывами к борьбе с коммунистической диктатурой, к свержению преступного режима и при этом не быть пойманным, я разработал летом 1972 года, когда дочитывал последние страницы девятитомного собрания сочинений Ивана Бунина. И по сей день не очень понимаю (ибо «Окаянных дней» там не было), каким образом навел меня классик на мысли о протесте и преступности

дальнейшего молчания. Может, потому он и классик?

Дату для исполнения акции выбрал не случайную: седьмого ноября. Хотелось подразнить зверя именно в его день рождения. На крыше ГУМа смастерил сооружение, к которому был равнодушен с детства, — качели. Обыкновенные: доска на двух железных, параллельно скрепленных треугольниках («позаимствовал» их у детского сада, да простят меня малыши, на святое как-никак дело взял). Тяжелые качели пришлось разобрать (благо, их детали были свинчены, а не сварены) и поднять на крышу по частям. На один конец доски (ближний к краю крыши) положил пачку листовок. Их сверху (а ну как ветром раздует) прижал заранее припасенной четвертинкой кирпича, свободно крепившейся к треугольной основе (чтобы ненароком по голове кому не попала и не пришлось отвечать одновременно по нескольким статьям Уголовного кодекса — даже с этим ознакомился на всякий случай; не забыл и о перчатках: на книгу какого-то француза о дактилоскопии и бельтильонаже напоролся еще за год до того, оказавшись «по случаю» в одной из больниц Гомеля). Когда этот конец доски пойдет вниз, мой груз повиснет на веревочке, а листовки выпорхнут на свободу. На другом конце противовес: ведро с водой. Подготовил его также загодя: сбoku, чуть выше днища, пробил гвоздем дырочку и заткнул стертым под конус белым ластиком (Made in Hungary, между прочим! — подарок богатой московс-

кой тетки). Оставалось дожидаться момента, когда на проспекте будет наибольшее скопление народа, — часа пик.

Минуты ожидания тянулись убийственно долго, но любая мука когда-нибудь кончается. Посмотрев в очередной раз вниз, решил, что большего наплыва людей на перекрестке не будет, и осторожно вынул стирку-затычку.

Тонкой струйкой полилась вода. Скоро, скоро ведро начнет подниматься. Заколотилось сердце. Счетчик включен. Пора спасаться! Бросился вниз. «С места исторических событий желательно исчезать как можно быстрее», — рассуждал, считая одновременно и ступеньки (по четыре), и доводы в пользу того, что нужно спешно уносить ноги.

Первый.

Если поймают, то никто о герое-одиночке даже не услышит. Останется в неведении о тебе ее величество История. Пребудешь ты в ней темным пятном — вместо того, чтобы предстать жертвой произвола, борцом за святое дело (опять их лексика — вот задолбили мозги!). Это тебе не кино, это — жизнь.

Второй.

Будут бить (не сами, конечно, найдут охотников, шваль какую-нибудь, зечью грязную погань). Чего доброго, сделают инвалидом. И до самой смерти ты останешься прикованным к постели. А тебе это надо?

Третий.

Забудь о дальнейшей учебе. Какая учеба в колонии для малолетних преступников под скромным названием — СпецПТУ?

Есть и другие причины, по которым нежелательно попадаться в лапы наследников Феликса, но все взять во внимание или перечислить невозможно. В общем, оказавшись внизу, на пересечении улицы Ленина и одноименного проспекта (ну нет у нас своих столь же достойных уважения героев!), я, как простой советский человек, скромный ученик 8 «б» класса обычной минской тринадцатой СШ, поспешил слиться с возбужденной толпой, то бишь — массой. Вместе с другими пытался ловить падающие с неба листовки. И даже одну поймал. Текст, понятно, знал наизусть, но прочитал еще раз с удовольствием (про себя, разумеется, как это делали все, кого «осчастливил»):

«Дорогие соотечественники! За пятьдесят пять лет нахождения у власти большевистский режим показал свою полную несостоятельность. Уровень жизни людей в стране несопоставим с уровнем жизни рядового западного человека. Люди лишены элементарных свобод, страна окружена железным занавесом. И установлен он не для защиты от внешних врагов. Занавес необходим диктаторскому режиму для полной изоляции общества, чтобы народ не знал истинной, правдивой информации и продолжал жить и работать за буханку хлеба и кусок колбасы. Мы должны разорвать цепи, низводящие человека до положения заключенного, раба, животного...»

Прочитал и — под ложечкой засосало. Ну и нахвтался словечек из разных «голосов». Доиграюсь, ой доиграюсь! Надо сматываться. За такие тексты, если поймают, и в самом деле мало не покажется.

Быстрым шагом перешел улицу, подбежал к остановке. Скорее бы «двойка» подъехала... Стоп! На троллейбус, идущий прямо к дому, садиться не резон. Конспирация — одна из составляющих успеха подпольщика, его шанс уйти от шакалов, облеченных властью. А совершившего такое отловить и примерно наказать постараются однозначно. Всю «кагэбэшную» орду бросят на поиски. И ментов поднимут, и дружинников подключат, и дворников опросят, и еще черт знает кого вовлекут в охоту на пособника империализма. Одним словом, пару остановок пройду пешком, затем сяду на сворачивающий за квартал от моего дома тридцать седьмой автобус, а дальше — опять на своих двоих. Заодно и от «хвоста» (а вдруг уже сели?) избавлюсь.

Сказано — сделано. Сам удивился, как быстро добрался до своего двора. Спрятался за беседкой: решал, что делать дальше. Домой — нельзя. Там могут быть гости. Те самые, незваные. Защемило сердце. Нет уж, дудки, подождем. Без пятнадцати пять. Скоро мама с работы вернется. Там посмотрим...

«Наконец! — восторженно воскликнул, увидев, как мать пересекала двор. — Вошла в подъезд, сейчас позовет», — прокомментировал, ловя себя на том, что так же, наверное, оценил бы обстановку и «наружник» контрразведки. Вот она, веселая жизнь «нелегала».

Через минуту с балкона донеслось:

— Дима, где ты? Иди домой!

Сразу из-за беседки не вышел: вдруг у мамы за спиной кто-нибудь прячется. Подождал: никого.

— Я здесь. Что ты хотела? — показался из-за укрытия.

— Ты опять ничего не ел?! Для чего я ни свет ни заря у плиты стою? Немедленно за стол!

Моя заботливая добрая мама! Только за тем и следит, чтобы сын не был голоден. И непременно всех соседей поставит в известность, что я объявился.

— Иду-иду, поднимаюсь, — пробормотал скороговоркой.

Входил в квартиру и все еще волновался, гадал: выследили или нет? Осмотрелся: и впрямь никого, одна мама. Кажется, все тихо. Что ж, можно и перекусить.

Пожинав, взялся за уроки. Учил, словно пытался за вечер вызубрить всю годовую программу. Что, если и впрямь для меня не будет этого года?

С тревожными мыслями лег спать. Усталость все же взяла верх над волнением, и вскоре сон принял меня в свои объятия.

Проснулся сам. Впервые. В школу всегда будила мама, но в пять утра, как в тот раз, она, конечно же, и сама еще спала. «Не шуметь», — приказал себе и, осторожно ступая, прошел на кухню. Включил радиоприемник. Нашел нужную волну. Ага, вот оно: «Вы слушаете радио «Свобода». Передаем последние новости». Неожиданно среди прочего прозвучало: «Вчера

около семнадцати часов в центре Минска, когда люди возвращались с работы, неизвестные борцы с тоталитарным режимом разбросали несколько сот листовок с призывом к свержению существующего строя...»

«Уже знают, на весь мир передали», — непроизвольно улыбнулся я с радостью и гордостью. Повеселел, воспрянул духом. Казалось, оторвался от земли и парю в небесах. «Победа! — кричал во мне ликующий голос. — Ты сделал свой выбор, задушил в себе робость, избавился от цепей. Теперь ты должен...»

— Да, теперь я должен бежать, лететь без оглядки, иначе...

«А куда? — остудил меня все тот же внутренний, но уже не ликующий голос. — Бежать некуда. Кругом — стена, граница, пограничники, автоматы...»

Скрипнула дверь. Мама! Видимо, от волнения я говорил вслух.

— Опять за свое? — подошла ко мне. — Немедленно выключи приемник. Ох уж этот дед! Подарил любимому внуку на мою голову эту адскую машину. Ни днем, ни ночью покоя нет. Иди ложись! Ночь еще...

Заснуть, конечно же, я не мог, не до сна было. Как там сказали? «Неизвестные борцы с тоталитарным режимом»? Да, пожалуй, сейчас это главное — остаться неизвестным. В сладких рассуждениях о своем геройстве провалился до утра...

В класс вошел, как входит новичок. Все казалось незнакомым, все словно видел впервые. Или это после вчерашнего глаза по-другому смотрят на мир? Как заново родился. Чудеса, да и только.

Урок начался с неожиданности. Не успела учительница объявить о результатах контрольной работы за четверть, как отворилась дверь. Директор! За ним следовал высокий, стриженный почти «под ноль» мужчина в темном длинном плаще. «Расхаживает по школе в верхней одежде, — отметил я. — И директор на такое вопиющее, как сам бы сказал, нарушение не реагирует. За какие заслуги стриженному такие привилегии?»

— Тамара Константиновна, у вас сейчас что по плану? — спросил директор, почему-то рыская глазами по классу.

— Разбор контрольной за четверть, — забеспокоилась учительница. — Что-то случилось?

Директор обернулся и вопросительно посмотрел на человека в плаще. Тот легонько качнул головой.

— Да нет, — успокоил директор, — нам не к спеху. Зайдем после урока. Необходимо обсудить один вопрос. Вернее, получить ответ... Не отпускайте после урока учеников, пожалуйста.

«Кому — необходимо? — заволновался я. — Директору или тому, который с ним? А кто он? — задрожали у меня руки. — Все правильно, это ищайка. Вчера они взяли след, а сегодня нашли, кого искали. «Кагэбэшники» свое дело знают. За ночь вычислили. Но как? Это, видимо, навсегда останется тайной. Что делать? Попроситься в туалет и сбежать?» — «Опять ты за свое, — остановил меня голос. — Сам же сказал — некуда...» Правильно! «Значит, остается одно: строить из себя дурака. Мол, ничего не знаю, моя хата

с краю, сидел дома, учил уроки, потом читал «Айвенго» Вальтера Скотта, если надо — могу содержание рассказать... Насчет Бунина, пожалуй, промолчу — он же мне почти сообщник. Отобьюсь, что-нибудь придумаю. Безвыходных ситуаций не бывает, — подбадривал я себя. — Как-нибудь вырвусь из западни. Соскочу с опасных качелей...»

Да, я оказался на качелях. На весах Феиды. Над пропастью. Чья возьмет? Кто перевесит? Что? Их опыт, профессионализм, выдержка или моя молодость, отчаянность, вера в торжество справедливости?...

Я ждал и слушал стук своего сердца. Оно пока еще билось...

День «икс»

Одни идут заниматься дзюдо, чтобы стать чемпионами. Другие ставят перед собой задачи поскромнее: набраться сил, ловкости, уверенности. Третьи надеются поправить здоровье.

У меня желание заняться дзюдо возникло из боязни участия в драке. Я всегда избегал «кулачного» решения вопросов. И дело было не в слабости духа или нехватке физической силы. Просто в моем сознании существовал своеобразный тормоз: ты не имеешь права поднять руку на другого человека, а тем более гордиться этим.

В результате я частенько приходил домой побитый, а тип, украсивший мое лицо синяками, двумя-тремя годами старше — с одноклассниками кулачных конфликтов не возникало, — сидел в дворовой беседке и похвалялся, как заехал салаге с левой, потом добавил с правой, а тогда еще ногою, ногою...

С кем такое случалось, тот знает, насколько это тяжело! А что говорить про того, кто был воспитан на

произведениях Вальтера Скотта и Фенимора Купера!

Я закрывался от мамы в ванной, включал воду и — заливался слезами. Сердце стонало. Я проклинал свою трусость. Бил себя по изукрашенному синяками лицу. Думал о самоубийстве. Казалось, другого пути нет.

Но однажды, после очередной стычки с привычным уже исходом, я не пошел домой, двинулся в никуда по шпалам детской железной дороги. Забрел на недостроенный, без трибун, студенческий стадион.

Четверо веселых ребят гонялись друг за другом по полю, выполняли замысловатые упражнения, выкрикивали непонятные слова. Смеялись.

Один из них подошел к врытой рядом с беговой дорожкой скамье — хотел что-то взять из сумки. Как из-под земли, перед ним выросла бригада курильщиков, костяк и цвет районной шпаны. Он вытер рукавом мастерки пот с лица, приветливо улыбнулся и сказал:

— Зря вы, ребята, здоровье не бережете. А если так уж не терпится лечь в могилу, то отошли бы от стадиона метров на сто, чтобы дымок успевал рассеиваться. А вообще, шли бы домой. Там сейчас мультики показывают...

Я раскрыл рот от неожиданности и, кажется, перестал дышать. Ждал, что ответят «короли» района не шибко видному из себя белобрысому парнишке. Промелькнуло: «Скорее всего изметелят, да еще и ногами пригладят. Жаль, смелый парень, но курильщиков — вон сколько...»

На удивление, ничего такого не случилось. Задирь что-то пробормотали, подергали плечами, покосились исподлобья и... все!

Вот так да! Вот тебе и короли!

— Что, ребята, задумались? — совсем обнаглел белобрысый. — Родного языка не понимаете?

И те молча, боком-боком и слиняли.

— Чего смотришь? — вдруг обратился смельчак ко мне. — Кореша твои? Нет? А с лицом что? Понятно. Били. Крепко, вижу, били. Ну, ничего, не переживай, пошли к ребятам. Будем твою судьбу менять. Мою когда-то тоже меняли. Пошли, говорю, не дрейфь!

И я пошел...

Потребовалось два года, точнее семьсот тридцать семь дней самозабвенного, с кровью и потом, труда, чтобы переломить мою нерешительность, боязнь драки. Когда поймал себя на том, что, прежде чем кулак спарринг-партнера достает до лица, я успеваю отреагировать и главной задачей становится подстраховать нападавшего, чтобы не свернул себе шею, во мне рухнуло генетическое нежелание давать отпор, на силу отвечать силой, ударом — на удар.

И однажды настал день «икс».

В канун молодежного чемпионата республики я встретил одного из своих давнишних обидчиков. Точнее, не то чтобы одного.

Люди, у которых хватает смелости напасть на человека, ударить только тогда, когда знают наверняка,

что не получают отпора, останутся безнаказанными, не слоняются по улице в одиночку — они всегда в компании таких же отморожков.

Их было трое.

Они шли, сплевывали сквозь зубы, размахивали руками, орали. Прохожие обходили опасную троицу. А те улыбались! Этакая мерзкая улыбочка, отвязанная, садистская.

Увидели меня.

— О-о!

Обрадовались. Остановились. Готовились.

Один, главный, сжимал-разжимал кулаки — разминался. Второй, мой знакомец, раздавал «пасы» ногами, явно показывая, как он по старой памяти будет меня пинать. Третий, явно послабее дружков, небрежно засунул руки в карманы. Усмехнулся. Щербато присвистнул:

— С-сценок!

Сначала, как и когда-то, я почувствовал дрожь, дыхание стало прерывистым, но сердце не ушло в пятки. Вспомнив, кто я (как-никак — чемпион среди минчан «до шестнадцати») и кто они (хулиганье, как называл их сосед-пенсионер), задушил в себе трусость. На корню задушил. Вырвал из себя гадину. Сбросил петлю с шеи. Выиграл первый раунд. Самый тяжелый — с самим собой.

Я не стал сворачивать в ближайший переулок или перебегать на другую сторону улицы. Шел на них спокойно и уверенно, даже не прикидывая, что буду де-

лать дальше. Знал: в нужный момент кто-то свыше скажет «хаджиме!»[♦] и бой начнется...

Отморозки остановили меня эффектно. Когда я прошел мимо, удивляясь, что не слышу чего-нибудь типа «Малыш, притормози», за спиной раздалось:

— Ну, борзый! Ты что, страх потерял? Назад, сука! К ноге! Рысью!

Я сделал вид, что сей призыв ко мне не относится, указания не выполнил, шел дальше, давал им последний шанс. Ребята шансом не воспользовались. Что ж, их право.

Обидчик мой, он же «футболист», завизжал:

— Ну, падла трусливая, сейчас ты у нас притормозишь! На коленях поползешь! Землю грызть будешь!

Ладно, думаю, ладно. Алчущим да воздастся! И развернулся к желающим побеседовать на абстрактные темы. Все трое уже летели на меня, и пришлось напрычься.

Отпрыгнув вправо, я выбросил вверх левую ногу и попал «футболисту» в ухо. Не готовый к такой встрече, он потерял равновесие, но успел уцепиться за главного. Тот оттолкнул дружбана назад, на меня. «Футболист» размахнулся и... прошил кулаком воздух. Инерция развернула нападавшего ко мне спиной, и оставалось лишь воспользоваться той самой инерцией. Получив увесистый пинок в зад, он налетел на урну и затих. «Что-то совсем не страшно, — пронес-

[♦] Команда к началу поединка в некоторых видах восточных единоборств.

лось в голове. — Едем дальше...» Схватил главного за ноги, оторвал от земли и швырнул на «футболиста».

В этот момент маленький гаденыш заехал мне в челюсть из-за спины кастетом. Захрустели зубы, было больно, но не смертельно. Одновременно с разворотом я подцепил его аперкотом справа. Плюгавенькая крыса полетела к своим. Запищала, заплакала.

Все было кончено. Я не стал добивать их, наставлять на праведную жизнь, воспитывать словесно. Пусть сами решают-думают, как быть дальше. Если же до них не дошло и парни захотят матч-реванш организовать, то это — пожалуйста. Всегда рады. Бои с некоторых пор я люблю.

И я пошел. Спешил. Я никогда не опаздывал на тренировки. Не опоздал и на этот раз.

Впереди был главный бой — с жизнью!

Третья попытка

— Итак, повторяю, — повысил голос замполит, — кто прибежит первым, получит приз — отпуск на десять дней. Дни проезда домой и обратно засчитываться не будут. Вы, думаю, за эти полгода убедились: я вас ни разу не обманул. И ты, Рашид, если, конечно, победишь, попадешь в свою солнечную Туркмению. И ты, Виктор (с таким именем грех не выиграть!), если постараться, обнимешь родителей в родном Красноярске. И у Олега есть возможность обрадовать маму и весь Академгородок под Новосибирском. И у Леонида появится шанс попасть в свой далекий бульбашеский Минск...

Леонид — это я, если не коренной, то закоренелый белорус, попавший служить в алтайские степи случайно. В ту злополучную субботу тренер выдавал замуж дочку, запраздновался и забыл, как было условлено, забрать меня из облвоенкомата. Сутки я продержался. Объяснял ситуацию: мол, спортсмен, борец, жду

представителя СКА КБВО* и так далее. Но на второй день проверяющий с тремя большими звездами на погонах, наткнувшись на «непорядок», возмутился:

— Что за блатной отлеживается? Исключение? Чемпион? А ну-ка в Сибирь его, пусть там почемпионит!

И послал меня большой начальник (пусть Бог наградит того полковника сибирским здоровьем, чтобы он еще сто лет жил и двести ползал) в те места, где самолеты, как НЛО, встречаются...

— Итак, уточняю: приз только один, — продолжал замполит. — Второе и третье места не разыгрываются. Отмечу далее, что выигрыш победителя уникальный. Для нашей роты, как вы знаете, понятия «отпуск» не существует. В такую уж часть вы попали, невыездную, секретную. Повезло, одним словом... Теперь — о маршруте. Кто хочет, может бежать по дороге — это где-то около четырнадцати километров. Любителям более коротких дистанций советую рискнуть и рвануть через поле — почти наполовину короче будет. Но это вам решать...

К моему удивлению, состязаться за поездку домой выстроились все. Даже бурят с русским именем Вася, законченный наркоман с желтыми нервно-мигающими глазами, и его дружок, алкоголик Петя Короткий

* Спортивный клуб армии Краснознаменного Белорусского военного округа.

(про таких говорят: пить, курить, ходить и говорить начал одновременно), пристроились где-то сзади.

Я решил, что лучше бежать по дороге. Снега почти нет, в сапоги не набьется. Кирзачи, правда, тяжеловаты, зато вместо портянок, которые вечно сбиваются под пятку, ноги грели присланные из дома толстые шерстяные носочки. Что же до веса, то он в обоих случаях — величина неизменная. Вдобавок поле прячет еще и загадку: а что там, под снегом?

Итак, дорога!

Подумал о конкурентах. Наибольшую опасность представлял Олег из новосибирского Академгородка, также оказавшийся здесь случайно (а может, это была та самая случайность, в которой проявляется закономерность?), чемпион области в беге на четыреста и восемьсот метров. Далее шел футболист Виктор Перверзев, а за ним — представитель «общества друзей Японии», шустряк с тяжело произносимым и поэтому постоянно мною забываемым (как, впрочем, и теперь) именем, приклатненный, вечно озабоченный своим здоровьем боксер из Владивостока. Остальные сто солдатиков, сдается, останутся статистами. Но — не будем гадать, посмотрим.

— Раз-два, раз-два, — отсчитывал я шаги, выравнивая дыхание. — Ма-ма? Да-да-да! До-ма? Да-да-да!

Бежалось легко. Сразу удалось уйти вперед. Я летел, а в голове стучало: вдруг на такой темп до конца дистанции сил не хватит? Остальные не так резво начали, а ведь среди них чемпион Новосибирска...

«Плевать, — отчаянно отмахнулся я от этих мыслей, не замедляя бега. — Ма-ма! Да-да-да!»

Футболист Виктор, искусный бомбардир, высланный тренером в степи на перевоспитание за строптивость, первым решил, что поле ему роднее заледеневшего асфальта. Нужно обязательно победить, чтобы оказаться дома. Он — один, а тренеров много. Только бы вырваться. Добраться хоть до какой захудалой команды — там покажет свои «мюллерские» ноги...

Ноги не сильно утопали в снегу, и Виктор надеялся, что так будет и дальше. Вот только чабан Рашид следом уцепился. Хотя, может, оно и к лучшему: с чабаном в степи не заблудишься...

Олег возглавил и вел группу погони за «белорусом». Не волновался: «Это не восьмисотка, — говорил себе, — но и смельчак впереди — не чемпион в марафоне. Отсидимся, а там, перед казармами, — вперед! Спринтер я не последний. В отпуск поеду не домой, а в Адлер, на отбор к Союзу. Еще успею. Умру, но в тройку войду! Хватит! Шутки кончились...»

Безымянный боксер бежал по дороге, но вскоре зеркально-черного асфальта испугался. Вспомнил, как однажды поскользнулся на ринге и, падая, получил увесистый хук справа. Такой увесистый, что после счета «десять!» еще долго ловил звезды с потолка. Из-за тех звезд теперь и бежит.

И он сиганул в поле, на что отважились только двое: футболист и прилипший к нему тенью Рашид.

«Чурбан, конечно, спечется, — прикинул безымян-

ный, — а футболист — он же не боксер. Как там, на финише, сложится, — никто не знает...»

Все думали о победе, а ехавшего на «Урале» позади основной группы замполита беспокоило другое: «Как выбить в дивизии обещанные победителю десять дней? Все зависит от генерала-тестя, но тот в последнее время был непредсказуем: задерживался его перевод в Западную группу войск. Надо что-то придумать. Хотя мороз такой, что даже в машине пробирает, и всё за то, что вряд ли кто добежит до казармы. Вот и первые сдавшиеся голосуют — в машину просят. Может, тесть не понадобится и придумывать ничего не придется?»

Я понял, что самое тяжелое — это очередной глоток обжигающе ледяного воздуха. Понял это и организм, пошел мне навстречу. Горло, словно орошенное новокаином, онемело и не препятствовало дыханию. Группа преследования держалась цепко, но догнать пока не пыталась. «Может, выдержу до конца?», — спросил-обнадежил себя, делая новый глоток.

«А белорус сильнее, чем казалось, — прикидывал Олег. — Слонялся по казарме, скучал, все о чем-то думал, а сейчас прет, как паровоз. Словно подменили парня. Проблема с ним будет. Но ничего! Главное — сохранить силы для финиша. А после победы — в Крым!».

Боксер бежал вслед за футболистом. Когда почувствовал, что тот сдает, достал его и, обходя, крикнул: «Я!» Нападающий понял: «японец», который пока ему

союзник, дает возможность передохнуть от лидерства, и кивнул головой: «Давай!»

«Снег — не ледяная дорога, здесь меньше шансов поскользнуться», — подбадривал себя боксер. Он не замечал, что с каждым километром ноги вязли в снегу все глубже.

Мне казалось, будто лечу пулей, но, прикинув: позади треть дистанции, а времени прошло больше получаса, понял — ползу черепахой. Однако осознал и другое: в такой гололед да при минус сорока это предельная для меня скорость.

Резко потемнело. Бежавшая полем тройца исчезла. Как провалилась. В последние минуты они явно сбавили темп. Пахота началась или их приняла чужая земля? Нет! Пока нет. Но — примет. (Так, кстати, и было: забрала за два года каждого пятого из нас!)

Я бежал. Бежал за жизнью. Бежал быстрее всех. Догонял судьбу...

Показалась казарма. Со стороны поля никто не появлялся, мои преследователи безнадежно отстали.

Я — первый.

Командир роты стоял у входа и улыбался. «На грудь принял», — догадался я, подбегая. Трезвый он беспрерывно орал, как бешеный.

— Ну что, спорт-смен, — сказал сквозь икоту, — победил? Думаешь, так все просто? Нет, солдат. Сюрприз! Победа твоя не засчитывается. Смотри! — Капитан вывел из-за спины руку и махнул аккуратно сложенными портянками. — Под матрасом дневаль-

ный нашел! Молодец дневальный. Земляк твой, бульбаш, а честный. Небось, в мамкиных носочках бежал? А? Не лучшее решение принял, солдат, неверное. Нарушение формы. И, следовательно, нарушение устава. А что положено нарушителю устава? Только одно — гауптвахта...

Так закончилась моя третья за первые полгода службы-неволи попытка вырваться из алтайских степей на родину.

Вырваться удастся с двенадцатой. Через два года и тридцать четыре дня.

Вырваться — удастся, но догнать судьбу — увы...

Скорая помощь

Я вернулся вчера. Два года в отрыве от дома! Волновался. Чувствовал, что неисправимо одичал, маршируя по бескрайним алтайским просторам. Ночь спал беспокойно. Очнулся к полудню. Оделся за сорок секунд. Точнее за тридцать восемь. Привычка.

«Дикарь, дикарь, дикарь, — вилось над головой прилипшее во сне слово. — Ничего, главное — не отчаиваться, — пытался я отогнать его. — Прорвемся. Жизнь только начинается. Надо пройтись, продышаться, акклиматизироваться. Не сидеть сложа руки. Отвлечься».

Вышел на улицу.

Лето. Тепло. Кругом — белорусочки. Красивые, сочные, знающие это.

Завелся. Улыбнулся. Остановил одну. Извинился. Культурно спросил:

— Не подскажете, который час?

Услышал неожиданно резкое:

— Шесть! Еще вопросы?

Подумал: «Отчего такой холод?» Ответил сам: «Все правильно! Без часов — какой ты кавалер, ухажер, джентльмен, заступник?».

Первый блин комом. Но нужно ли расстраиваться? Все нормально. Пошел дальше. Не унывал, не отчаивался.

Нежно обратился ко второй:

— Вы случайно не знаете, как попасть в центр города?

— А где вы находитесь! — бросила она возмущенно. Явно хотела добавить: «Ну и кретин!»

Продолжать беседу не стал. И так все понятно. Ладно...

Приближалась третья (может, повезет — Бог любит троицу). Копия тех. Мини и все такое летнее.

Набравшись опыта, стал умнее. Попробовал более оригинальное:

— Сумочка ваша, кажется, не из легких. Разрешите, помогу...

«У, бандюга», — прочитал в ее глазах.

Понял: снова — мимо. Но нервничать не стал. Оставил силы для последней попытки.

Не спешил. Ждал, смотрел, выбирал, надеялся.

Есть! Обыкновенная, без единой характерной черты. Серенькая-серенькая, невзрачненькая-невзрачненькая. Может, хоть с этой что-нибудь получится?

Сделал умные глаза.

— Извините, что беспокою, — глаза еще умнее, — но не могу не сказать вам комплимент. У вас очень

хороший вкус. Сразу видно, что это платье вы шили сами...

Ответ услышал совсем не тот, на который рассчитывал.

— Дурак! — неожиданно расплакалась серенькая. Ткнула мне кулачишком в глаз и убежала, как чемпионка олимпиады на стометровке. Вот тебе и серенькая...

«Не мой день, — провел ее уцелевшим глазом, — не мой».

Накатилась печаль. Приуныл. Забрел в парк. Нашел скамейку. Сломанную. На одной из окраинных аллей. Сел.

Тишина. Ни одной красавицы. Ни одной живой души. Алтай!

Задумался: «Да, я — дикарь, и никуда от этого не деться. Искалечены гены, структура, мозг». Пересохло во рту. На губах горечь. Заныло сердце. Забилося, как брошенная в клетку птица. Рвалось из груди. Шло в разнос. Снова. Как на Алтае.

Закружилась голова. Сопrotивлялся. Пытался дышать ровно. Не отпускало. Но еще кое-что видел.

Увидел ее. Подошла:

— Что с вами? Вам плохо? Вам помочь?

— Не стоит, — ответил, но голоса своего не узнал. Не тот голос. Подумал: «За секунду три раза на «вы» обратилась. Хорошая». Попросил: — Если можно присядьте.

Посмотрела:

— Вы кто?

— Все хорошо, — улыбнулся через силу. — Я свой, такой же, один...

Поняла. Поверила. Присела. Повела плечами. Тревожилась:

— Может, вызвать «скорую»?

Я смотрел на нее, красивую, чистую, взволнованную, сопереживающую. Просыпался. Возвращался домой. Отходил от Алтая.

— Спасибо. Не стоит. Мне лучше. Вы помогли. Очень сильно...

Я смотрел ей в глаза. В глаза любимой...

Болело загнанное в степях сердце.

Как я был счастлив!

Жокей

Ближе к вечеру, перед тем, как выйти из дома, Владимир ложился передохнуть. Работая в дискотеке, программа которой заканчивалась глубокой ночью, он постоянно недосыпал. Дискотека была эксклюзивная, дорогая, для крутых, но программу готовил и вел Владимир один. Достойного дублера найти не могли, и шеф с волнением думал, что будет, если ведущий заболит или с ним еще что-нибудь случится. Но Владимир не болел, на работу выходил, и программа под аплодисменты завсегдаев начиналась всегда вовремя.

В тот день, как частенько и в другие, после записи со спутниковой системы сборки последних шлягеров, усталость от недосыпания взяла свое. Уже автоматически он отдал зашедшему, как всегда в это время, соседу Леве переписать в его коллекцию подготовленную для работы кассету и прилег, не раздеваясь, на диван.

Отключился Владимир сразу...

Он не знал, что вежливый до безобразия Лева, уходя, дверь лишь прикрыл, и замок не защелкнулся. Жена Наталья укладывала малыша и соседа не проводила.

...Владимир находился между сном и реальностью. Что-то острое колело в живот. Это заставило открыть глаза, но сознание, только что ушедшее на отдых, сопротивлялось. Все же боль победила, и он проснулся.

Сначала Владимиру казалось, что сон продолжается. Некто в черном с натянутым на голову чулком прижимал к его животу нож. Над головой в таком же маскараде дышал второй. В руке у него был револьвер. Владимир никогда бы не подумал, что натянутые на голову колготки могут превратить человека в чудовище, в монстра.

I

Приставивший нож, прошипел:

— Убью-ю!

Второй, с «пушкой», добавил:

— Лежа-ать!

— Что за клоунада? — произнес Владимир, приподнимаясь, но удар револьвером по голове опрокинул его на диван.

Он окунулся во мрак. Брызнули и рассыпались искры. Загорелись звезды. Сошлись в круг. Вспыхнуло солнце. Ослепило. Он медленно поплыл по кругу. Нет,

не он. Кружились стены, потолок, пол. Скорость вращения увеличивалась. Тело наливалось свинцом, взбухало. Сейчас оно взорвется...

Очнулся Владимир на полу.

Двое в черном не исчезли. Но появился третий, такой же, близнец. Он стоял в дверном проеме, метрах в трех от дивана, и держал за волосы Наташу. Второй рукой к ее шее приставил нож. Острие прорезало кожу, и из-под него сочилась кровь. Испуганные глаза застыли...

Первый, с ножом, повторил:

— Убью!

С револьвером приказал:

— Лежи тихо! Побереги ее, не дергайся. Мы знаем, ты способный...

Владимир не понимал, что сейчас главное — выиграть время, не двигаться. Хотел осмотреть комнату: сколько их? Но не успел и повернуться, как получил еще один удар по разбитой, залитой кровью голове.

...Ночь, тишина. Он стоит. Ноги тонут в песке. Пустыня. Мираж. Появляется Наташа. Заводит знакомую «песню»:

— Зачем тебе такая работа? Я же говорила, предупреждала. Добегаешься со своими кассетами и дисками. Доведут тебя эти рок-идолы. Я чувствовала... Теперь все...

Мираж исчезает. Он слепнет. Снова ночь... Вспышка! Загорелся экран. Пошел фильм. Черно-белый.

Сверху обрушивается водопад. Кадр останавливается: кто-то нажал «паузу». Картинка расплзлась. У экрана исчезли границы. Теперь он в кадре. Нет, в жизни. Ему снова захотелось осмотреться, но в сознании что-то сработало, и он не пошевелился.

И тут услышал:

— Урод! Ты грохнешь его! Может, уже грохнул!

У Владимира дрогнули веки.

Тот заметил, улыбнулся, выдохнул: — Живой?! Молоток! — И уже спокойнее: — Да, такую красавицу нельзя одну оставлять. Лады? А-а? Лады... Теперь вернемся к нашим баранам. Всем будет кайф, если ты скажешь, где лежат «бабки». «Капуста» у тебя есть, мы знаем, так что, жокей, не теряй времени, не заставляй уют включать...

Владимир смотрел на мутное черно-белое изображение говорящей сквозь чулок головы. За время, пока объясняли, что почему, он почувствовал, что с ногами у него не ладно. «Как пропали куда-то, — подумал. — Да, полтела уже потерял. Шансов вырваться все меньше».

— Поднимайся. Только о-очень медленно, — приказала черная голова.

Тело не слушалось. Память о прошлой боли сковала его. Бандиты поняли это и, взяв Владимира под руки, посадили. Дуло револьвера переместилось от головы к шее, нож — к ребрам. Шансов вырваться по-прежнему не было.

— Ну что, пошли? Показывай, где «бабки».

Его приподняли, пытались поставить на ноги.

— Ара, эта сука не хочет стоять, — сказал один из державших Владимира «чулков». — Может, водой?

— Нет. Посадите, пусть передохнет, подумает. Без ног он не опасен.

Владимира опустили на диван.

«Дали сесть. Хорошо. Это шанс», — промелькнуло в сознании. Он повел глазами: «Так, их трое. В комнате двое и один на кухне, держит Наташу... Поддон остался с женой?» Рванул, но что-то сдержало. Нож! Давивший в ребра нож.

«А этот, с револьвером? Теперь он — слева. За ним — балкон. Открытый. Шанс есть... Этого, слева, отшвырнуть успею. Нож режет по коже, но это не страшно...»

Он сжался, готовый к прыжку, но прошитый карлик — главарь тройки — это учуял: лезвие, проткнув кожу, вошло в тело.

— Так, дружок, вижу, ты не понял. — Аус! — позвал он, чуть развернувшись в сторону кухни. — Красавицу привязал? Молоток! Иди сюда! Возьми одеяло и накинь на мальчика. Может, тогда до батяни дойдет...

«Боже, как я мог забыть. Малыш! Наташка его укладывала, когда я засыпал. «Догоняй папку», — шептала ему в ушко...»

Тело Владимира сжалось в пружину, но он ощутил, как лезвие вошло глубже. Боль не появилась,

но вырваться стало невозможно: нож на треть сидел в нем.

Послышались всхлипы, и он увидел, как малюсенькие ножки поднялись вверх, задержались.

«Все, хватит, — приказал себе. — Сыном рисковать — не собою...»

— Деньги в шкафу. На верхней полке слева.

Третий выпотрошил полку, затем следующую — денег не было.

Нервный, с револьвером, размахнулся, и после очередного удара залитое кровью тело распростерлось перед детской кроваткой. Падая, Владимир услышал «Есть!» и ухватил за собой душившее сына одеяло.

...Темнота. Все. Он свое отъездил. Отработал. Было многое. Может, и в самом деле довольно? Повидал столько, что хватило бы на две, на три жизни! Возможно, и в самом деле выбрал лимит у Бога?

«Да»? — осмелился Владимир спросить Всевышнего.

И тут его охватил жар. Снова закружилась голова.

«Почему жар? Почему не холод? Ведь я должен остывать! Почему я один? Где Наташа, малыш?»

— Боже, прошу тебя, если они там, заberi меня к ним, — прокричал он в отчаянии.

От крика вернулось сознание, сильнее забилося затихавшее сердце, участилось дыхание.

Открылись глаза. Вокруг все белое. Осмотрелся. Кафель. Он в ванной. Не умер. Руки... За руки его привязали к трубе, идущей к умывальнику. Связаны

и ноги. Губы не разжимаются. На них — липкая лента. Владимир прислушался. Тишина...

«Оставили в живых? — продолжал работать его мозг. — Зря...»

Зря он напрягся — вся боль ожившего тела обрушилась на него. Он чуть снова не потерял сознание.

«Осторожно, — сказал себе, — осторожно...»

«Думать, думать, не спать», — твердил ему разум, когда первые попытки выпутаться из оков не удались.

Труба. Труба идет к сливу. Слив новый, пластмассовый, хотя и покрашен вместе с трубой белым.

Так, подтянуть веревку к сливу и, упершись ногами, рвануть.

Медленно привстал на колени. Веревка натянулась. Что-то держало ее. Конец? Нет, не конец. Это последний крепеж трубы, самый слабый.

Владимир прижал спину к сливу. Представил, что разбегается, и — рванулся. Он понимал, что ударится головой об пол. Но это не пугало. Жажда свободы взяла верх над сознанием, и остановить его было невозможно.

Падая, Владимир успел повернуть голову и тем самым спас свой не особенно сильный нос от перелома. Отлетел к двери. Надавил на нее ногами. Распахнулась. Снова прислушался: по-прежнему тихо.

Руки. Веревка резала теперь не так сильно. Видимо, напрягшись, он подрастянул ее. Шанс есть.

Пытаясь ослабить узел, резко задержал руками. Они высвобождались, но немели пальцы. Время не за него. Подташнивало. Он потянул более сильную правую к

себе. Пробравшись сквозь путы, рука вырвалась на свободу.

«Теперь ноги, — приказал себе Владимир, но туманилось сознание, и он понял, что освободиться от пут не успеет. — Надо спешить...»

И он пополз к кухне.

Жену привязали к батарее под обеденным столиком. Скрученная веревками и с заклеенным ртом, она смотрела на него застывшими от ужаса глазами. Страдание и боль любимой женщины вызвали ярость, ненависть, отчаяние: «Подонки, сволочи, гады!» Подполз ближе. Осторожно снял с ее губ пластырь. Ничего не сказал, забыл, что умеет говорить. Сказала Наташа:

— О, Боже!

— Тихонько, тихонько, — успокаивал ее, хотя понимал, что бесполезно. — Не смотри, не надо, все пройдет, — шептал, не понимая, что Наташа не закрывает глаза, видя его окровавленную голову, грудь, все тело.

— Ты не умрешь, ты никогда не умрешь, — ожила она, перебивая мысли о самом страшном.

— Все будет хорошо, все будет хорошо, — пытался Владимир что-то говорить. Ухватившись за стол, приподнялся. Приборы лежали в выдвижном ящике. Вынув нож, опустил на колени. Уже в тумане срезал с рук жены веревки. Вскоре обмяк и затих...

«Прохладно. Серо-салатные стены. Железная кровать. Палата? Да... Я в больнице... — понял Владимир. — Живой...»

Послышались шаги. Открылась дверь. На пороге — двое. Но не те. Другие. В форме.

— Вы очнулись? — приближаясь, спросил один из них. — Очень хорошо. Не волнуйтесь, ваши жена и ребенок живы. У них все нормально. Они лежат в этой же больнице. Извините, что беспокоим, но вы, конечно же, понимаете: время не ждет. Чем скорее мы с вами переговорим, тем больше шансов задержать бандитов.

Почему-то вступать в разговор не хотелось, и Владимир закрыл глаза.

— Да вы что, товарищи, совсем с ума сошли? — вбежал, возмущенно размахивая руками, доктор. — Медсестра на минутку за лекарствами вышла, а вы тут как тут, комнату милиции в палате устроили. Человека только-только с того света вытащили! Немедленно покиньте палату!

...Ночью неслышно вошла медсестра. Увидев, что Владимир лежит с открытыми глазами, сказала:

— Простите, что беспокою. Я на секундочку. Я узнала вас: вы ведете ночную дискотеку в кафе, что недалеко от моего дома. Я несколько раз была там, и мне очень понравилось. Сразу видно, что работаете честно, с душой. Музыка прямо с пластинок, видео каждый раз новое. И голос, такой, знаете, заряжающий энергией голос. Душа словно в небеса уплывает. Я бывала на других дискотеках — там совсем не то. Вы уж извините, что побеспокоила, но я хотела, чтобы вы знали...

— Спасибо вам, теперь знаю. Еще раз спасибо!

— Ой, да что вы! Это вам спасибо. И еще хочу об

одном вам сказать... Предупредить. Один из этих, что были в вашей палате, видимо, старший, перед уходом приказал второму остаться дежурить. Сейчас он спит. Так вот, уходя, он дважды повторил: «Главное — узнай, сколько денег взяли. Если сумма большая, то попытайся выведать, откуда они у него. Расспроси, где взял «бабки» на финский кожаный плащ, японские телек с видеком...»

«Да, — думал он уже о своем, — их волнует только то, что деньги достались не им, а бандитам. А какая для меня была бы разница? Ножом бы не резали? Револьвером не глушили? Так у них другие интересные приспособления для тех же целей имеются...»

Почему-то больше всего было жаль повара, который приходил в кафе вечером, отработав смену в заводской столовой. Он последним, двенадцатым, решился отдать на покупку нового оборудования собранные за год работы деньги. Он просто грезил собственной пиццерией...

И через несколько лет она у него будет.

Уже ближе к окончанию школы сыну понравится готовить, и он пойдет к повару в ученики. Наташа плачет, когда «ее мальчик» печет для нас что-нибудь вкусненькое...

II

Приставивший нож закричал:
— Убью-ю!

Второй, с «пушкой», добавил:
— Лежа-ать!

Резким ударом левой Владимир отбил руку с ножом и, развернувшись, правой отшвырнул державшего револьвер к балкону. Тот головой пробил стекло двери, и один из образовавшихся стеклянных клыков впился ему в горло.

Рука с ножом на долю секунды повисла в воздухе, словно выбирая, куда нанести удар. Этого Владимиру хватило, чтобы заехать нападавшему ногой в пах — выпущенный нож воткнулся в край дивана. Прямой в голову оглушил главаря, но тот успел крикнуть:

— Сюда-а!

Третий прыгнул на жокея сзади и — ошибся. Броски через плечо у Владимира получались лучше всего. Налетев на телевизор, бандит опрокинул его, ткнулся головой в стену и затих.

«Теперь на кухню!» — пронеслось в голове.

Он ринулся к выходу, но еще живой бандит, застрявший в пасти балконной двери нажал на курок. Первый выстрел заставил Владимира остановиться. Второй — потерять равновесие. Третьего он уже не услышал. Однако и стрелявший испустил дух.

...Очнувшийся главарь осмотрелся, подобрал с пола револьвер, повернулся к телевизору и выстрелил распластавшемуся перед ним третьему в голову. Пройдя

на кухню, нагнулся, ухватил за волосы лежавшую на полу без сознания женщину, приподнял и, ткнув ствол в висок, выстрелил.

В дверях оглянулся:

— Наводчику язык отрежу, — дал себе слово главарь.

Ребенок в кроватке не плакал, как будто понимал, что впереди у него вся жизнь, но сражаться за место в ней он будет в одиночку. И малыш берег силы.

Через четверть века о нем напишут:

ПРОГРАММУ ГОТОВИЛ И ВЕЛ ВЛАДИМИР...

Самый Нижний Тагил

I

Есть такой город на Южном Урале, Нижний Тагил называется. Тихий, надо сказать, городок, спокойный. Особенно днем. Но об этом — позже.

Темно-серое с оттенком хаки зимнее небо Нижнего Тагила в полдень обычно подкрашивалось оранжево-голубой ядовитой гарью, выдавливаемой, как из тюбиков, из труб многочисленных заводов, и тогда наминало оно картину, при виде которой возникала безрадостная мысль-догадка: на небе ждет нас не только рай — нашлось там и для ада местечко. Заводы все были непременно нужные стране и, как правило, строго секретные, такие, к примеру, как танковый и другие, чьей специализации не помню, а врать с порога не хочется.

Как-то в Нижний Тагил заглянули двое искателей приключений, точнее — удачи. Чтобы не водить читателя за нос, скажем: предметом их вожделения были

купюры разных достоинств, денежные, то бишь, знаки. Тогда, в начале девяностых, конечно же, советские, но еще не деревянные.

Приехали искатели поездом. Скромно так приехали, без шума. Да, говоря честно, шуметь им было и ни к чему, ибо добывание вышеназванного дефицитного товара не терпит суеты и не нуждается в само-рекламе.

И вот эти самые искатели-добытчики вышли на привокзальную площадь. Откуда ни возьмись — такси подкатывает, и водитель, веселый такой, прямо Швейк-солдатик бравый, довольный, видимо, собою и жизнью своей безбедной, улыбается и говорит («Клоун, да и только», — подумал я):

— Садитесь, господа хорошие, командировочные или бизнесмены, даже не знаю, как вашего брата теперь величать. Извольте сделать заказ. У нас тут так устроено: налево пойдешь — в общежитие попадешь, в заводское, это если вы командировочные; направо — в гостиницу средней руки, где селятся челноки; прямо поедem — это уже со мной, в смысле, тогда и я понадобится, — в люкс-отель приедem. Что, господа добрые, выбираем? («Клоун и стихоплет, интересный субъект, короче», — сделал я себе еще одну закладочку.)

— Хороший у вас городок, необычный, — оглядываясь по сторонам (и действительно, с чего это таксист из всей гурьбы новоприбывших именно нас выбрал?), сказал загадочно мой друг Женя Бендеров. И, обра-

щаясь ко мне, спросил: — Ну что, старик, не будем экономить на здоровье?

— Не будем, — поддержал я любителя комфорта и повернулся к водителю: — Давай, родимый, показывай свои палаты белокаменные.

Таксист-артист, словно по команде, распахнул набитый золотыми, еще эсэсэсэровскими зубами рот и, засияв, как лампочка Ильича, по-прежнему довольный собой, выдохнул:

— Ваня господ белорусов в мгновение ока домчит. Все будет как всегда... в смысле о'кей! — быстро добавил он, моргая глазенками.

«Интересно, — отметил я про себя. — Лыбится все время, как дурачок, а насчет «откуда дровишки» сразу скумекал. Прямо знаток диалектов какой-то, местный полиглот».

Люкс-отель предстал в облике серого панельного здания с прореженно светящимися между первым и вторым этажами буквами вывески. Когда-то, видимо, на ней можно было прочесть название учреждения, но сейчас отсутствие половины букв делало подобную попытку предприятием безнадежным. Зато люкс-номера с двумя студенческими железными койками, пионерской фанерной тумбочкой, холодным душем, радиоточкой, но без телефона и телевизора в наличии имелись.

Поселили нас на удивление быстро, по-европейски, как будто ждали давно. Обратило на себя внимание и то, что в лучшем, как уверял нас очередной, уже

гостиничный, клоун, люкс-отеле города не наблюдалось других, кроме нас, приезжих. Не было и местных ночного полета бабочек. «Впрочем, еще не время», — пришли мы к заключению, взглянув на допотопные (если судить по черноте лака) висевшие в фойе часы.

Вскоре мы освоились в номере, а еще минут через сорок я кричал на закрывшегося в туалете-душе Женьку:

— Ты там заснул или как? Парню с дороги тоже ополоснуться не помешает, вагонную грязь смыть.

Приняв ледяной душ, мы словно заново родились, и я позволил себе заикнуться насчет девчонок.

— Сначала подкрепимся, — возразил Женька. У него были свои правила на этот счет. — Здоровье прежде всего. Запомни, донжуан: организму нужны витамины, затем деньги и только потом стулья (жизненные удобства, значит) или девчонки — это уже на выбор.

«Тебе, может, и такая очередность сойдет, — подумал я, — а парню девчонки прежде всего. И вообще, какие тебе витамины без соответствующих капиталов? Да и насчет жизненных удобств без них не разгонишься».

Женька выложил на стол все припасы, оставшиеся после трехдневного путешествия: банку шпрот (мэйд ин почти за границей, то есть в Прибалтике), две коммунарские (слыхали про минскую фабрику «Коммунарка»?) трюфелины, четвертушку хлеба и два меченых пролежнями яблока. Яблочки, замечу, были

не простые, а золотые, ибо покупались у поездного спекулянта и распространителя печати — попутно тот еще газетами приторговывал (хотел я сказать пару ласковых тому крохобору, но друг меня опередил: «Ты бы лучше не двести процентов накидывал, а, скажем, пятнадцать, — дал Женья бесплатный урок самоучке мелкого бизнеса, — тогда бы и не шатался по вагонам день-деньской с одним ведерком. В институт тебе надо поступать. Там разные умные законы изучают, например, о переходе количества в качество».)

Прикинув питательную ценность вышеозначенных продуктов, мы поняли, что до утра на таком мизере не продержимся, и решили навестить местный люкс-ресторан. Там, глядишь, и девчонки — лучше поздно, чем никогда — наклюнутся. (Замечу для экономных и неопытных, что финансово выгоднее последнее.)

Ради девчонок мы надели все лучшее из того, что взяли с собой на «прогулку по Дунаю» (Женькина придумка). А взяли мы с собой, следуя совету одного местного жителя, выступившего в роли консультанта, многое. И этому многому многие позавидовали бы даже и теперь. Нет, не так. Правильнее было бы сказать: особенно теперь. Ну, да ладно, пора описать прикид парниш залетных.

На Женьке сияли черные кожаные, или, как он с понтом уточнял, — лайковые, брюки от «Karden», итальянская байка из темно-вишневого атласа, замшевый серый жакет и испанские туфли цвета детской неожиданности (в тот год очень модного).

Я оделся скромнее: шоколадный костюм английской фирмы «BHS», светлая рубашка в крупную клетку, туфли мало кому известной тогда (во темные были!) «Salamander».

Тандемчик получился неплохой: блондин с брюнетом в одеждах на любой вкус. Скажем так: парни к бою готовы! Но в сознании почему-то крутилась не шибко веселая рифмушка: надели, что имели, и все же пролетели. Такой вот стишок прицепился. Думаете, подсказка сверху? Увы, ничего мы не знали.

Спустились в ресторан красавцы (вот и не возьму в кавычки!) где-то в половине восьмого, но незанятый столик был только один, да и тот в углу («Отсюда затруднительно будет девчонок ловить», — отметил я сразу) и с табличкой «заказан». Остановившись в центре зала, мы еще раз осмотрелись, крутнули по-крутому головами: ни одного просвета. На нет и суда нет, и Женя предложил:

— Ладно, отоваримся на кухне и — в номер. Перекусим и баиньки. Ляжем пораньше. Утром ни свет ни заря вставать: разведка боем. Магазинов тут, сдастся, немного, но товарчик, думаю, будет в тему, так сказать. Сам знаешь, как оно водится: того, что у них на складах гниет, у нас днем с огнем не сыщешь. А местных девчонок еще успеешь шампанским попоить. Да и пьют ли местные «Абрау-дюрсо»? Твои минские замашки здесь, как мне кажется, желательно забыть. Обстановка в этом Китае какая-то... Не знаю даже, как

объяснить, — нервная, что ли. Чует мое сердце, что еще не вечер.

И точно, по пути на кухню нас остановил какой-то бойкий малый и, улыбаясь (прямо не Нижний Тагил, а — ура стоматологам! — Голливуд), спросил:

— Господа, а что ж вы за свой столик не садитесь?

— За свой столик? — одновременно вырвалось у нас обоих. — А-а, да-да, — продолжил уже один Женя. — Дежурная по этажу вам, что ли, позвонила?

— Конечно, Ольга Васильевна нам все передала. Так и сказала: «Новеньким ребятам забронируйте столик и, чтобы никто не мешал, где-нибудь в уголке...» («Выходи на новенького», — пронеслось у меня в голове, — не зря, наверное).

— Интересная инициатива со стороны дежурной по этажу, опытная, однако, дежурная, — шепнул Женя мне в ухо.

Бойкий малый принял со столика табличку, и мы сели на забронированные места.

Официантке нас поручили молодой, симпатичной, и Женя, увидев ее, отреагировал сразу:

— Как запасной вариант — ничего, подойдет.

«Запасной вариант» оказался девчонкой очень быстрой, шустрой и сообразительной — она явно претендовала на то, чтобы перейти в основной.

Подав очередное блюдо, Люда-Людочка задерживалась у нашего столика, выслушивала Женянины остроты насчет местных шутников-таксистов, обшарпанных

люкс-номеров («Да, не Париж», — соглашалась она) и других местных достопримечательностей. Вскоре Женька с «самой красивой на Урале» (во, пошел комплименты кидать, а говорил — «витамины») был уже на «ты» и, как потом оказалось, подсуетился не зря.

За час мы расправились со «столичным» салатом естественного в таком заведении качества (это значит — не сразу, как съешь, беги в туалет), с похожим на холодец из ног престарелой свиньи (в детстве я как-то таким объелся) куриным заливным и разбавили все это «Белым аистом», который, на удивление, принесли запечатанным.

Вскоре посетители (и мы, увы, с ними) начали пьянеть, но, кроме все чаще раздававшегося мата, особо нас ничто не беспокоило. И зря.

«Аист» затуманил глаза, и мы забыли «пробить» публику. А между тем приближался момент, который я не забуду никогда, хотя бы уже потому, что он сразу поставил под сомнение эпитет «тихий» применительно к месту нашего пребывания.

Группа музыкантов (тоже эстетов: все «не гони лошадей» да «не гони...») ушла на передышку, и почти тотчас же среди наступившей тишины раздался дикий вопль:

— Сегодня я вам устрою, б..., вечер! Сегодня вы у меня покувыркаетесь! Я — Мина-ай! Забыли? Встать, суки!

Женька подавился фрагментом того, что в меню значилось как гуляш, и, кхыкая, схватил стакан с лимонадом — запить.

Крик взвился у меня за спиной и напомнил, что там, позади, находится сцена: возможно, начался какой-нибудь авангардистский спектакль. Но интуиция подсказала: нет, дружок, это не спектакль, это — жизнь. Жизнь, которая наступает в «тихом» городе вместе с темнотой. Темная такая жизнь, мрачная. Тайга, одним словом.

— Ай-я-яй! Охренел народ! Миная забыли?! А Минай сегодня резать будет охреневших! Ох, будет! — И маленький плотно сбитый неандерталец лет тридцати, с многократно порезанным лицом, объединившим в себе плохо сочетающиеся ленинский лоб и монгольские глазки («Явно шизофреник, — пронеслось у меня в голове, — причем конченный»), резко сорвался со стула и вскочил на стол. Последнее, развернувшись, я уже не только слышал, но и видел.

Недорезанный прищурил и без того почти невидимые глазки, и они словно исчезли. Собачья морда превратилась в крысиную и, не раскрыв, а скривив рот, отработанным фальцетом завизжала:

— Б... буду — не забуду!

Схватив бутылку шампанского, недорезанный с размаху огрел соседа по голове.

— Я — Минай! — неслось вслед падающему со стула стриженному под ноль парню. — Ты понял, ублюдок, на кого пыцы пялишь? Всех порешу! — не мог никак успокоиться недорезанный, накручивая себя все сильнее и сильнее. Пружинистый, надо сказать, был, резвый.

По щеке слетевшего со стула парня лилась кровь, и, повозившись немного на полу, он затих. «Явно потерял сознание, — отметил я. — Если прямо сейчас помощь не оказать, может загнуться».

Однако вид крови только взбудрил Миная.

— А ты, сука, чего вылупился? — гаркнул он на сидевшего за соседним столиком мужчину-бугая. — Съешь и ты, ублюдок! — и всадил мужику в грудь невесть откуда взявшийся нож. — На! Получи! Получи! — визжал Минай, выдернув нож и продолжая наносить удары. — Кто еще пера захотел? — обернулся наконец к залу.

Сейчас, вспоминая тот момент, понимаешь, что Минай был настоящим бандитом, доперестроечным, не чета нынешним: просто за так мог зарезать. Нынешние сами тебе «штуку» дадут, чтобы нож от них подалше убрали. Какой там нож, если ты катаешься в новенькой «бээмвухе» и не хочешь сменить ее на ментовский «уазик»!

Кровь с ножа брызнула на девчонок за соседним столиком и, преодолев гипноз, те наконец-то закричали (правда, как нам показалось, не в полную силу).

Минай был парень ловкий, но уклониться от летевшей в него сзади бутылки не смог: он просто ее не видел. Бутылка была запущена кем-то знающим толк в метании. Попала ему точно в затылок и не как-нибудь по касательной, а самым донышком. Минай рухнул на соседний, слева от нашего, стол, за которым орали девчонки, и, перекатившись, распластался у наших ног.

«Издержки производства», — подытожил я про себя.

Но Минай не был бы Минаем, если бы вот так просто взял и скончался. Оставшийся у него в руке нож пришел в движение, и, очухавшись, неандерталец бросился мимо нас в ту часть ресторана, откуда прилетела бутылка. Видимо, знал, кто мог на это решиться. И правда, кто?

Засуетилась-забегала и остальная «высокая» публика. Вслед за Минаем устремилось двое-трое его сподвижников, таких же монголовидных головастиков (не столь уж редкий гибрид, оказывается). Из другого конца зала за ними спешили человек пять лиц «кавказской национальности». В руках у них были цепи.

— Узнаю, наконец-то, наш рестораник, — спокойно выставляла на стол симпатичная Люда заказанную Женей рыбу. — Классное представление увидите. Впрочем, — добавила она, — оно идет здесь каждый день.

Ресторан был большой, а столиков не так и много — места для гладиаторских забав хватало. И вскоре по залу с воплями метались все, кроме нас и сидевших за соседним (справа от нашего) столиком четырех девчонок и стройного парня в «адидасе», под которым у пояса угадывалось нечто более серьезное, чем все эти ножи, цепи да кастеты. Вне побоища оставался только наш островок, и это подсказывало, что лучше не испытывать судьбу, сидеть тихо, не шевелиться. Женя от сюрпризов таких онемел и застыл, словно вождь пролетариата на

какой-нибудь из площадей некогда громадной, а ныне исчезнувшей страны.

— Слушай, мы что, в непробиваемом поле сидим? И впрямь забронированные? — очнувшись от наваждения, спросил я товарища. — И что бы это, ты думаешь, значило?

Ничего он не думал. Да и можно ли о чем-нибудь думать в ситуации, когда стук сердца в голове аукается?

— Вас на десерт оставили, — услышал я позади тихий голос нашей Людочки, и до меня дошло: «Нас берегут, как тех обреченных на заклание баранов, подкармливают...»

«Между собой разбирайтесь, а лохов моих не трогайте», — думаю, нечто подобное сказал тот, в «адидасе», местным отморозкам. Сдается, и «пушка» здесь была только у него, остальные так, шушера, разве что порезать могут. Правда, режут здесь так режут. Но субординация, скажу вам, — примерная. И это хорошо. Значит, главное — под защитой «адидасника» уйти от отморозков, а потом и от самого защитника, тоже, видимо, любителя и коллекционера разных купюр... «Особенно чужих», — достраивал я цепочку, бегая глазами по залу.

А на авансцене-арене схватились человек шестьдесят. Девчонки, как по команде, выстроились вдоль стен, окон, дверей. Некоторые успели закурить. Шустрые! С десятков гладиаторов уже лежало на полу, когда «адидасник», высунувшись в окно, дал отмаш-

ку стоявшим на улице ментам и те, наконец-то, заметили непорядок.

Вбежавшая бригада (десятка три братьев-близнецов) руками, ногами, дубинками почти мгновенно уложила на бетонный пол остававшихся на ногах посетителей. Увидев, как двое ментов тащат к выходу за ноги уже не подающего признаков жизни Миная, я понял, что скоро в этом зале останутся только почетные гости — то есть, мы и команда «адидасника». Нам, может быть, учитывая моральный урон, позволят не рассчитываться за ужин, но заплатить за спасенную жизнь придется. Точнее, отдать все: не тот случай, чтобы копейки считать. Женя, видя, что столы, ножи и люди по залу больше не летают, немного успокоился (сидел-то он к «адидаснику» спиной) и подвинул к себе тарелку с рыбой (одно слово — Женя).

— Фильм ужасов, — сказал не своим голосом. — Тарантино отдыхает. А-а?

Для меня жизнь была дороже жареного карпа, и я, махнув Людочке рукой, быстренько направился к ней в сторону кухни. Нужно было что-то предпринять, как-то действовать.

«Адидасник», похоже, заметил мои дерганья, привстал, но, проследив, куда я пошел, и смекнув, что Женя остается в заложниках, снова опустился на стул. Так я и знал: при ментах светиться, показывать, что у него есть какой-то интерес к нам, он не станет. К тому же у него были другие заботы. Думаю, что фразу «вы общались с убитыми последним», обращенную

к себе, он не хотел бы услышать даже от друзей. Посадить — не посадят, но заплатить за услуги попросят.

— Людочка, только один вопрос, — стоял я у входа в буфет. — Как нам отсюда уйти, в смысле живыми?

— Никак, — спокойно ответила Люда (в эту секунду она мне показалась не очень симпатичной и даже не такой уж молодой), — от Зуба еще никто не уходил. Во всяком случае здесь, в нашем ресторане. А он же объявил вас своей собственностью. «Чтобы на новеньких никто зенки не паялил и пасть не разевал», — сказал всем часа два назад. (Ах, вот как дело-то было!) Поэтому от вас, как от огня, все и шарахаются. Лучше пику получить, чем с Зубом связаться. И я, чего доброго, могу договориться.

Надо было что-то делать. Весь тридцатилетний жизненный опыт мне подсказывал, что безвыходных ситуаций не бывает. И, уже ничем не рискуя, я предложил, как сказала бы Людочка, на десерт:

— Ты видела когда-нибудь доллары? Много долларов. Допустим, сто.

Хорошие были времена: за сотку откупались!

Слово «доллары», столь же редкое в местном обращении, как и сами обозначаемые им дензнаки, напугало ее, но оно же и перебило страх, придало Люде решимости:

— Уйти можно только через кухню, но там железная дверь и она заперта. Ключ у директора, а

его вечером (теперь знаете почему!) никогда не бывает.

— Хорошо, а в кабинете директора дверь бронированная?

— Нет, — ответила Люда, сообразив, что я имею в виду, — дверь как дверь.

— Тогда за дело!

Мой план состоял в том, чтобы проникнуть сперва в логово директора, пошарить там насчет золотого ключика и уж потом дальше испытывать судьбу.

Первая часть операции прошла как нельзя лучше. Надо сказать, что и в дальнейшем Люда активно держала нашу сторону: осуществляла связь между мною и Женькой, отвлекала Зуба, а под конец заявила, что о себе позаботится сама, чем сняла с нас моральные вериги.

Словом, мы обрели свободу.

Вырвавшись на улицу, пронеслись мимо «Дома быта», «Химчистки», магазина «Хлебный» (как я успевал названия читать!). Обогнули стенды, с которых нас приветствовали ударники бескорыстного труда, и очутились на пустыре, а точнее — на заложенной с уральским размахом строительной площадке. Ежесекундно рискуя грохнуть в яму или напороться на рожон из ржавой арматуры, мы не прекращали чемпионского забега: уж лучше железяка в бок, чем допрос с пристрастием, который был для нас уготован. И Бог смиростивился над «спортсменами»: дистанцию одолели без особых потерь для здоровья да вдобавок еще наткнулись на груженный досками «Камаз».

Легкие разрывались от давно забытой нагрузки, в глазах проплывали белые шары, и, не сговариваясь, мы остановились. Необходимо было перевести дух и заодно прикинуть, как там обстоит дело с погоней и не нас ли дожидается «Камаз» с досками.

— Хорошо бежали, — пытался шутить Женя, но я только зубами скрипнул: мы могли уже так же хорошо лежать.

Не теряя времени, подобрал с земли кусок арматуры и, осмелев, заглянул в кабину: никого. Осмотрел с подножки грузовика местные достопримечательности, прислушался: вроде тихо... И в этот момент состоялось явление Антихриста народу: передо мной возник из темноты не совсем трезвый владелец авто, а по совместительству расхититель стройматериалов.

— Эй, мужик! — крикнул я работнику интеллектуального в известном смысле труда. — Если мы сейчас поедem и поедem очень быстро, ты получишь вот это, — сунул ему под нос правую руку, один из пальцев которой украшал массивный золотой перстень, — и тебе какое-то время не надо будет воровать эти злосчастные дощечки-для-печки.

— А от кого нарежете-то? — с невероятным, прямо-таки наркотическим спокойствием спросил мужичок. Битый оказался малый, не простак, явно с уголовным прошлым.

— Да магазинчик с такими вот побрякушками грохнули.

— А-а, ну тогда святое дело, — вывел бывший гоп-стопник.

Не сговариваясь, мы ринулись в кабину.

Я в последний раз оглянулся на спасшую нас стройку века и не без тревоги отметил, что ее чертят вдоль и поперек огоньки-фонарики: «Не успокоились пацаны, ищут. И правильно, теперь для них это дело чести. А то, глядишь, одни уйдут — другим захочется. Так и на бобах останешься».

Для нас же расклад был иной: мы получили минут двадцать-тридцать форы. И водила наш оказался на высоте: «Едем ко мне», — бросил на мой безмолвный вопрос.

«Ищите, ищите», — напутствовал я «фонарики» уже более спокойно, когда «Камаз» по-дакарски рванул со старта...

Камазник жил в частном доме на окраине города. Дом, по определению его владельца, был приклатненым — в том смысле, что с телефоном, и мы не выдержали, позвонили забытому, как оказалось, до поры местному компаньону. В принципе, какому там компаньону, — просто оказались как-то вместе в располагающем к легкомыслию городе Сочи, где он и понаплел нам о сокровищах, особенно по части мебелишки, которые чуть не даром бери в местных супершопах со свисающими с потолков липкими лентами для истребления мух и другой гадости. Думали обойтись без него, но теперь разницу придется делить на троих (халява, увы, не прошла). Впрочем, всех денег не заберешь, а с жизнью, по-сегодняшнему рискуя, расстаться можно в два счета. Вот мы и позвонили.

Заспанный компаньон долго не мог взять в толк, «кому там не спится», но, едва сообразив, что к чему, проснулся мгновенно. («Дисциплинирован и легок на подъем, — подумали мы. — Это хорошо». Правильно, кстати, подумали.)

Продиктовав третьему-не-лишнему адрес гоп-стопника на пенсии и поведав вкратце о наших необыкновенных приключениях, мы услышали обнадеживающее: «Буду минут через тридцать-сорок. На белой «семерке». Постарайтесь никуда не выходить».

«А компаньон-то в курсе местных обычаев, — ласково прошлись мы по новому товарищу. — И что ж он, гад, в Сочах о них скромно промолчал?»

Камазник, услышав подлинную версию нашего побега, кольца не взял («Пусть у меня пока десять пальцев на руках останется»), а лишь попросил на бутылку и выдвинул условие, чтобы ждали мы «своего подельника» на улице, причем на той, — ткнул он грязным пальцем в окно, — противоположной от его дома стороне. «Вы сегодня здесь, завтра там, а мне еще пожить хочется. Так что вот вам Бог, а вот порог...»

Мы сочли его доводы убедительными и, к обоюдному удовольствию, распрощались.

Минуты казались часами, но когда их прошло двадцать восемь (по секундам считали), увидели белую «семерку», о которой говорил наш новый компаньон. Вопросы «садиться-не-садиться» в нашей ситуации не возникало, и мы прыгнули в машину.

Ехали напряженно. Женька сидел скособочась, грудь вперед, лицо к заднему стеклу развернуто: то ли погоню отслеживал, то ли маршрут на всякий случай запоминал.

Но волновались мы напрасно.

Квартира нового члена «Клуба охочих и находчивых» была упакована, что называется, под завязку. Нас с Женькой это весьма обрадовало: «Кто б там чего ни говорил, а чем богаче человек, тем меньше шансов, что он вас ограбит».

Выделив отдельную комнату, нас пригласили (уже после душа, понятно) «отужинать чем Бог послал». «Ты смотри, даже в этом тихом городе Ильфа и Петрова знают», — шепнул Женька, когда мы с урчащими животами (его рыба и моя котлета по-киевски остались Людочке в презент, как, впрочем, и родная соточка) шли на кухню.

Рассказанный Виктору уже в полном объеме боевик «Приключения белорусов в Нижнем Тагиле» у хозяина дома, к нашему возмущенному удивлению, особых чувств и сопереживаний не вызвал. Добросовестно выслушав все ужасы до конца, он лишь сонно спросил:

— И что, совсем-совсем не стреляли? Да-а, стареют пацаны, стареют... Вот в наше время...

Только под утро, сморенные бурными событиями и наполеоновскими планами, мы упали на выделенное хозяином громадное румынское кресло-кровать. Жень-

кин мозг, даже засыпая, пытался анализировать ход и итоги переговоров:

— Профессионал — сам взял в меру, а нас упоил прилично. Интересно, много ли лишнего наговорили? Да, крупно на грудь приняли. Но как не напиться после такого трудового дня? А-а? Заново же, можно сказать, родились.

«И в рубашке, забыл он, что ли», — дополнило мое затуманенное сознание.

— Праўду, бацька, кажаш, — было последним, что выдавил я, отключаясь.

Проснулись мы к обеду (если судить по запахам, идущим из кухни), приняли по душе, побрились и, почувствовав себя увереннее, двинулись на ласкающие слух звуки скворчащего на сковородке мяса.

— Вы уж простите гостей незваных, долго мы вас вчера мучили разговорами? — взял Женя на себя инициативу в налаживании контакта с женой сотоварища. — Хотя Саша, — валил он все на меня, — любит побалагурить. И поразвлечься. К примеру, недавно в незнакомом городе пошел в ресторан шикарный и даже живой оттуда вернулся. И все бы хорошо, да вот до сих пор не понял, что вернулся-то совершенно случайно... Не слушается старших. А ведь под стол пешком ходил, когда некоторые...

— Да ладно тебе, — оборвал я демагога. — Ты лучше вспомни об умнике с графскими замашками, любители люкс-гостиниц.

— Все нормально, — подвела результаты размин-

ки хозяйка квартиры, — идите есть. Виктор скоро подъедет.

И действительно, через десяток-другой минут в квартире раздался звонок, и прямо с порога наш новый компаньон, улыбаясь, выпалил:

— Сегодня ваша очередь наливать! Все намного лучше, чем я предполагал! Ну да ладно, сначала перекусим, — закончил он, раздеваясь.

— Нет, нет, нет! — заволновались мы с Женей, занимая места по одну сторону баррикад. — Нам без информации еда в горло не полезет. Ты уж не пытай, не будь извергом.

— Привереды эти белорусы, все им не так. Но тут я согласен, правильно. Сперва дело, то бишь стулья или самолеты, а все остальное (тут не промолчу, — шел намек на моих бедных девочек) потом. Ладно, будем считать, убедили. Итак, позвольте огласить весь список. — И Виктор начал перечислять: — На каменный карьер — два человека... Не понимают приезжие господи шуток, — посмотрев на нас, констатировал ирод. — Хотя, да, вспомнил. Вы же вчера ГТО на золотой значок сдавали. — Но, уловив строгий взгляд жены (веселенький партнер попался, впрочем, как и все в тихом городе днем), приступил к делу: — Первое — двенадцать стульев из...

— Виктор, хватит тебе! Люди за тридевять земель не шутики выслушивать приехали! — прикрикнула уже жена на садюгу.

— Да я и не шучу. Двенадцать стульев со столо-

вым гарнитуром. Производство — Югославия. Вот уж в самом деле, человеку слова сказать нельзя...

— Так и говори это слово, — снова поддержала нас новая союзница, — а не неси всякую околесицу.

— Да ладно тебе, — пытался отбиться Виктор.

— Читай, читай, — хором перешли мы в атаку.

— Второе — двадцать детских комнат. Made in USA...

Список был настолько длинен (имел все же змей право дразнить диких гусей), что, раскрыв рты и слушая очередное «мэйд ин...», мы вскоре перестали считать, за сколько ходок сможем вывезти сокровища Тутанхамона, в смысле — залежалые в местных магазинах дефициты.

— Клондайк какой-то, — подвел Женя результат оглашения всего списка.

— Далее, — не успокаивался наш новый партнер. — В железнодорожный контейнер («фуру» — забыть — на дорогах облавы из наших пацанов дежурят) помещается...

Дальнейшее, пообвыкшись с чудесами, мы слушали более спокойно.

В конце концов (после ожесточенного спора между мной и Женей, в котором я выиграл «Армянский Юбилейный» — теперь на каждом углу, а тогда днем с огнем не сыщешь) первую ходку решено было сделать проверочной, по многим позициям сразу не удавать. Взять для начала только «детские», а там видно будет.

— Тогда — к делу, — проявил Виктор задатки руководителя, и мы начали собираться в дорогу.

Часа через полтора белая «семерка» подъехала к складу времен Петра Великого. При виде здорового облезлого сарая и стоявшего впрытик к нему старинного двухэтажного особняка с заколоченными окнами мне сразу же подумалось: «Именно здесь нас и похоронят. Разрежут на кусочки-косточки и разбросают по разным уголкам «Вишневого сада» (несмотря на реставрационно-вредительские работы, склад напоминал помещичью усадьбу, конфискованную и приспособленную к интересам трудового народа в грозные годы).

Но зря так думал. Появилась толстая завскладша и вместо расчленения предложила нам чай, пряники и другие уральские сладости. Пыталась поднагреть лохов, спекулировать на них еще и самоцветами. Но прошитый Женька ответил строго: «Сами с усами и выход на камешки прямой знаем (ох и врал!)». Хозяйка на пролет, к нашему удивлению и радости, не обиделась и, не теряя времени, приступила к делу:

— Ребята действительно все детские заберут? — переспросила с недоверием у Виктора. — Да-а, за день двухмесячный план выполню. И куда только можно спихнуть два десятка детских по такой сумасшедшей цене? Бывают же чокнутые.

«Интересно, — прикинул я, — американские детские комнаты по... так, сколько это в нормальных деньгах? Ах да, по сто тридцать символических, ска-

зал бы, долларов никому в Нижнем Тагиле не нужны. Спрашивается: и куда бандиты смотрят? Золото под ногами валяется, а они по старой привычке норовят залезть в чужие карманы. Эх, хлопцы, хлопцы. Развитие движет вперед, а не деградация. Потеряли вы нюх, потеряли...»

Погрузка заняла довольно много времени: Виктор следил, чтобы рабочие носили упаковки осторожно (а значит — медленно) и складывали их ровненько — одна к другой (золото, а не компаньон!). Часа через четыре перетаскивание древесины, как выражались нетерпеливые грузчики, было закончено, и, не дожидаясь конца смены и не обращая внимания на крики толстой завскладши, ребята пошли взять пару-тройку пузырей. Тут, понятно, Виктор был виноват, сунул, подлец, парням четвертной. Те аж протрезвели. «По две белой на рыло?!» — переспрашивали оторопело. «Да, может случиться, что сегодня напрасно старушка ждет сына домой, — глядя на грузчиков, подумал я. — Литр без закуски — это серьезно... Хотя на Урале свои понятия о рекордах».

Но возникли проблемы и у нас.

Когда загрузили детские, оказалось, что в контейнере остается свободное место. Прикинув по ситуации, Виктор толкнул удивительную для сферы бизнеса речь:

— На те деньги, что мне причитаются, возьмем еще одну дефицитную по всему Союзу позицию — индийские полотенца — и брешь заткнем. Нельзя ящик

неполным отправлять. Гарнитурчики туда-сюда поерзают, и к концу путешествия вместо них получим высококачественные дровишки... Насчет денег — думаю так: одним заездом вы сыты не будете, приедете еще, тогда и разберемся.

Такое благородство в то веселое время было редкостью (теперь ни о чем подобном вообще говорить не приходится), и отказываться от него было бы неслыханной глупостью.

Оставив Женю охранять товар, мы с Виктором прокатились до ближайшего при заводском магазинчика. Войдя через заведующую прямо на склад, забрали весь имевшийся в наличии банно-прачечный ассортимент и про запас, на всякий пожарный, прихватили еще десяток китайских подушек.

Вернувшись к главной погрузочной площадке, мы застали Женю в состоянии легкого аффекта. Оказывается, вместо запланированных получаса нас не было все два. Эх, однако, работа время съедает. Бедный Женька чуть не помер от разных плохих мыслей. Да и напарница, кажись, пыталась свой шанс не упустить. Интересно, отбил земляк атаку или все-таки познал мимолетное счастье?

В те далекие времена движущиеся туда-сюда контейнеры еще не отслеживались бандитами, и до грузовой железнодорожной станции мы доехали без всяких проблем.

Какое-то время было потрачено на оформление раз-

ных бумажек и вручение легких взяток в пользу представителей низшего бюрократического звена. Вскоре, я бы сказал, наконец-то, мы освободились от груза, висевшего на наших шеях уже более двенадцати часов.

Руки были развязаны, но почему-то тут же захотелось ощутить их связанными. И я вспомнил о девочках. На удивление, и рыбак Женька поддержал мою инициативу. Однако беспрецедентное по наглости предложение компаньона Виктора: «Я знаю один классный ресторанчик...» — нас сразу остудило. Это как раскаленный металл в воду окунуть (о чем, кстати, еще будет).

— Нет-нет, пора домой, дружище. Устали кочевать, — почти хором отозвались мы.

«Вот молодец, — подумал я о Викторе, — знал, как спасти пацанов от репортажа с петлей на шее».

...До отправления рейса «Свердловск-Москва» оставалось пять минут. Женька смотрел в иллюминатор (на правах более пострадавшего — он так считал — это место досталось именно ему) и вальяжно (расслабился, змей, уже малость) говорил:

— Интересная все-таки у нас жизнь, Санек. Многие живут себе — хлеб жуют да и ладно. А мы не просто живем, а радуемся, что живем, вернее, что живы остались... Э-э, а что это ты парень, притих, словно покойник? — слегка толкнул меня Женька. — Сердцем чую — очередную авантюру затеваешь. Ты,

это, кончай жизнью моей единственной распоряжаться. Мыслитель-камикадзе...

Но я думал о другом: «Долетит ли до места назначения наш выдавший виды воздушный лайнер? И вообще, кому это пришло в голову давать самолетам имена не самых качественных сигарет?» (шутка).

II

— Лена? — прокричал я, как только на другом конце подняли трубку.

— Да, слушаю.

— «На Западном фронте без перемен», — выложил пароль. — Это Саша. Знаю, что вряд ли сейчас Виктор дома, но все равно звоню. Хорошими новостями всегда приятно поделиться. Наш груз дошел целым и невредимым. И уже реализован. Представляешь, мебель грузили оптовику прямо в машину. У него аж глаза разбежались от халявы несусветной. Так он сказал, когда его фура была полна. В общем, все о'кей. Виктора пайку, как и договорились, отложили, так что пусть не беспокоится. Лен, ты меня слушаешь?

— Да...

— А почему голос у хозяйки такой печальный? Может, голубка чего не расслышала? Все хорошо, говорю! — уже кричал я в трубку.

— Нет, — ответили на той стороне провода, — не все хорошо.

— Что значит — не все хорошо? И что значит «нет»?

— Нет, значит, Виктора нет, — ошарашила меня Лена.

Я сразу не осознал смысла этих слов, но почувствовал: случилось что-то скверное, ужасное, непоправимое.

— Лена, ты давай поспокойнее, а то я не понял. Виктор куда-то уехал?

— Да, уехал. Туда, откуда не возвращаюсь. Убили Виктора. В подъезде подстерегли... Без Зуба не обошлось...

И на том конце провода положили трубку.

Какое-то время я сидел, как очумелый. Перезванивать Лене не решился и, спасаясь от нахлынувшего ужаса, автоматически набрал Женю.

— Приходи, есть вопросы. — Оборвал его «а-а» уточнив: — Серьезные.

Женька, видимо, здорово напряг свою «шестерку», потому как примчался минут через пятнадцать.

— Чего задергался? — вместо «здравствуй» начал он с порога. — Менты вызывали? Нет? Звонили? Правильно! Не воруй!

— Успокойся, кончай юродствовать. Я позвонил Лене. Поздравить хотел, а там... Беда. Виктора убили. Она говорит, Зуб, «адидасник».

Улыбка сошла с Женькиных губ.

— Да-а, — уронил он, садясь на тумбочку стоявшего у входа трюмо. — Ты, это, Саша, не пошу-

тил? — пытался он отодвинуть от себя страшную новость. — Да-а... — повторил и замолк.

— Тут, пока ты кренделя по городу выписывал, я кое-что решил. Присоединишься — хорошо. Нет — сам справлюсь. А решил и понял я следующее: мне теперь не заснуть спокойно, пока спокойно спит Зуб. Вернее, я только тогда и засну, когда он на вечный покой отойдет. В общем, деньги имеются, здоровье — тоже, так что возникший долг, думаю, мы отдать сумеем. Я прав насчет «мы»?

Женька посмотрел на меня и, нервничая, сказал:

— Ты считаешь, что я хочу на всю жизнь должником остаться? Убили как из-за тебя, так и из-за меня! Нет уж, извини, жить с камнем на шее — это не по мне.

— Хорошо, хорошо, я знал, дружище, что ты не подведешь. Честно говоря, шанс одному грохнуть Зуба, думаю, у меня хоть и маленький, но был, а вот шансов остаться при этом живым, чувствую, не было.

— Ну, артист, без меня хотел смыться, — начал приходить в себя Женька. — Летим-то когда? Или у тебя, как всегда, свои особенные задумки имеются?

— Никаких полетов! Фамилии светить не будем. Поедем скромно, поездом и моим любимым плацкартом. Выйдем, так сказать, в смысле — войдем в народ. Когда у проводницы в вагоне десять пассажиров — это одно, а когда полста и пяток зайцев — другое... Поди там запомни каждого.

Через несколько часов мы вышли из дому и позво-

нили Лене с главпочтамта: лишний раз квартирный телефон светить не стоило.

В далеком Нижнем Тагиле трубку никто не поднимал. Не подняла ее Лена и за пятнадцать минут до отправления поезда, когда я звонил ей из вокзального переговорного пункта.

Двое искателей приключений, а вернее — проблем на свою голову, как и когда-то, тоже днем сошли на станции интересного, как они говорили теперь, города.

В поезде их сильно приморило, и теперь обоим стоило больших усилий оставаться настороже, отслеживать обстановку.

Шагая вместе с массаами к автобусу (такси здесь, как теперь знаем, только особо шустрых дебютантов-самоубийц возит), они увидели стоящего невдалеке знакомого шутника. Тот активно размахивал руками и что-то говорил-втолковывал очередному клиенту-смертнику насчет люкса и так далее.

Видимо, он убедил новенького гостя города, ибо тот махнул рукой и сел в машину, которая повезет его в последнюю путь-дорожку, то есть в гости к Зубу.

Смышленный (так Женька теперь звал таксиста-золотозубика) завел катафалк, мигнул фарами, и двое новых знакомых поехали — в одной машине, но в противоположных направлениях.

— Смотри, — приостановившись, обратился ко мне Женья, — а шутник-то, по совместительству, еще и

сигнальщик. Светом знаки подает. В прошлый раз прохлопали...

— Наводчик, — констатировал и я. — А ты думал, в гости к «адидаснику» мы просто так попали? Нет, дружище, случайности и нелепости могут быть только у честных людей, а у Зуба все по плану. Отработано. Далеко, чувствую, спортсмен пойдет. Менты — его. Сороки-таксисты — его. Ресторан-малина — его. Оружие есть. Полный комплект для начинающего крестного отца. Но тут я бы на месте Зуба помнил и другое: крестных периодически отстреливают...

На площади перед автовокзалом стояло семь-восемь «Икарусов», последний раз мытых лет десять назад — как раз перед отправкой из Венгрии в Союз нерушимый республик свободных. Мы подходили к автобусам, и пора было прикинуть, в какой садиться. Женья решил судьбу не испытывать и «как доехать до Алтайской» спросил у кассирши. Пенсионного возраста, но еще пользующаяся косметикой женщина нашла, видимо, в Женьке что-то от своего кровного сына и дорогу «к сестре» объяснила очень доходчиво. Ехать по местным меркам было совсем недолго — минут двадцать.

Вскоре мы нашли свой автобус, но дружно прошли мимо и остановились у соседнего. Начинал действовать скромный план под «шпионским» названием — антиперехват. «Внимание и еще раз внимание», — говорили мы перед отъездом. Осторожность плюс ум и минимализация риска — залог успеха. Хотя, впрочем,

кто не рискует — ест гуляш в заводской столовой за тридцать семь копеек и имеет шанс отравиться никак не меньший, чем мы попасть в лапы к подручным Зуба.

К переполненному автобусу приближался водитель, мы поняли: пора — и вскочили в закрывающуюся переднюю дверь. Оглянувшись, я увидел, что попыток последовать за нами никем не предпринималось. «Ничего, — сказал себе, — перестраховаться никогда не мешает, особенно теперь. Или встречающие уже сели? — приступил к выискиванию волчьих взглядов. Осмотрелся: — Нет, похоже, таковых не имеется».

Ехать пришлось стоя. Недолгие двадцать минут обернулись добрыми пятьюдесятью. Но истекли и они. Трехметровым прыжком нам удалось покинуть общедоступное средство передвижения и не попасть в лужу, посреди которой оно остановилось. Вскоре мы убедились, что лужа простиралась на всю Алтайскую улицу.

— Ничего, — подбадривал меня напарник, — зато собаки след не возьмут.

Приземлившись в целом удачно (с грязью едва соприкоснулись), мы осмотрели стоящие вокруг дома: почти все «панельки» были новые и одинаковые (как мы в первый приезд этого не заметили — убить мало), и понятно, с легким паром, так сказать, близнецы как на подбор, притом инкогнито — без номеров.

— И хорошо, что дома не расписаны, — культурный, значит, народ обитает, не то что те же францу-

зы, к примеру: так и норовят вывести на стене какой-нибудь пасквиль, — браво выпалил Женька. Отведя душу, уже более спокойно обосновал: — Правильно, говорю, что цифирек не видно, язык для того и дан, чтобы до Киева довести.

Но вот здесь умник слишком губу раскатал. Выскочившие из автобуса аборигены вмиг растворились, а новые вылазить что-то не спешили. Ну да ладно, разберемся...

Разбираться пришлось часа два. Наконец мы все же позвонили в дверь квартиры, хозяйка которой почти трое суток не отвечала на звонки из разных точек одной шестой части нашей планеты. Не ответила она и теперь. Что ж, работаем дальше согласно плану. Едем к самой шустрой и, может быть, пока единственной в городе обладательнице очень дефицитной купюры с портретом дяди Франклина. Благо, адресок у нас был.

О своем визите мы, понятно, Людочку не предупредили: вдруг красавица захочет поискать счастья на другом берегу. И поэтому, отворив дверь, хозяйка квартиры чуть не выпала в осадок. «Это ж надо, бегунки-то совсем шальные, — думала, верно, ее светлая головушка, — без приглашения на погибель вернулись. Хорошие все же ребята, отчаянные...»

— Привет самому дорогому и любимому в дивном городе грез человеку! — выпалил Женька. Молодцом, однако, оказался.

— А-а, ребята! Живые! Я так и знала, что вы тог-

да ушли от пацанов, уж больно Зуб шипел, когда вернулся. Как заведенный бегал по залу. Совсем извелся. Смотреть было жалко.

— Люда, ты уж прости, но как-то негоже на пороге о солидных товарищах говорить, — перебил красотулю-официанточку Женька.

— Ой, да вы проходите, раздевайтесь, — очнулась наконец Люда. — Сейчас чай поставлю. Или у вас кофеи предпочитают? И этот негритянский напиток в коллекции имеется.

— Люда, — снова напряг хозяйку смельчак Женька, — Чай-кофеи потом будем гонять. И не только чаи, наверное. Теперь же хотелось бы другим заняться: кое во что тебя посвятить. Просветить некоторыми соображениями. И главное, чтобы ты все запомнила, не ошиблась потом, ибо мы с этой минуты переходим в состояние минеров на объекте.

О планах Люде было рассказано скрупулезно и точно. Чтобы все правильно поняла и не преподнесла сюрприза. План смелой девчонке понравился, особенно последняя его часть — расчетная: Людочка могла стать обладательницей десяти Франклинов, а это уже кое-что даже для человека из свободного мира, в здешнем же болоте на такие деньги можно было и квартиру купить...

Часа через полтора-два из кабинета директора люкс-ресторана мы спокойненько наблюдали, как менты-черносотенцы, не приближаясь к парадному, прикуривали одну сигарету от другой. Заметили, что руки

у ребят чешутся и чешутся уже давно. Они все чаще поглядывали на окна ресторана и на своего главного. А главный — на Зуба.

Послышались выстрелы. Главный мент мгновенно повернулся к «адидаснику», но Зуб показывать зубки не спешил. Молодец, паря, так держать! Примерно ментов отдрессировал. Талант! Дуров, а не Зуб.

Но тут последовал божий — для ожидающих — знак, и «бригада скорой помощи» ринулась спасать утопающих в крови. Как и в прошлый раз, все было кончено минут за десять-пятнадцать. Участников халявного банкета погрузили в знакомую зарешеченную тюрьму-автобус. Подумалось: «У них, наверное, и рекордсмены свои есть. Интересно, каков рекорд посещения-катания в каталажке с решетками?»

Люда, как и условились, постучала три-два-три. Женька к двери подошел, но открывать не стал, автоматом спросил:

— Да?

— Я это, Люда, не бойсь.

Женька принял вид самца на распеве и, открыв фанерку-занавесочку, гордо выдал:

— Прошу!

«Фраер!», — констатировал я про себя.

Дело было к вечеру, но продолжение стишка складывалось иначе — во всяком случае, так мы поняли слова завербованной нами чужой среди своих Людочки. Влетев в кабинет, она бросила:

— День на день не приходится, но сегодня он, ка-

жется, наш. Зуб зацепил тут одного из заезжих. Ванька-таксист, Зубов побрательник, его привез. Спикуля уже обработали и вот-вот повезут к Зубику на фазенду. Порасспрашивают при свечах: что да как, где и сколько? Я однажды присутствовала при такой беседе. Больше не хочу. А теперь на посошок скажу главное: Зуб, когда везет кого-нибудь к себе, берет только двоих горилл, так что это хоть и небольшой, но шанс, другого в ближайшее время не предвидится. В общем, думайте сами, — уже не говорила, а пела официанточка-подельница. — Решайте сами... (Какое сопропано пропадает!)

— Чего решать? Судьба все за нас сама распределила, так что — по коням! — Женька явно брал инициативу на себя. Что ж, другой бы спорил.

Еще итальянская, «от своей мамы», Людмилиного папы «копейка» по-охотничьи цепко взяла след новой «восьмерки» «адидасника». Слежка длилась не более получаса, прошла на удивление спокойно и закончилась вблизи неприметного домика с мансардами. Хлопцы проводили гостя в дом, ни разу не оглянувшись. Да и зачем? Ребята были очень далеки от действительности: прикидывали, сколько кому перепадет после босса.

Подмывало заглянуть на огонек и нас, но после небольшого трепа коллегиально-мужественно решили оставаться на месте. Для нас еще не наступил тот самый вечер.

А в подвальчике-спортзальчике домика с мансардами шла очередная серия фильма ужасов — «место встречи обозначилось аккурат в полдень» (сценарий его представить нетрудно).

Зуб смотрел на привязанного к батарее незадачливого любителя путешествий и тихо, но внятно, вдохновенно (не зря — как потом выяснилось — три курса Щукинского осилил) говорил:

— Ох и молодец же ты, спикучник наш ненаглядный, любимый, золотой, расчудесный! Умненький ты наш и богатенький Буратино! И что же тебя, хохолка такого чубастого, занесло в наши места таежные? Неужели так капусточки захотелось? И зачем головушка умная подтолкнула к дорожке скользкой? Ну, что ж, поможем страждущему, избавим от болезни денежной, охладим голову горячую. Сидор, окуни-ка нашего друга в воду. Аккуратненько мокни, без насилия. Как ты умеешь...

Сидор-помидор (это я по фэйсу его прокатываюсь) отцепил бедолагу от батареи, за чуприну поволок освежаться к стоявшему неподалеку бочонку с водой. После третьего нырка гость сообразил, что в этом подвальчике, отнюдь не винном, по четвергам пособие на жизнь не выдают и аборигены могут дошутиться с ним до самой что ни есть кончины. Парень решил, что пора спасать тело, а не деньги, но сивая грязная старуха уже заметила его на том, не этом берегу.

Через час Зуб установил не только код ячейки в камере хранения, где лежала сумочка с приданым,

но и тот факт, что пульс у гастролера больше не прощупывается. «Жаль», — хотел было сказать по доброте своей душевной, но, поймав взгляд обезумевших в предсмертном тике глаз, промолчал.

Нервы у Женьки на поверку оказались слабее моих, и неугомонной Людочке все чаще приходилось отвлекать друга-праведника последними местными ньюсами.

Я уже и сам был порядком навинчен, когда заветная рулетка-калиточка отворилась и бравая группа аморального воздействия, громко изъясняясь на родном чингисханском, двинулась к машине.

Завелась «восьмерочка», как те часики, что теперь тикали под ее бензобаком. Люда тонко заметила и наше внимание обратила на то, что в здешних краях, по зимней привычке, новые машины и летом слегка прогревают. Шуршала на месте уже минуту и эта. На такое как раз время Женька, дебютант-взрывник, и завел в адской машине будильничек.

Взрыв оказался такой силы (вспомнились слова умельца-пиротехника: «За эту штучку спорить по цене не стоит. Она конкретно проблемы решает...») и оглушил и ослепил нас так, что в первое мгновение казалось, будто взорвалась именно наша бедная «копеечка». И лишь когда увидели, как тело «адидаасника» вместе с прилипшей к нему задней дверцей летит-возвращается к калитке (Вот судьба! А ведь только что герой героем был...), у нас открылось второе дыхание.

Медленно, чуть шелестя шинами, серая старая «копеечка» поковыляла в сторону желдорвокзала. До отправления поезда «Нижний Тагил — Москва» оставалось больше двух часов, и спешить было некуда...

— Саша? — услышал я женский голос в трубке и, узнав его, подскочил от радости:

— Лена, ты, что ли, пропажа?

— Я, кто же еще. Но ты, главное, не волнуйся и не ругайся. Сейчас все объясню. Только не шуми, дай слово сказать. После того, как ты тогда позвонил, я совсем извелась. Все время вспоминала ту ночь. Вы сидели, спорили, шутили. Как Виктор был рад, что вы объявились! Какие планы грандиозные строил! Та ночь бесконечно прокручивалась перед глазами. И я потихоньку сходила с ума. Боялась, что дети одни останутся. И когда стало совсем невмоготу, собрала Любку, Владика и уехала к маме. Там мы пробыли две недели. Мама есть мама. Ходила за мной, успокаивала, наставляла. И отчаяние постепенно прошло. А сегодня утром мы вернулись домой. Входим, и почти сразу же — звонок. Подбегаю, беру трубку. Вся трясусь, Виктора вспомнила. Чуть выдавила «алло». Слышу голос: «Это следователь Дангулов. Мы решили, что необходимо еще раз встретиться с вами. Три дня назад неизвестные взорвали машину очень уважаемого в городе человека. Возможно, это те же бандиты, которые убили вашего мужа». Ты представляешь, Саша? Уважаемого человека! А-а? Как тебе? Интересно только, кто же эту гниду прикончил? Памят-

ник таким бандитам ставить надо! Саша, ты хоть слышишь меня?

— Да-да, — успокоил я Лену, — слышу: памятник бандитам. — А про себя подумал: «Вот убережешь с дороги такую нечисть, и сразу увековечить тебя готовы. Придется, видимо, все же профессию менять...»

Интуиция

Как объяснить предчувствие беды? Возможно, есть только одно объяснение: интуиция сильнее разума. Разум есть способность человека к логическому мышлению, анализу происходящего. Интуиция же — это мало исследованная и потому кажущаяся сверхъестественной сила, выражающаяся в способности человека выдвигать лучшие решения, чем те, что были логически обоснованы, но — без объяснений, почему было подсказано именно такое решение.

Интеллектуалы могут добавить, что интуиция — это в какой-то степени и возможность мозга предугадывать будущее.

Человек генетически нацелен на оптимизацию ситуации, улучшение себя. И когда мозг не получил достаточной информации и не может разобраться в происходящем, а следовательно, сделать выводы, как последняя инстанция защиты человека в бой вступает Ее Величество Интуиция...

Вот и сейчас. Мы только подъезжали к границе, а Юрик уже беспокойно защебетал:

— Спина вспотела, чувствую: на этой таможне не проскочим. Давай на следующую. Может, там...

— Поздно, Юрик, пить боржоми, — оборвал я его стоны. — С испугу не видишь, что к шлагбауму подъезжаем?! Если мы сейчас перед носом погранцов развернемся, они, пожалуй, и погнаться могут. Теперь только вперед — за одного битого двух небитых дают! Да не газуй ты так, всю таможню передавишь...

Бедный Ёрик-Юрик! Первый раз из заграницы возвращается и сразу не пустой.

«А как же у меня это было?» — попытался напрячь я память...

— Пашпарты, панове! — перебил мои мысли польский пограничник. Как всегда, улыбка на его устах сочеталась с ненавистью в глазах. «И чего ему надо? Помогаете им жить, помогаете, а в ответ — одна неблагодарность...»

Юрик забыл от волнения, что паспорта мы утром засунули под его солнцезащитный козырек, кинулся лапать себя по груди и боковым карманам. Видя, что ситуация едет не в ту сторону, правой рукой я достал из-под козырька документы, а левой довольно сильно ткнул Юрика в бок. Он мученически скривился, но дергаться перестал.

Протянув паспорта погранцу, я понял, что он заметил шевеления Юрика, и попытался успокоить поляка:

— Водители вечно заторможенные попадают. В прошлый раз один умник чуть машину не разбил, а этот, — кивнул на Юрика, — вообще безголовым оказался...

Поляк понял, что в машине едет босс с водителем, и сразу потерял к нам интерес. Водителя, особенно новичка, он еще мог бы «опустить» долларов на десять-двадцать, а с боссом, конечно же, такой номер не пройдет. У того (это у меня, значит) все расписано: что, где, куда, кому, когда и тем более — почему, зачем и сколько...

Юрик наконец-то поймал первую передачу, и мы покатали к месту досмотра.

Тут же подскочил пан номер два и этак с ходу врзал еще не отошедшему Юрику:

— О, дружа, самохад твой, здаецца, новы... На праверку, дружа, на праверку!

— Что ему надо? — обратился почему-то ко мне Юрик. Бедняга уже ни русского, ни белорусского языка не понимал.

— Так, — устал я от дерганий своего неопытного водителя. — Умри! — И, повернувшись к пану поляку, добавил: — Няма праблем. Адну хвілінку. — Открыв дверь, вышел из машины. — Усё ў парадку, — подбадривал уже заодно и себя. — Вось тэхпашпарт, а вось і мае паперы.

Взяв документы, пограничник погрозил мне ими, словно пальцем:

— Ад ваших дакументаў залежыць, колькі гадзін,

а мо і сутак вы тут пратырчыце (по-белорусски поляки еще кое-как говорят).

«Не пратырчым», — спокойно подумал я, имея в виду, что не зря же вкладывал в паспорт новенькую десятку.

Как и ожидалось, минут через пятнадцать активный и принципиальный выискиватель краденых машин вернул мне документы, и мы двинулись на таможенню.

Я все не мог успокоить трясущегося Юрика и решил воздействовать на него более жестко:

— Если ты, придурок, сейчас же не прекратишь дергаться и пограницы начнут «рыть» машину, я тебя убью! Твоя трясучка сделает нас нищими. Ты понял? Нет? Наши дети будут голодать. Твой Санька будет голодать! Дошло? И тот громадный «Лего», что ты ему купил, не получит. Заберут Санькин конструктор. За долги заберут...

При мысли, что его сын не дожидется того, о чем мечтал весь первый трудный школьный год и, как сказала по телефону жена: «Не спит и ночью, — ждет этот чертов «Лего», Юрик наконец взял себя в руки и уже почти спокойно сказал:

— Валера, я все... Прости... Нервы. Первый же раз... Больше не повторится. Я понимаю: подставляю, но сделать с собой ничего не могу. Страх парализовал...

— Ладно, ладно, главное — успокойся, не дергайся. Тут и без тебя забот хватит.

Польский таможенник учуял добычу и направился к нам. Шел медленно, выдерживая паузу.

«Прошитый, — понял я сразу. — Такой все жилы повытягивает. Начнет: «Дзе пан рахункі (чеки значит) схаваў?», а закончит: «Ну, гэта вывозіць нельга...»

Перестраховавшись, я добавил к уже вложенной в паспорт десяточке еще одну и вышел навстречу поляку.

— Естэм бізнесмен, — стукнул ладонью себя в грудь, — усё ведаю. Няма праблем. (Так уже и «няма», — мелькнуло в сознании, но я быстренько отогнал эту вредную мыслишку.) Вось, калі ласка, дакумент.

— Давай, давай, паглядзім, ці добрыя ў цябе паперы.

Таможенник (как Юрик потом посчитал: «пан номер три») взял паспорт и, немного отойдя от меня, обращаясь к собрату, добавил:

— Смелы, сам сустракае... Бачыш?

Пан номер три раскрыл на секунду паспорт, улыбнулся, закрыл его и сказал:

— Так, добрыя дакументы, едзь да сваіх.

Уже садясь в машину, я услышал от Юрика:

— Смотри ты, без «баксов» отпустил. Не понимаю...

— Не не понимаешь, а от страха ничего не видишь, — продолжал я уже более спокойно давать Юрику бесплатные уроки. — «Баксы» он вынул, еще когда от меня отходил...

«Наши» встречали нас по-нашему:

— Ну что там у тебя, рассказывай, не стесняйся, здесь все свои.

— Да так, — начал я уклончиво, — по мелочам...

— Мелочи я люблю, — сказал «наш». — Мелочь к мелочи — уже, глядишь, что-то есть. Как говорится, курочка по зернышку...

«Этот вытянет больше среднего, — тут же прикинул я. — Педант. Такой хочет не только денег, но и нервы хорошенько подергать. Садюга, одним словом...»

Я открыл заднюю дверь микроавтобуса, и таможенник сразу засек мою «подставу» (я бы еще сказал — подсказку):

— А, цветочек, — показал он моими документами (почему и те, и эти любят махать моим паспортом?) на метровую пальму. — Это, дружок, провозить нельзя. Пойдешь в двенадцатый кабинет. Будешь с нашими девчонками разбираться. А с ними, скажу тебе, ох как трудно говорить...

— Земляк, не губи. «Цветочек» теща-змеюка заказала, убьет ведь...

Видимо, мои слова упали на благодатную почву: «наш» наконец-то «увидел» меня и сказал:

— Не знаю... Не знаю...

— Дружище! — Я понял, что пора брать быка за рога. — За такой цветок мне ничего не жалко. — И, понизив голос, добавил: — Хоть двадцатку...

— О, ты знаешь, — так же тихо подхватил «наш». — В школу я пошел сразу во второй класс и поэтому чисел меньше тридцати просто не знаю...

«Неужели так и проскочу на халяву?!» — подумал я, расставшись с очередными десятичками и садясь в машину...

Но нет. Конечно же, нет! Вот он, субчик, догоняет, родной.

— Слушай, земляк, так я ж боковую дверь не открывал. Забыл впопыхах. А ты рад-радешенек и не напомнил. Непорядок, земляк, непорядок...

«Да, педант. Педант и садист. Ведь мог бы сразу все прощупать...»

— Ну, что тут еще у нас? — уже с напускной строгостью спросил таможенник. — А-а, — увидел он мою вторую подставу, — пиво. О, баварское, ихнее, хорошее, значит. Целый ящик? Не много ли на двоих?

— Нет проблем, — согласился я. — Для земляка хоть половину...

— Правильно, — подхватил педант. — Хлеба горбушку и ту пополам.

— Не губи, — снова включил я дурака, — дорогой же напиток.

А про себя думал: «Дурень ты ослоухий! Весь этот ящик тебе и предназначен. Я пива еще с первых рейсов на дух не переносу. По мне что баварское, что жигулевское — одна вода. Мою «нервную» голову пивом не обманешь...»

Минут через пять к машине подошел солдатик и

быстренько переложил в принесенный с собой черный пакет шесть бутылок «ихнего».

— Возьми и себе, — посмотрел я на явно недоедавшего первогодка. — Только спрячь...

Во второй раз пройдя таможеню, я сел в машину и снова услышал причитания бедного Юрика:

— Нет. Больше я с тобой не ездук. Ну его в баню! Лучше снова на родной завод. Я со стороны смотрел и то чуть не помер...

— Не дрейфы! Пока проблем нет. Смена, конечно, паршивая, однако... — Я прикусил язык. Заметил, что у Юрика глаза становятся круглыми. За спиной услышал:

— Земляк, так я же забыл спросить, что ты все-таки везешь из той далекой Голландии?

«Вот, наконец-то, а то уж действительно губу раскатал, размечтался, что на одних десятках проскочу. Сразу ему двести бахнуть или со ста начать?» — быстро прикидывал я. Вслух сказал:

— Дружище, как земляк земляку (говорил я смело: ведь немного подмазал, подстелил, так сказать, одеялко) скажу тебе честно: машина одним мусором забита. Есть только две новые вещички, два таких небольших ящичка, — приподнял за угол (так, чтобы видел только он) подобранное на одной из улиц Кельна почти новое пуховое одеяло.

— О, так это же вроде «телики». И большие, какие-то...

— Да, большие, но не фирменные — «Sony» там

или «Panasonic». Так, «плазмотроны»... Китай, одним словом...

— А-а, — затянул таможенник.

— Сто, — попытался остановить я его «аканье».

— Ну-у, — перешел он на другую тональность...

— За каждый, — пришлось мне уточнить.

— Как все-таки везет людям, — сразу же загорелся земляк. — Представь, что было бы, если б тебе попался не я, земля твой кровный, а какой-нибудь иуда...

«Ты и есть иуда», — про себя подумал я, а вслух сказал:

— Встретить своего всегда приятно...

Пройдя в третий раз таможеню и в очередной (не помню, какой) раз сев в машину, я снова услышал стоны:

— Могила! Все! Из дому больше ни шагу. На завод! Сразу на завод!...

— Заткнись, заколебал! Умирать будешь потом. Поехали! Видишь, погранец уже машет. Небось, тоже пива хочет...

Вскоре вдобавок к пиву пришлось расстаться и с последней десяткой.

Вообще-то «это» стоило «пять у.е.», но купюрки такой не оказалось и пришлось повысить ставку. С тех пор, между прочим, ставка такой и осталась, и мало кто знает, кем она невзначай была удвоена.

Машина наконец-то вырвалась из «зоны раздевания», и Юрик, немного отойдя от «этих кошмаров»,

потихоньку начал (наконец-то!) показывать свое мастерство водителя-аса (для чего, собственно, я его и взял: после таможни могли объявиться еще одни «проверяльщики» — с большой дороги). На ближнем свете он держал положенную сотку и что-то насвистывал. Отходил, наконец, от трясучки.

— Слушай, Юрик, — настала очередь уже мне поволноваться, — сдается, не хочешь ты доставить меня целым к змеюке-теще.

Юрик впервые за всю поездку рассмеялся:

— Какая же твоя Ольга Владимировна змеюка? Добрей человека на всем белом свете не сыскать!

И Юрик все смеялся и смеялся. Он не знал, что кошмар еще не закончился, что таможня еще не дала добро. Впереди было «притаможенное» ГАИ, но я не хотел его расстраиывать...

Юрик дохохотался почти до слез, но махнувшего жезлом невесть откуда (как Юрику показалось) вынырнувшего гаишника все же увидел...

— Что везем? — слышался нормальный для здешних мест вопрос.

— Пиво, — ответил я, выходя из машины.

— Пиво — это хорошо, — констатировал гаишник, глядя на задний номер машины. — О, земляки... Что ж, пиво так пиво...

Уже глубокой ночью «притаможенный» гаишник откупоривал последнюю бутылку «ихнего». «В ночной смене есть свои прелести, — рассуждал он, похмеляясь, — днем так не расслабишься...»

В это же время на одном из отрезков трассы Брест — Москва катамараном, словно склеенные, летели две машины. Несмотря на коварную от выпавшего первого снега серебристость дороги, микроавтобус держал свои максимальные сто шестьдесят, но прилипшая к нему слева синяя «девятка» уступать не хотела. Казалось, что схватившиеся в этой смертельной гонке сумасшедшие явно поспорили, кто скорее попадет на небеса. В мгновение ока они промелькнули мимо бензоколонки, и вышедшая подышать свежим воздухом ее «хозяйка» сначала замерла, потом ахнула и перекрестилась:

— Господи! От недосыпания уже летающие автобусы мерещатся...

А за многие километры от растаявшей в ночи бензоколонки, в двухкомнатной «хрущевке» в маленькой, еще детсадовской кровати, не спал второклассник Санька. Мальчишке почему-то казалось, что пока он не спит, сражается, сказочный «Lego» приближается к нему. И Санька держался, как мог... «Не спать, не спать, не спать», — снова и снова подсказывала и этим помогала держатся его недетская интуиция. И он все тер и тер пальчиками слипавшиеся глаза. Мать сердцем чувствовала, что ребенок не спит, но подойти, убаюкать его не решалась. Боялась, что и в темноте Санька разглядит ее залитое слезами лицо...

Покореженная левая дверь микроавтобуса подсказала стоявшему в бронежилете на въезде в столицу дежурному по КПП, что с этой машиной не все в порядке. Махнув светящимся жезлом, он одновременно взялся за автомат. Несмотря на сильный утренний туман, водитель микроавтобуса сигнал «остановиться» увидел и притормозил, но когда гаишник направился к нему, взглянул на сидевшего рядом пассажира.

— Все нормально, Юрик. Ты же знаешь, разберемся. Отдохни. Все, что мог, ты сделал, теперь моя очередь, — успокоил водителя его товарищ.

Направляясь к машине, лейтенант неожиданно приостановился: по рации передавали сообщение, и он решил, что сидящим в микроавтобусе слышать его не обязательно: «Синие «Жигули» «ВАЗ 2109» госномер ... не доезжая ... километров до поселка ... на мосту ... со скоростью значительно превышающей ... вылетели на полосу встречного движения, врезались в металлическое ограждение, пробили его и упали в реку...»

Лейтенант понял, о какой синей «девятке» идет речь, и, выключив рацию, подошел к машине:

— Куда, мужики, путь держим?

— Домой, командир, только домой, — ответил ему сидевший рядом с водителем. — Попутешествовали и хватит. Как говорится, хорошего понемножку.

— Вы не совсем правильно поняли, — уточнил гаишник. — Я хотел спросить, в какой район едете? Машина, вижу, минская...

— На Железнодорожную, — честно выпалил водитель микроавтобуса.

— А-а, понятно, — кивнул лейтенант. — Только вот вид у вас какой-то, знаете...

— Знаем, товарищ лейтенант, знаем, — мягко перебил гаишника пассажир, — как-никак, третьи сутки в пути...

— Да вижу, что вы как пьяные. Хоть «трубочку» доставай. Ладно, езжайте, смотрите, хоть перед домом не разбейтесь, вдвойне обидно будет, — и лейтенант махнул им светящейся палкой.

Подождав, пока микроавтобус отъедет, он снова включил рацию:

— Четыреста двадцатый, я сто шестой.

— На приеме.

— Ты сейчас где?

— Там, где и был, а что?

Сто шестой немного помедлил с ответом, но, вспомнив о выговоре и написанном вследствие этого рапорте на увольнение, сказал:

— Минут через пять мимо тебя проследует микроавтобус «Мицубиси», так ты его не трогай, пусть ребята едут себе спокойно.

— А что за ребята такие, что трогать нельзя?

— Хорошие ребята, четыреста двадцатый, хорошие... Да, кстати, ты, я чувствую, от машины отходил.

— Тормознул тут одного... А что?

— Интересную новость прозевал.

- Это какую?
- Да так... Думаю, о банде Боксера ты больше уже не услышишь...
- Боксера, из-за которого тебя?.. Почему ты так решил?
- Интуиция, мой друг, интуиция...

Музыка

Лет с двенадцати, когда первый раз взлетел на небеса от музыки, а именно — от композиции «Битлз» «Yesterday», я все последующие годы с непредсказуемой периодичностью, но с роковой, не зависящей от меня неизбежностью задавал себе вопрос: что же такое музыка? Почему она заставляет наслаждаться и страдать? Писать стихи и резать вены? Отчаянно бросаться в неравный бой и неметь от бессилия и страха? Стремиться к совершенству и становиться рабом одной мелодии?

Уже в институте, прочитав труды А.Римского-Корсакова, М.Сапожкова, Т.Хаясаки, М.Гитлица, Л.Кононовича и других, я усвоил, что музыка — это результат восприятия мозгом гармонически изменяющегося давления воздуха на наши барабанные перепонки. Они первыми фиксируют в приемнике звука — ухе — эти изменения. Далее «воздушный сигнал» преобразуется в механический, затем — в нервные импульсы и в конечном итоге по слуховому нерву попадает в мозг. Когда сигнал чересчур сильный, нам больно.

Короче говоря, про «давление» я понял, но ответов на вопросы не получил. Я не получил ответа, почему даже тихо звучащая и совершенно не давящая на уши мелодия, скажем, «История любви» Фрэнсиса Лэя, вызывает у меня печаль и безысходность, а на глаза навертываются слезы? Представьте: музыка звучит чуть слышно, барабанные перепонки пребывают в покое, мне не больно. Откуда же слезы?

И потому признаюсь: я не знаю, что такое музыка. Почему она способна поглотить меня, завладеть мною. Парализовать. Увести за собой. Заставить сражаться. Умереть.

Я не знаю, что такое музыка, но в одном абсолютно убежден: музыка, вернее, ощущение, восприятие музыки — это одно из неизвестных (или неназванных?) чувств, свойственных человеку. Чувство восприятия прекрасного и совершенного.

Звучание гитары Карлоса Сантаны и голоса Фредди Меркюри. Гений Чайковского и Баха. Мелодии Рика Вейкмана и «Пинк Флойд», композиции многих других. Все это музыка, музыка, музыка...

И океан, планета, вселенная. Все это мир музыки — вершина мироздания, гармонии души и пространства.

Группа завелась и была в экстазе от исполняемого ею «Come together. Right now...». Даже сидевший напротив Чемпиона его друг Андрей, не так давно

вкусивший год пытки побоями и голодом в «американке» (как оказалось, ни за что), положил вилку, притих, замер. Смотрел в одну точку. Окунулся в незатейливую, но приятную, берущую за душу битловскую «together...». Казалось, полностью отключился. Что-то вспоминал.

Сильное возбуждение испытывал и Чемпион. Раскатистое «Right now...», казалось, проникало в душу и звучало внутри.

Ему неожиданно пришло на ум, что все же есть параллельные нашему миру. Скажем, мир музыки. Если мелодия захватила, заставила забыть, пленила, — значит, мир музыки принял тебя, ты в нем. И пока человек и музыка едины, он, человек, находится в другом измерении, другом (а может быть, ином?) мире, — в мире музыки!

И потому не сразу, а лишь после повторенного с нажимом «Добрый вечер!». Чемпион сначала увидел, а потом услышал подошедшего к ним человека, которого для себя охарактеризовал, как короля местной шайки бандитов. В народе подошедший как раз и числился криминальным авторитетом и главным среди рэкетиров, обосновавшихся при этом заведении.

— У пацанов, вижу, все о'кей. В ресторанчик к нам заглянули. В гости, так сказать, на огонек. В гости — это хорошо. Нужное дело. Но вот то, что без подарков пришли, — несолидно, некультурно, я бы даже сказал — нагло. Наглецов же надо воспитывать, учить уму-разуму. Но вы не волнуйтесь, мы люди поклади-

стые, сердечные и воспитывать никого не собираемся. Да и греховное это дело — гостей обижать. А вот, скажем, поучаствовать в благотворительности каждый, кто гуляет в ресторане, думаю, обязан. Видите, там, в углу, ребятишки сидят? Они, между прочим, не просто так баклуши бьют, а вас охраняют. Голодные, кстати. Благодарности-то никакой. А справедливо ли это, когда одни шикают, а другие от недоедания пухнут? Правильно ли? По-Божьи ли? И задаю последний вопрос: есть у вас желание исправить эту несправедливость?

Чемпион включился и понял, чего от них хочет борец за справедливость или, как говорят о таких в определенных кругах, лидер преступной группировки, а по виду абориген — пришел в ресторан в азиатской пижаме. Ему, видимо, кто-то по злобе подсказал, что сия одежина — этакий оригинальный вариант спортивного костюма крутой, элитной малоизвестной фирмы.

«Абориген-то абориген, а говорит, как пишет, — размышлял Чемпион. — Складно так про долги-обязанности и «голодающих Поволжья» объяснил».

Но, подойдя к этим гостям, главный бандит дал маху. Чувство страха, присущее большинству нормальных людей, у победителя доброго десятка международных турниров по борьбе дзюдо и самбо (потому и Чемпион) отсутствовало напрочь. Он был, к тому же, в пике формы, а значит, мог в одиночку на открытой, свободной площадке сразиться с дюжиной желающих.

Бандитов же было семеро. Правда, ребята ничего себе, подтянутые, плечистые. Но Чемпиона это обстоятельство никак не волновало. Вес для него не имел значения.

И он терпеливо объяснил «синему»:

— Ты, босс, не к тем ребятам приклеился. Публики много, а выбор сделал не из лучших. И если, к примеру, ты не знаешь, что такое «иппон»*, то лучше перейди на другую сторону улицы и там тренируйся. Здесь зашибить могут.

Договорив, Чемпион на всякий случай отодвинулся со стулом от стола (вдруг бандит сильно нервным окажется и кулаками замашет), чуть откинул голову назад и развел руками: извини, мол.

Бандюга, как видно, дела с чемпионами не имел (их же единицы, этих чемпионов, и они, как правило, недоступны «простому народу», пусть даже и «синему»: если не на сборах «отсиживаются», то в соревнованиях участвуют) и поэтому полез на рожон. Но перестраховался. Тихий голос и спокойный тон Чемпиона его насторожили, он усомнился в себе и махнул остальным:

— Эй, пацаны! С нами поговорить хотят. Ага, со всеми. Герой тут один объявился. Жаждет познакомиться.

Одновременно поднялись шестеро стриженных «бесшейных» молодцев и двинулись в сторону гостей.

* Чистая победа в некоторых видах восточных единоборств.

Шли медленно.

Медленно Чемпион стал меняться. На лице возникла улыбка. Он услышал музыку. Свою музыку. Музыку боя.

«Come together... — пронеслось в сознании, и он прикинул: — Шесть. Шесть плюс один — семь. Это близко к пределу. Все! — приказал он себе. — Никого нет! Я один. Внимание! Бой! Хаджиме!»

Он услышал «Right now...», вскочил из-за стола, опрокинул руками соседний и, освободив перед собой пространство, ударом ноги в грудь сбил первого нападавшего. Успел почувствовать: такой удар для любого крепыша — больница. Отпрыгнув в сторону, оказался позади самого здорового из бандитов и руками изо всех сил толкнул того в плечи. Вернее, толкал он не руками, а корпусом. Иначе бугай, который был выше его на голову, не пролетел бы пяти метров и не грохнулся бы всем весом о бетонный пол.

Оставшиеся четверо (главный застыл, как памятник) оказались проворнее. Ближайший принял боевую стойку. «Хорошая стойка. Красивая. Боксерская», — подумал Чемпион и, топнув левой ногой об пол, на мгновение заставил «боксера» опустить глаза. Этого хватило. Головой он боднул бандита под ребра, и тот отлетел, как от капота машины. «Слабенький оказался у парня живот, рыхлый, — отметил Чемпион, но тут же закралось сомнение: — Что-то легко они ложатся», — и на всякий случай, автоматически, он метнулся вправо — там вроде посвободнее.

Хорошо, что спохватился. Кулак еще одного смелого вместо того, чтобы попасть ему в голову, лишь чиркнул по уху. Но больно чиркнул. «Оцарапал, гад», — мелькнуло у Чемпиона, и он понял — это первый звонок: он запаздывает. Схватил попавшийся под руку графин с прозрачной жидкостью и рванулся к главному.

Тот убежать не стал: как-никак — хозяин. Но и драться «в темпе» не умел. Потому и раздробил ему графин переносицу.

«Ты смотри, заодно из кольца вырвался, — повеселел Чемпион и осмотрелся. — О-о, ну это никуда не годится, — прокомментировал он передвижения «синих». — Трое и с ножом в подмогу...»

И еще подумал: «Нож — это плохо. Этого я не люблю. С детства. Так судьба решила». И тем не менее, преодолев страх, он бросился на нож. Боялся, но знал: того, с ножом, атаковать нужно первым.

Двое пропустили вооруженного вперед. «Серьезный, видимо, товарищ», — сделал вывод Чемпион.

— Дай! — крикнул он, внезапно показывая на нож, чем поверг бандита в недоумение. Воспользовавшись заминкой, левой рукой ухватил его за кисть, правой за локоть и образовавшимся «болевым» рычагом пригнул к полу. «Нет, этого жалеть нельзя», — пронеслось в голове, и, рискуя получить срок, он швырнул бандита на пол. Тот ткнулся в плинтус головой. «Слава Богу, позвоночник не посыпался», — подумал Чемпион, переводя дух.

Парочка оставшихся бандитов бросилась к лестнице. Так шустро перемахнуть со второго этажа на первый Чемпион, наверное, не смог бы и сам.

— Красиво, — услышал он и понял, что выходит из боя. — В жизни такого не видел. Прямо как в кино, — говорил друг Чемпиона Андрей. — Да-а... Ты даешь! Не знал, с кем дружил. К тебе, оказывается, без пушки не подходит.

— У-у-у... — загудел, вторя Андрею, зал. За ближайшими столиками захлопали.

Чемпион подошел к своему. Сел. «Семь, — почему-то снова ворвалась в его сознание магическая цифра. — Что-то не так. Что-то не отпускает. Подмога? Да! Сейчас прибудет подмога! Бой не закончился! Внимание!»

И тут ему обожгло спину. Тело содрогнулось от боли.

— А-а, — простонал Чемпион.

«Нож или пуля», — подумал он. И ошибся. Это врезал ему дубинкой подоспевший местный мент, сержант, друг семерки.

— Встать! — рявкнул он отработанным голосом. — Руки!

Подскочил второй мент. С кобурой на боку и наручниками у пояса.

— Есть, есть пушка, не смотри, не сомневайся, — сказал он, перехватив ироничный взгляд Чемпиона. — Итак, встали, руки подняли. И медленно. Очень медленно. Видели, какой ты шустрый...

Затихший зал снова загудел. Кто-то выкрикнул:

— Чего к человеку прицепились? Лучше бы бандитов ловили! Не трогайте парня!

— Молчать! — рявкнул державший наручники. — А этот кто? Такой же бандит! Руки, я сказал! — повернулся он снова к Чемпиону.

«Что делать? — прикидывал Чемпион. — Подчиниться или атаковать? Может, этого с пушкой подсесть, а у второго пресс проверить? Нет! — тут же решил он. — Связываться — себе дороже. За ментов любой судья запросто на «пятерик» раскошелится. Надо сдаваться. Хотя и это рискованно. Подмога, если поспет раньше, чем меня увезут, вмиг сметет этих хомяков, а потом... Ладно, будем надеяться на лучшее». Менту сказал:

— За удар по спине ответишь, а пока заметь и запомни: я не сопротивляюсь. Но знай: если еще раз махнешь палкой, это будет в последний в твоей жизни раз.

— Не пугай! Пуганые. Не таких крутых видали, — сказал мент не очень убедительно. — Пошли...

«Жаль Андрюху. Слова не произнес, а его тоже загребли, — думал Чемпион, спускаясь по ступенькам. — Вот уж кому не везет, так не везет. Только из КПЗ и теперь снова...»

Андрей же размышлял о другом: «Такие бои сами собой не заканчиваются. Не к добру все это, не к добру. Чую, будет продолжение банкета...»

В фойе из туалета, который был напротив вхо-

да в ресторан, вышел мент — лейтенант. Мент этот Чемпиону был известен, но сразу он его не узнал: в форме раньше не видел. По четвергам в их клубе проводился «день схваток», и лейтенант час-тенько наведывался к Чемпиону в «Урожай», по-тому как в «Динамо», где тренировался, достой-ных соперников не было. Мент тоже хотел быть чемпионом.

— Саша, — не по уставу обратился сержант к лей-тенанту, — бандита поймали. Крутой, сука. Прямо вундеркинд. Ты бы видел! Целое представление зака-тил. Ну, ничего, мы его...

«Сашка! Санек! — промелькнуло у Чемпиона: он узнал, наконец, своего спарринг-партнера. — Вот змей! Ситуацию просек, но молчит. Решил помучить, поиз-деваться, — прикинул Чемпион, по-своему оценив не-проницаемый взгляд товарища. — Может, он и прав. Я же его на татами не жалел».

— Давайте, давайте, тащите бандита в машину. В отделении разберемся. Посмотрим, что за птица, — заговорил, наконец, лейтенант.

«Подлец!» — выругался Чемпион в сердцах, но дешевить фразой типа «Саша, ты что, своего не узна-ешь?» — не стал.

И тут заявила о себе подмога.

Чемпион увидел их первым. Они ломились в дверь. Что-то кричали.

Зазвучала «Come together. Right now...» Она напо-мнила: «Опасность!»

Входная дверь из толстого стекла была закрыта, но угодливый швейцар поспешил к ней.

— Стоять! — приказал ему Чемпион, рискуя полу-чить еще раз дубинкой. И, возможно, получил бы, если бы лейтенант не отреагировал:

— Костя, закиньте «вундеркинда» на второй этаж, пройдите через бар в гостиницу и вызовите машину оттуда.

Сержант не стал обсуждать приказ, толкнул Чем-пиона в спину:

— Пошли, крутой. Сегодня твой день. Халява тебе так и прет.

«Крутой да крутой... И что у него за манера такая дебильная: одно слово пять раз повторять», — думал Чемпион, поднимаясь по ступенькам на второй этаж.

— Двадцатый, я восьмой, — услышал Чемпион ожившую в машине рацию. — Задержанного доставьте домой. У отделения бригада Кренделя дежурит...

— Опять тебе везет, — прокомментировал сержант сообщение. — И откуда такие удачливые берутся?

Сегодня четверг, день схваток. Он проспал и те-перь торопился. Хлопнул дверью. Почти влетел в от-крытый лифт. Не глядя, нажал нижнюю кнопку.

Проехал всего два этажа. Двери раздвинулись. Чемпион сделал шаг, второй. Почувствовал холодок. Опасность! Справа?! Повернул голову. Выбросил, перехватывая удар, руку. Поздно...

Он знал, что когда-нибудь опоздает. В детстве видел сон. Бог, что ли, смотрел на него, предупредил: ты станешь лучше всех, но никогда не будешь старым...

Удар был из-за спины сбоку. Сильный, резкий, профессиональный. Чемпион отпрянул назад, но его обхватили двое. Грамотно обхватили, как связали, не дернуться.

— Герой, — сказал ударивший его бандит, — сейчас ты будешь умирать. Умирать медленно и больно. Ты поднял руку на Кренделя. Знаешь, кто это? Знаешь! Вижу... — Полоснул бандит его по груди. — Не волнуйся. Это не страшно... — занес он руку с ножом снова...

Пошла музыка. «Come together...» «Ножи — это не для меня, — вспомнил Чемпион. — С ножами у меня проблема. Как же атаку прозевал?» Чемпион почувствовал запах крови. «Вперед! — приказал он себе. — Бой! Хаджиме!» Оттолкнувшись от державших его двоих, ударил третьего ногами. Тот отлетел, выронил нож. «Без ножа работать можно, — промелькнуло у Чемпиона и, снова оттолкнувшись, на этот раз от земли, он исполнил кувырок через себя, перекатился,

сгруппировался, встал. — Теперь поехали», — сказал он, но вдруг замолк.

Двое. Перед ним стояли двое: сержант с напарником. В штатском.

Сержант достал пушку:

— Во, гад! — нажал курок.

Пуля попала Чемпиону в плечо, прошла навывлет, звякнула о почтовый ящик. Он ринулся на сержанта, но тот не отпускал курок. Четыре пули вошло в грудь Чемпиона.

Четырежды обожгло. Он рухнул. Увидел потолок. Черный. Ночь. Он отключался, умирал...

Когда те двое подошли к Чемпиону, он еще слышал «Come together...». Сержант приставил пистолет к его голове и выстрелил. Музыка оборвалась.

— Все, — сказал сержант. — Уходим.

— Все о'кей, говоришь? — спросил человек с заклеенным двумя широкими лентами пластыря носом. — Это хорошо, что о'кей. С меня подарочек. Впрочем, с тебя, «литер»*, тоже причита... — не договорил заклеенный и затих. Увидел.

Андрей надавил на курок. Пластырь, вспоротый чем-то невидимым, оторвался от лица. Лица не было.

* От слова «лейтенант» (жарг.).

— Что случилось? — слышалось из упавшей трубки. — Что там у вас происходит?

— Right now... — поднял трубку Андрей, — My friend is waiting for you*, — допел он за Чемпиона.

* Мой друг тебя заждался. (англ.).

Фарц

Фарцовщик. Сокращенно — фарц. Слово когда-то известное. Но невезучее: мелькнуло в истории и исчезло. Недавно мелькнуло и давно исчезло. Как и те, кого так называли...

Фарцовщик умирал от тоски, алкоголя, безысходности, невострребованности, честности. Умирал от желания умереть. Эти пятнадцать лет свободы оказались для него роковыми. Он не смог приноровиться к быстрым играм «новых белорусов». Он любил классику. Говорил: курочка по зернышку. Слетал в «плохую» капиталистическую Швецию (попасть туда само по себе было подвигом), обменял сумку с водкой, шампанским и икрой на два-три видика и десяток «уокменов», вернулся, продал их в полтора раза дешевле, чем в «комиксе», и снова покупай «приглашение» и лети в очередную капиталистическую.

Теперь другие времена. «Новые» норовят продать вдвое дороже, чем купили. Продать и сделать все, чтобы не поставить товар, не рассчитаться, исчезнуть,

смыться, забыть. Есть и нормальные «новые». Но и они, если ты вдруг на день-два, пусть и не по своей вине, задержал доставку товара, разберутся с тобой по полной программе. Устроят такую тренировку нервной системе, после которой восстановить ее будет очень-очень сложно.

Забежал друг, когда-то обладатель одной из самых богатых в СССР коллекций — несколько тысяч фирменных виниловых пластинок, каждая из которых стоила тогда половину зарплаты пролетария. В те добрые старые времена ему удавалось слушать пинкфloyдовскую «Стену», когда этот, впоследствии суперзнаменитый, «двойник» еще не поступил в продажу в той стране, где печатался. Когда-то торгаши слушали музыку и держали в руках альбомы «Цеппелинов», «Паплов», «Саббатов», «Фанков», «Слейдов», «Назаретов» и прочих «Хипов» или «Свитов» раньше самих англичан.

Саша посмотрел на друга, как в зеркале увидел в нем себя и отвел глаза. Не хотелось жить. Хотелось быть. Быть на небо, на несправедливый нейтралитет Всевышнего. Теперь и представить невозможно, что когда-то у подъезда, в котором находилась квартира хозяина этого лица, сутками дежурили таксисты. В ресторане, куда лицо заходило покушать, официант знал: если вдруг (ну, вдруг!) он останется без работы, то после того, как лицо отобедает, в ближайшие месяц-два с голоду не умрет. И ходило лицо с огромными суммами. Денег не скрывало и никого не боялось.

Теперь лицо боялось всего. Превратилось в тряпку. Дрожало. Просило. Исчезло. Но больше всего оно боялось друга. Боялось, что тот откажет, не даст этих злосчастливых десяти долларов, которых, если экономно, хватит ему, чтобы забыться дня на три. Он не знал и не видел, или не хотел знать и видеть, что его друг уже давно такой же, как он, и для него эта сумма тоже ой какая немалая.

Правда, Саша старался держаться, не падать. Ежедневно бегал, принимал душ, читал ликующую перестроечную периодику, следил за новинками. Новый альбом Планта недавно записал. Радовался, что Вейкман после долгого молчания объявился. И объявился на бис. Что Дилан опять же не сдается, что не спят и Бенсон со Стюардом. «Сражается западная старая гвардия, — говорил он, глядя на себя в зеркало, — не в пример нам, зацикленным честно-логическим советикусам». Аккуратно носил купленные когда-то дорогие вещи. «На них теперь не заработаешь, даже если умрешь от перенапряжения, — информировал он жену, прося включать стиральную машину в щадящем режиме. — Хорошо, что тогда покупал дорогие вещи. Дорогие и спустя годы отвечают...»

«Где же найти для Стаса эти «всего» десять долларов? — ломал голову Саша. — Что их у меня нет, он, безусловно, не поверит, и в одночасье я превращусь для него в самого заклятого врага...»

Думай, отставной фарц, думай!

Сегодня понедельник, на рынке выходной, и со-

сед дома. Отдыхает. Бывший слесарь, дрожавший когда-то от волнения, если для него записывались в этой квартире заводящие до сексуального возбуждения «Бони М», «Оттован» или «Чили», стонущая в преизбытке чувств Саммер, взрывавший низами акустику и легкие «Супермакс» или антимосковский «бандитистый» «Чингисхан», давно владел этими «максами» и «ханами». «Ханами» Стаса. Закладывая каждый раз за бесценнок «до завтра» ставших классиками в возрасте студентов «Битлз» или джаггеровский меланхоличный, но строго выверенный «Стоунз», отравившегося наркотой первую роковую гитару мира Хендрикса или «разорвавшуюся» в напряжении связок и жизни Джоплин, Стас постепенно лишился своей знаменитой коллекции. Позднее за бесценнок полетела уникальная даже по теперешним временам аудиоаппаратура: эквалайзер с встроенным анализатором спектра тогда еще крепкой японской фирмы «Сан Суй», двухблочный, стоимостью в несколько иномарок усилитель знаменитого американца «Марка Левинсона», профессиональная акустика от английских джентльменов Бауэра и Вилкинсона, дека от невызывающей вопросов легендарной «Накаичи», аналоговый проигрыватель высшей группы сложности цепких немцев из «Дюала». За техникой настала очередь последних запасов: видеокассет с «лазерными» копиями-оригиналами и видеодисков. Позже с молотка ушла коллекция французских духов жены, платья от Версаче и других нетонущих.

Теперь у Стаса для слесаря, а точнее для владельца сети коммерческих киосков, стоявших у входа на центральный рынок столицы, ничего не было, и он пришел к Саше. Деньги он ему должен найти, иначе станет врагом. Не выручивший сосед или знакомый — это просто тот, кто не дал: сволочь, жмот. Не выручивший друг — это предатель, кровный враг, иуда.

Саша не хотел быть Стасу кровным врагом. Он не хотел быть иудой.

Вспомнил. Жив еще последний из могикан — любимый радиоприемник, один из первых цифровых «Sony». Когда-то высшая модель в каталоге. С нее каталог начинался. Даже сейчас, спустя полтора десятилетия, лучшей не появилось. Появились меньшие по габаритам и весу, но не лучшие по качеству.

Все эти годы приемник простоял в спальне и стал полноправным членом семьи. Сначала свидетелем счастливых мгновений зачатия, потом страстных сцен ревности, теперь бессонных ночей поставившего на карту все и проигравшего, точнее — не ставшего играть. Любимца лелеяли, накрывали махровой тряпочкой, экономили, жалели. Включали только перед сном: что там, на «Свободе», о самой свободной говорится? Потому и сохранился он в идеальном состоянии.

Интересно, возьмет ли Витек, неугомонный бизнесмен и баловень судьбы, аппарат, стоивший семьсот долларов, за «Стасовы» десять?

Другу сказал:

— Ладно, подожди. Сам понимаешь, сейчас

деньги дома хранить, что бандитов на чай приглашать...

Войдя в спальню, Саша увидел родимый «Sony». За эти годы тот стал ему вторым отцом, первым учителем, младшим братом. И сейчас он должен своего брата продать. Саша посмотрел на приемник, подумал, успокоил себя: он выкупит, он обязательно его вернет, любой ценой...

Нежно протер «соньку», блок питания от нее, достал с нижней полки шкафа внушительное, толщиной с добрую книжку, руководство по эксплуатации, прилагаемый к нему справочник частот ведущих радиостанций мира, сложил все это в дипломат и отправился к соседу. Шел, как на плаху. В тридцатиградусную сонную июльскую жару тело пронизывал холод когда-то чуть не заморозившей его Сибири...

Дверь открыла Светлана, жена бизнесмена, бывшая уборщица ЖЭСа, а теперь заядлая посетительница «бутиков», массажных кабинетов и других хороших мест для достойных и оторвавшихся.

— Светка, твой дома? — попытался Саша спросить достойную по-свойски, по-соседски, но стушевался. Нахлынул французский туман, и у бывшего короля видеоаппаратуры сковало язык. Получился не вопрос, а просьба. Последний флакон духов у жены закончился год назад. «А Франция остается Францией, — подумал он, — гипноз, а не запах. Не сдастся старая гвардия. Не сдастся...»

— Как все утомили, — визгливым голосом заведующей колбасным отделом времен «святого» коллекционера побрякушек Леонида Ильича встретила его соседка. — В выходной отдохнуть не дают. Виктór (сделала она ударение на втором слоге) занят! Массажистка у него. — Соседка собралась закрыть дверь...

— Свет, кто там? — услышал он голос слесаря-бизнесмена. — Сашка? Пусти пацана. Хай тащит, что приволок...

— Ладно, проходи, — нехотя сказала Света, отпуская дверь. — Мертвого уговоришь. Тапки сними. Виктор в спальне.

«Бедный мой «Сонечка», — подумал Саша, входя в белоснежную опочивальню. — Не спросясь выдернул тебя из насиженного местечка. Здесь тебя, сдастся, ни разу и не включают, не побеседуют с братишкой...»

В спальне Саша увидел, как по голому телу Витьки-бизнесмена «прохаживалась» высокая, в прозрачном халате без нижнего белья, сочного блондинка. Витька, кряхтя от кайфа, бросил отрывисто:

— Вы-кла-дывай свои без-делушки. Может, что пригодится...

Сашка подошел к соседу и протянул ему «Sony».

— Часы, что ли? — хмыкнул, гадая, Витек.

— Нет, приемник, — ответил Саша, начиная злиться на это безграмотное, довольное жизнью существо. —

Вот написано: «All band Receiver» — всеволновой, значит. Но часы и таймер в нем тоже имеются...

— Сколько? — отреагировал хваткий владелец киосков.

Мгновение подумав, Сашка назвал цену чуть выше суперхалавной, по которой сосед все в основном и покупал:

— Семьде...

Не дослушав, Витька оборвал:

— Ну, ты даешь! Дурака ищи в другом месте. Тридцать! Потолок!

— «Sony» настоящий, японский, — объяснял Саша.

— Таких теперь...

— Правильно! — снова перебил его Витек. — Теперь — не тогда! Пятьдесят! Последнее слово. Полтинник! И рублями. Все! Торг закончен, — сжег сосед последний мостик, связывавший Сашу с той другой «активно-застойной» жизнью. — Светка, неси капусту! Санек меня снова обул...

Получив деньги и отдав соседу приемник стоимостью в семьсот долларов за пятьдесят, Саша пожелал ему дальнейшего процветания и ушел.

Уже подходя к своей квартире, подумал: «Только бы Стас глупость какую не упорол и не украл, пока меня не было, чего-нибудь из дорогой посуды, до продажи которой я пока не докатился. Ира исчезновения ее талисмана, последнего символа той почти забытой жизни, не выдержит...»

Но волнения его были напрасны. Даже в нынеш-

нем положении Стас чужую посуду красть ни за что бы не стал. Пропить свое кровное — да. Но чужое... Он же бывший фарц, а не вор! Да, Стас не крадет и погибает...

Отдав другу пачку рублей (червонец «ихними»), Сашка проводил его и, вернувшись, присел на кожаный диван. Вздохнул.

— Старик, — обратился он к дивану. — Что станем делать дальше? Так и будем катиться в пропасть нищеты, бездействия, апатии? Сдается, пора подумать, как далеко я зашел в нежелании принять новые правила игры.

Саша размышлял. Прикидывал, с чего начать. Куда направить усилия, знания, опыт? Как жить? Что делать? Кинуться в бой самому или пойти в услужение? Нет, слугой он никогда не был! Но и от боев устал. Давно устал. Может быть, поэтому теперь и не в обойме. Да, он устал. Пятнадцать лет... Устал...

Саша забылся, уснул.

Снился сон.

Индия. Они взлетели. Поиск, выбор, загрузка — все позади. Ему за сорок, а вынужден толкаться с молодыми ребятами. Но ребята работающие, дружные, веселые, чем-то родные. Он сошелся с ними, помолодел, похудел, стал улыбаться. Впервые за последние годы почувствовал себя человеком, действующим человеком, работающим, сражающимся, живущим.

Наконец-то!

Их двенадцать. Двенадцать челноков, готовых верой и правдой или без них прорваться, пробиться, проскочить, доставить, заработать, кормить семью, жить и снова прорываться.

Он стал одним из них. Людей вне государства и закона, вне защиты и истории. Немытых, трехжилых, рискующих, вынужденных скитальцев-путешественников, камикадзе, искателей удачи.

В этот раз удача их покинула, бросила, предала.

Сразу после взлета заклинило двигатель, за ним — второй. Он вспомнил слова одного из пилотов, обращенные к экипажу перед посадкой: «Ребята, давайте отложим свой товар на следующий рейс. Мы же не челноки, нас время не душит. Десять тонн перегрузки...»

Да, перегрузка.

Он взял больше нормы, больше, чем мог унести. Он хотел догнать годы. Годы простоя, бездействия, отчаяния. Он не осилил. Не смог. Не выдержал. Сломался.

Самолет сломался. Падал.

Погибал.

Саша выдохнул, расслабился, закрыл глаза.

«Все. Финиш. Устал. Устал сражаться с жизнью. Устал навсегда...»

Раздался взрыв.

Горел самолет, горел дом, на который самолет упал, горела его судьба.

Он не знал, что сон окажется вещим. Проснувшись, пообещал жене:

— А братишку я обязательно выкуплю, вот увидишь.

Но она не увидела. Она спала. Вчера были его похороны, и она очень устала.

Первое сентября

Я встретил Андрея на Центральном рынке. Время шло к закрытию, народу почти не было, и хотя мы не виделись добрый десяток лет, друг друга узнали сразу — Андрея всегда отличала белая пышная, под раннего Стюарда, шевелюра. Он покупал своим девчонкам-двойняшкам персики. Рассказал, что дочки перешли в четвертый класс, отличницы. Не согласился с моим банальным: «Быстро растут чужие дети». Похвастал, что несмотря на тяжелые времена ему пока удается каждый вечер приносить малышам что-нибудь из фруктов: их худощавые фигурки («Ничего не поделаешь, — развел Андрей руками, — мои точные копии») явно нуждались в витаминах. Переживал, что наступает новый учебный год, а толком не приготовился к нему: не купил девчонкам школьную и спортивную формы, туфли, кроссовки, ранцы, теплые вещи на осень. Андрей хотел приобрести все одним махом и не здесь, а в Польше: мол, там все дешевле и качественнее. И денег подсобрал для такого случая.

Выехать собирался в ближайшую пятницу, чтобы вернуться в воскресенье: понедельник — первое сентября.

На том и разошлись.

Когда-то мы учились вместе в аспирантуре. В начале перестройки я не выдержал жизни на сто двадцать «рэ» и подался в автономное плавание. Андрей оказался более терпеливым. Защитился, преподавал. Очень любил свою работу. Лекции его напоминали передачу «Что? Где? Когда?» Аудитории не вмещали желающих — редкостное не только по тем временам явление. Молодой, красивый, перспективный, студенты бегали за ним цугом, а он... он продолжал жить в двухкомнатной «хрущевке» с мамой и двумя своими маленькими красавицами: жена ушла в поисках более сытного существования.

Некоторое время Андрей еще промаялся в институте, но в конце концов уволился: ударился в коммерцию. С тех пор я не видел его...

И вот — вторая подряд встреча. Хотя не знаю, можно ли назвать это встречей. На моих глазах два мордоворота в мятом камуфляже, с лоснящимися от жировыделения рожами подошли к нему сзади. Андрей посмотрел на меня, узнал, но поздороваться не успел. Один из ментов схватил беднягу за волосы, другой пытался выкрутить руку. Андрей не отличался силой или ростом и, пригласи они его просто «пройти», не подумал бы сопротивляться. Менты же вознамерились исполнить показательный захват «валютчи-

ка». Они гнули Андрея к земле, но, к их удивлению, он уперся: не хотел марать о грязный асфальт недавно «обновленную» матерью куртку. Не хотел, чтобы дочки, его светлые головушки, испуганно спросили: «Папа, это бандиты на тебя напали?». Как бы он объяснил им, что все как раз наоборот? Схватили его менты по указке бандитов: не платит, мол, дань. Он бы заплатил, но накануне сентября нужно было приодеть девчонок. Думал — обойдется...

Менты без особых усилий сломили его отчаянное сопротивление, повалили в грязь. Андрей уронил пакет, из него выпали и покатались два больших апельсина. Мент, который выкручивал Андрею руку, отфутболил апельсины из-под ног, и с напарником, державшим «валютчика» за волосы, они поволокли Андрея к подъехавшему «Уазику».

— Взяли, наконец, суку, — прокомментировал мент в штатском, вышедший им навстречу из машины. — Халявщик гребаный. Сегодня тебя научат рассчитывать без напоминания. Объяснят, чья правда и кто в доме хозяин.

Андрея поставили на ноги. Мент в штатском зашел ему за спину и неожиданно прыгнул. От удара ногой в поясницу Андрей ввалился в «Уазик». Полезли в машину и менты. Дверца закрылась, и банда поехала. Ошарашенный, не в силах пошевелиться, я смотрел вслед отъезжающей серой машине. «Почему она не черная?» — неожиданно пришла мысль.

В школу первого сентября двойняшки не пошли. Накануне, в пятницу, Андрей с утра предупредил мать и дочерей, что, возможно, с базара домой заезжать не будет — сразу махнет в Варшаву. Автобус отходит около семнадцати, и нет смысла мотаться туда-сюда. Еще сказал матери, что берет с собой все накопленные за лето деньги: еды в квартире запасено на неделю, так что до его приезда они им не понадобятся, а там любая лишняя копейка может пригодиться. Мать упросила взять и ее «энзэ»: пять долларов, которые весною подарила на день рождения подруга — соседка-пензионерка. Но забежать домой на минутку Андрей все же решил: не мог уехать, не попрощавшись с дочками. Выбрал для них два больших апельсина — большие всегда слаще...

И в субботу, и в воскресенье до глубокой ночи двойняшки ждали папу. Им не терпелось увидеть новую школьную форму, и ранцы, и новые туфельки — старые совсем износились. Папа обещал, что купит своим отличницам самые лучшие.

Бабушка в ночь на воскресенье спать не ложилась. С рассветом достала выцветшие, застиранные платья девочек. «На всякий случай надо погладить, — подумала. Спихватилась: — На какой такой всякий?» Гладя, отклоняла голову: не хотела, чтобы на фартучек капнула слеза. Сердце тревожно билось, кружилась голова — видно, поднялось давление: утро, а сына нет. Не решалась будить поздно уснувших внуков: сегодня только «линейка», общее построение, а папа при-

едет — и малышки пойдут в школу в новеньком. «Все будет хорошо, сынок», — повторяла одну и ту же фразу, водя утюгом...

Рассвело. Наступило первое сентября.

В лесном массиве вблизи железнодорожной станции на окраине столицы сонный опер описывал обнаруженный около часа назад местным бомжом труп:

— Мужчина... Возраст тридцать пять — сорок лет... Волосы пышные, светлые... Куртка залита кровью... Денег и документов не обнаружено...

«Грабят народ, — думал оперативник. — А тех, кто сопротивляется, убивают». И не догадывался, насколько был прав.

Откуда-то доплыла трель школьного звонка. Вспомнилось, что для его сына этот звонок — первый.

«А ребята с базара не подвели, — отметил он, довольный. — Организовали мальцу к школе новый костюмчик. Фирменный, не то что наше дерьмо...»

Учитель физики

Два бомжа сцепились насмерть, зверски курочили друг друга. Победитель (или оставшийся в живых) становился полновластным хозяином мусорного бака, стоявшего на территории дорогой автостоянки в центре города.

Обоих я знал.

Который повыше, в сером, изрядно поношенном костюме, в светлой, когда-то белой рубашке, при галстуке неопределенного цвета — бывший учитель физики, вдовец, пенсионер. На пенсию его спровадили. Новая директриса, присланная из района для укрепления кадров, решила, что он слишком мягкотел для современной школы. За последние годы учитель и в самом деле не поставил ни одной «двойки». Он считал: кто хочет знать физику, того и «тройка» заставит задуматься. Кому же физика «до фонаря», и «единицей» не проймешь. Не спасло учителя даже то, что для многих поколений учеников он был примером честности и порядочности.

Лишившись любимой работы, которой посвятил всю жизнь, он первое время не выходил из дома. «Как смотреть ребятам в глаза? — задавал себе один и тот же вопрос. — Воспитывал, говорил: нужно стремиться жить по-ленински, и договорился — вышвырнули как собачонку». Потихоньку учитель стал растворять тоску и переживания в алкоголе. Выпивал поначалу немного, но с каждым днем организм требовал спиртного все больше, что и довело нашего бывшего кумира до нищеты. А потом лишился и крыши над головой: падчерица не пожелала жить с «тунеядцем» и буквально вытолкала его за дверь. Судиться? Нет уж, увольте, — пошел бомжевать.

Второй претендент на право ковыряться в «престижной» помойке явился сюда как бы из противоположного лагеря. Всю жизнь (с небольшими и редкими перерывами) он просидел в тюрьмах, «кося», как сам похвалялся, «под дурака» (может, потому и вышел). И хотя был зэком со стажем (ООР*, как-никак) и оставил след почти на всех зонах бывшего СССР, на роль рэкетира, бандита, вожака преступной группировки не подходил — ослаб телом и умом. Не наученный работать, побирался.

Сейчас он дрался за то, чтобы не мыкаться по городу в поисках пищи, не красть с чужих помоек (что всегда небезопасно), а иметь свою, к тому же «крутую» и недалеко от подвала, где ночевал.

Зэку удалось подмять соперника под себя и схватить

* ООР — особо опасный рецидивист (ред.).

за горло. Но убивать он не собирался: все же бомжевать лучше, чем «париться» на зоне. Мял в пальцах кадык учителя и хрипел: «Уйди, сука, это мое, уйди...»

Тот молчал. Лишь пылающие глаза кричали, какую душевную муку испытывает этот человек.

Я не выдержал, подбежал, отшвырнул уголовника: — Убирайся, подонок!

Зэк бросил на меня исподлобья испытующий взгляд, но дергаться не посмел, отступил, обернулся к учителю:

— Ничего, интеллигентик, ничего. Не каждый день за тебя заступаться будут. Когда-нибудь я тебя одного подкараулю! Держись! Костюмчик и фейс так отглажу... Вспомнишь и мать родную, и меня...

Он пробубнил что-то еще и ретировался.

До боли в сердце я жалел учителя, но, вспомнив, как не любил он снисхождение и сочувствие, сделал вид, будто не узнаю его:

— Потерпите немного, я сбегаю, вызову «скорую».

— Не стоит беспокоиться, молодой человек, все нормально, — перебил учитель, вытирая платком кровь с лица. — «Скорая помощь», потом милиция... Не хочу связываться с этой публикой. Уходите, прошу вас, пожалуйста, а то чего доброго, и вас заодно...

Его «пожалуйста» напомнило выпускной экзамен по физике. Тогда он увидел, что я запнулся, готов поплыть, и успокоил: «Не волнуйся, соберись, пожалуйста, с мыслями, возьми себя в руки. Ты ведь знаешь закон Ома для участка цепи, сто раз выводил...»

И я вспомнил, вернее, сформулировал тот закон сразу, в уме.

Я не стал перечить учителю, упрашивать принять мою помощь. Его взгляд заставил меня опустить глаза. «Мы во всем виноваты, мы! — корил я себя. — Заслуженный учитель — бомж, и все молчат! Наплевать! Моя хата с краю. Что-то надо менять, развязывать этот гордиев узел...»

— Идите, идите, не беспокойтесь, — как бы прочитав мои мысли, подтолкнул меня учитель.

Я отошел, но в машину садиться не спешил. Стоял, ждал: вдруг ему понадобится все же помощь или вернется зэк. Но зэк не появился...

Когда поздно вечером ставил машину на стоянку, ни учителя, ни зэка поблизости не было.

Утром позвонил главный редактор издательства и напомнил: «Рукопись необходимо сдать не позднее чем через две недели, иначе — вылетите из плана».

Выхода не было, и я взял отпуск: надо наконец дописать некогда заброшенную повесть, завершающую книгу.

Через две недели рукопись была готова. Можно везти. Да и машина заждалась на стоянке.

— Что-то давно вас не было видно, — встретил меня сторож. — Все пишете, так сказать, творите? Понятно. А у нас тут другие дела творятся. Менты вторую неделю шастают, покоя не дают. Бомжа нашего помните? Того чудика, что в костюме и при галстук

ходил? Знали его? Так вот, убили старика! И представляете, кто? Следователь говорил, что даже он был поражен: проломил бомжу голову бывший одноклассник. Не дотянув до восьмого, он бросил учебу, впоследствии всю жизнь провел в тюрьмах и лагерях. И вот встреча одноклассников спустя пятьдесят лет. Со свиданием, как говорится... А что это вы так побледнели? Бомжа ведь убили, не кого-нибудь...

Не такие уж наши люди дураки...

Мы сидели на серебристо-розовом ковре с невероятно длинным ворсом в только что отремонтированном или, как сказал мой сосед по номеру и товарищ по бизнесу Сергей В., — отреставрированном номере четырехзвездного «Grand hotel» в далекой Шаржа, в Арабских Эмиратах. По телевизору (в таком отеле, конечно же, было спутниковое телевидение) шли дебаты двух кандидатов в президенты одной маленькой далекой страны. Президент в той стране выбирался впервые.

Первый претендент, он же премьер действующего правительства, выглядел озабоченным, притихшим, даже каким-то заторможенным, сонным. И то: возраст под шестьдесят, почти всю трудовую жизнь занимал ответственные должности, алкоголь опять же (а как иначе стресс снять?), в общем — устал человек.

Второй являл собой полную ему противоположность: молодой (пожалуй, нет и сорока), подтянутый, прямо спортсмен, энергичный, с довольно правильны-

ми чертами лица. Он беспрерывно говорил, точнее, обещал, все время что-то обещал...

Сначала создалось впечатление, что идет диалог слепого с глухим. Но, прислушавшись повнимательнее, мы поняли, что ошибались. Шел непрерывный словесный напор (Сергей сказал: понос) бойкого молодца на полуживого, уже почти не защищавшегося премьера.

— За последние три месяца средняя зарплата возрасла всего на пять процентов и составила лишь немногим более ста долларов. Как можно прожить на такие, с позволения сказать, деньги?

— За прошедший июнь при вашем, надо сказать, руководстве, а точнее отсутствии всякого руководства правительством инфляция в стране составила пятьдесят процентов! — напал на соперника молодой претендент.

Премьер, оглушенный летящими в него невесть откуда взятыми цифрами, вместо того, чтобы спокойно прикинуть: так, в конце мая доллар «стоил» одиннадцать тысяч, теперь, в июле, одиннадцать четыреста; т.е. на четыреста пунктов больше, — следовательно, инфляция за месяц составила менее четырех процентов, — и вслух сказать: «Вы только что нагло солгали, и это можно доказать телезрителям в течение одной минуты...», — вместо этих все объясняющих и ставящих на свое место слов стал рыться в портфеле, что-то бормотать себе под нос, обращаться за помощью к секретарям, — короче, потонул в обыкновенной, элементарной, наглой клевете.

Видя, что такие номера с премьером проходят, молодой кандидат продолжал атаковать-добивать его другими, также с потолка взятыми «цифрами и фактами», уже с удвоенной энергией.

— А пресса? Что у вас за пресса?! Где свобода средств массовой информации? На экран честному человеку не пробиться...

— Вот тут ты прав! — Я больше не в силах был слушать «честного человека». Именно ты и есть тотальный лжец, искусный подтасовщик фактов, необыкновенной агрессивности дилетант, наглый демагог! И если ты победишь, то честному человеку действительно путь на экран будет заказан...

Прорезался голос и у Сергея:

— Ну, нет, этот не пройдет, этого не изберут. Не все же люди до такой степени темные или сумасшедшие. Этот лжец только в могилу завести может. Помоему, здесь все понятно...

А молодой и нахальный лжец-претендент (Сергей, как мне показалось, невесело спрогнозировал — лжепрезидент) добивал премьера:

— Мы в несколько раз поднимем простым людям зарплату. Пересажаем всех коррупционеров. Я клянусь нашему многострадальному народу, что каждый взяточник будет сидеть в тюрьме!...

— Почти как в том фильме: вор должен сидеть в тюрьме. Вот только станет ли этот липовый борец с коррупцией в наши карманы кошельки подкладывать? — спросил я Сергея, но, услышав «гм...»,

ответил сам: — Думаю, этот никому ничего давать-подкладывать не будет. Этот скорее последнее выгребет...

А молодой претендент расходился все больше:

— Высшее образование получают только самые грамотные и подготовленные, а не те, кто богаче или со связями... Мы поднимем престиж страны на международной арене...

Он так рьяно и самозабвенно лгал, что, ловя нездоровый блеск его глаз, я наконец-то понял: он параноик, сумасшедший, он на ходу создает небылицы и сам верит в них.

Да, и насчет международной арены. Это хорошо, что он вспомнил о ней. Соседние страны потихоньку набирают обороты. Тянулись как-то, ни шатко ни валко, за ними и мы. Но если этого мнимого борца с коррупцией изберут, наступит конец, могила всему. При таких, как он, марионетках обычно и расцветает настоящая коррупция. Всем коррупциям — коррупция! Коррупция одного человека. Тотальная. Маленький, хоть и вяло, но идущий прогресс превратится в бурно прогрессирующий откат, который на определенном этапе может просто уничтожить страну как самостоятельное государство. Не будет для страны никакой международной арены...

— Нет, такого воинствующего демагога наши люди не изберут, — начал Сергей меня (или себя?) успокаивать. — Не такие уж они дураки, наши люди.

Мы сидели в номере «Grand hotel», добивали вторую бутылку «Смирнофф», но опьянения не наступало.

— А молодец-то с усами, сдается, гипнотизер! — продолжил Серега, сменяя тон. — Лжец и гипнотизер! Да-а. Страшный, скажу тебе, гибридец. Такой, кстати, может и победить. И борец с коррупцией, и скрытую правительством страшную инфляцию выявил. Опять же — за детей болеет, за учебу их беспокоится...

— Типун тебе на язык, — сказал я, уже злясь на друга. — Накаркаешь еще...

Вскоре язык у Сергея действительно опух.

— Вот, недельку «колгейтом» зубы не почистил, и на тебе... — объяснял он мне случившееся.

Мы лежали на бетонном полу «американки», и Сергей еле ворочал искусанным на допросах-пытках языком:

— Думаю, нашу облезлую камеру в ближайшие пять, а то и десять лет реставрировать не будут. — Ему, видимо, вспомнился выдраенный до блеска номер заморского отеля. — Девать-то нас некуда, все камеры забиты. Если только кого в расход пустят...

«Опять накаркает, — возмутили меня последние слова Сергея. — Хотя, если подумать, то действительно за стенами третий день подозрительное затишье. Хорошо, что удалось передать на волю эту гармошку-записку...»

— Кажется, сюда идут, — никак не мог успокоиться Сергей. — Наверное, за нами...

Он снова накаркал.

Эх, родная моя Бенгалия!

Вместо послесловия

Отец и сын. 22.07.2000* (?).

Зимой 1999 года мне представилась возможность встретиться с одним из палачей, деятельность которого была связана с «американкой». Стоило «удовольствие» — пятьсот долларов США. Таких денег у меня не было, и я кинулся одалживать. Однако получить на время деньги, если ты «в бизнесе», в работе, — одно дело, и совсем другое — если «сошел с ума и подался в писатели». И пока я собирал нужную сумму, палач покинул этот мир. Посредник передал: «Старик кое-какой информацией надеялся удивить. Он, кажется, знал неизвестные места захоронений. В частности, то, где лежат двадцать белорусских литераторов, расстрелянных 29 октября 1937 года».

Палач, оказывается, сожалел, что встреча не состоялась. Я — тем более. Именно для того, чтобы выве-

* Рассказы в книге расположены не по времени их создания, а по хронологии описываемых в них событий. Для тех, кто интересуется, привожу (в скобках) эту хронологию - примерную, конечно.

дать эту тайну, я и собирал деньги. Случится ли еще такая оказия? Вряд ли...

Некоторые уточнения.

Упоминаемый тир находился на улице Великоморской, недалеко от кинотеатра «Знамя», здание которого недавно снесли.

Со швейцаром таксист договаривался в ресторане «Потсдам».

На Первый Всебелорусский конгресс дед приехал из эмиграции.

Умение хорошо играть в шашки спасло ему жизнь и в концлагере.

Первоначальное название рассказа — «Отец» — менялось, как и финал, несколько раз. Первый вариант финала (тогда рассказ назывался «Роднее родного») также был другой:

«...Таксист не знал, что возил он весь день не отца и сына, а дядьку с племянником, которые остались на этом свете одни-одинешеньки и потому были роднее родного...»

Две копейки. 07.08.2000 (1968).

Не придумано почти ничего. Строгая учительница, взволнованный шофер, непробиваемая милиционерша, звонкоголосая отличница Оксана, добрый интеллигентный сосед-пенсионер — все они, как живые, стоят перед глазами.

За прошедшие тридцать три года этот неприятный

эпизод из моей жизни так ни разу и не вспомнился. А вот написался за три часа. Загадочная это штука — память...

Немного «экономики».

Если судить по гематогену, то на среднюю в те годы зарплату журналиста можно было купить 1300 — 1400 сладких батончиков. Сейчас — вчетверо меньше. А казалось (мне, во всяком случае), жили хуже некуда.

Первый раз в жизни я ощутил ужас безотцовщины не когда продавщица ткнула меня рукой в грудь, а когда назвала байстрюком. Хотелось повеситься.

И сейчас не понимаю: почему лейтенантша не отослала в школу бумаги, а отправила их с нарочным (иначе они бы не попали к учительнице уже в понедельник)? Неужели хотела «свежей крови» по свежим следам?

Качели. 15.10.2000 (1972).

Чтение Андрея Сахарова и Александра Солженицына в начале семидесятых было весьма «опасно для здоровья». К А.Сахарову отношение не изменилось. К А.Солженицыну, скажем так, стало другим.

Одно из самых мучительных состояний — ожидание. Думаю, что первая седина у меня появилась именно тогда, на крыше, когда ждал, чтобы собралось как можно больше народу.

«Ох уж этот дед! Подарил любимому внуку на мою голову адскую машину...»

Адской машиной был приемник высшего класса «Рига».

«Стриженные почти «под ноль» мужчины в темных длинных плащах»... Они, кажется, всю жизнь сопровождают меня.

День икс. 03.05.2000 (1974 — 1975).

Убежден, что самозапрет: «Не убей!» (или шире: «Не ударь!») заложен в нас на генетическом уровне. Но у некоторых он по каким-то причинам отказывается, глохнет.

Занимаясь борьбой дзюдо, я осознал, что в пике формы на открытой площадке могу сразиться этак с шестью-семью нетренированными людьми. (Позже это нашло отражение в рассказе «Музыка».)

Вообще же, переломить себя, заставить делать то, что тебе запрещено генетически, можно только преодолев сопротивление организма. Но, убив в себе «Не убей!», не становимся ли мы на одну доску с убийцей?

В жизни финал был другой: отморозки при встрече не долго думали, в мгновение «дали на пятах».

Третья попытка. 08.05.2000 (1976 — 1978).

Где же вы теперь, друзья-однополчане?

Рассказ документален, но имена — изменены. Причина — многие просто подзабылись.

Кто б там чего ни говорил, но я почти убежден: «срочная» армейская дружба не самая крепкая.

Скорая помощь. 15.05.2000 (1979 — 1980).

Советская школа, советская армия, советское воспитание и их последствия — словом, «до 18 и старше...» и вдобавок — за железным занавесом.

Кстати, «хорошую» звали Аллой.

А чувство *это* и в самом деле удивительное: «*болело сердце*» и «*был счастлив*»...

Жокей. 17.03.2000 (1987 — 1988).

«Дисотека была эксклюзивная, дорогая, для крутых...» — первая частная ночная дискотека в Беларуси.

Жокей — это я. Повезло: выжил и сумел рассказать, как все было и как все могло повернуться, будь на то моя воля (второй вариант финала).

Вряд ли бандиты станут грабить нищего белорусского писателя. И вряд ли ограбленный бизнесмен сможет более-менее сносно описать, как все происходило.

Мне в данном случае выпал счастливый билет (если, конечно, можно назвать его счастливым) — один на десять миллионов.

Во время нападения, когда я несколько раз приходил в себя, первым желанием было — вырваться.

Но наводчик, видимо, серьезно предупредил поделщиков о способностях хозяина квартиры, и они контролировали малейшее мое не то что движение — шевеление.

Дело о вооруженном ограблении вели сотрудники Первомайского РОВД. Уже после выхода из больницы я обнаружил два провода-волоска, подсоединенные к моему телефонному шнуру. Провода вели на чердак (с которого через дверцу-люк, как выяснилось позже, и спустились бандиты: квартира была на последнем, пятом этаже). Но кто подключил «волоски» — бандиты или менты, — сказать не берусь.

Первый вопрос, который задал опер в больнице (врачи, кстати, насчет меня шутили — многокровный, потому и выжил): «А откуда у вас финский кожаный плащ?»

Лет семь-восемь спустя один из ментов, работавших в «первомайке», рассказал мне, что главаря банды убили на зоне, а два других участника разбойного нападения отбывают очередные сроки. В общем, получилось, как в том фильме: украли, выпили — и в тюрьму, а кое-кто и в могилу.

Самый Нижний Тагил. 22.01.2000 (1991 — 1995).

Было и такое. Знал я белорусов, пытавшихся наладить «челночный» бизнес на Урале и за оным в

конце восьмидесятых — начале девяностых. Сам был таким. Потому сцены в ресторане и многие другие придумывать не пришлось.

Никогда бы не поверил, что не занимавшийся спортом и непрерывно кутивший Женька сможет пробежать (и с хорошим временем) километров этак пять. Вот что значит — жить хочется!

«Адидасник» Зуб был внешне и «манерами» очень похож на Кренделя из «Музыки». Прямо брат родной. Кстати, Зуб уже давно парит землю: постарались друзья-конкуренты.

Отвязанный беспредельщик и «любитель помахать ножом» Минай тоже до тридцати не дожил.

Не знаю, случайное ли это совпадение, но недавно мне рассказали интересную новость: после прихода к власти в России В.Путина Женька вывез семью в Германию.

Поразили в Тагиле и дороги: ямы глубиной в полметра — нормальное явление.

Интуиция. 20.01.2000 (1997 — 1998).

Планировался как первый рассказ цикла «Из жизни контрабандистов», но пока так и остался первым — единственным.

Все герои списаны с натуры.

О польских «гаишниках».

Когда они видят, что вы способны постоять за себя, можете не беспокоиться: ни о каких «наездах» не будет и речи.

Раньше, попадаясь на глаза доблестным польским дорожным полицейским, я наперед знал, что сейчас непременно остановят и начнется игра в «вопросы и ответы»: есть ли в машине огнетушитель, далеко ли лежит аптечка, «держит» ли «ручник» и так далее. Диалог будет продолжаться, пока не обнаружится отсутствие чего-нибудь «существенного», допустим, в аптечке скальпеля (почему не аппарата искусственного дыхания или «УЗИ?»), и рано или поздно все закончится взяткой в двадцать — тридцать долларов США.

Как-то, не выдержав, я назвался писателем и показал «документ» — свою последнюю книгу. При этом добавил, что в Польше собираю материалы для новой. Полицейские исчезли, словно испарились.

О служителях закона в целом.

Я заметил: специальности, которые позволяют «разбираться» с человеком без суда и следствия (мент, таможенник, следователь, надзиратель и т.п.), с годами делают их обладателей людьми без жалости, сочувствия, сострадания — то есть, «беспредельщиками», нелюдьми.

Многие «беспредельщики» любят пиво. Более крепких напитков боятся: видимо, и своей дури хватает. Мне в этом плане повезло меньше: *«мою нервную голову пивом не обманешь...»*

«Девяткам» бандиты тогда отдавали предпочтение по двум причинам.

Первая: это была (как и «восьмерка») первая совет-

ская легковая машина, которая продавалась частным лицам и могла тягаться в скорости с западными.

Вторая и главная: передние «крылья», которые страдали, когда бандиты притормаживали нужную им машину, легко снимались, а в багажнике лежали запасные.

След от «прикосновения» дорожных искателей удачи моя машина хранит до сих пор: краска в месте удара периодически выкрошивается, и уже не раз приходилось «подчищать» эту часть кузова.

Вообще моя бедная «тойота» (марка машины в рассказе изменена) несколько раз «встречалась» с бандитами.

Музыка. 21.04.2000 (1998 — 1999).

Не очень веселые воспоминания о посещении ресторана «Планета» с «продолжением банкета» уже в другом месте. История документальна. Почти все имена подлинные.

Битловская «Come together» стала любимой мелодией главного героя после того, как обнаружилось совпадение в этом плане моих вкусов и вкусов известного белорусского музыкального критика. Вообще рассматривались композиции LED ZEPPELIN, DEEP PURPLE, ROLLING STONES, QUEEN и других.

Драка в ресторане так или иначе оказалась бы лебединой песней чемпиона.

Главный редактор «Звезды» У.Наркевич как-то мне сказал: «В отличие от «Жокея», «Интуиции» и «Фарца», у «Музыки» нет души...» Что ж, на нет и суда нет...

Фарц. 30.09.1999 (1998 — 1999).

Как-то приснился когда-то очень известный в столице человек — крупный коллекционер, филофонист (на этой почве с ним и познакомился), зачинатель «частного» бизнеса в Белоруссии, и вот — написал.

За последние пятнадцать лет я понял удивительную для себя вещь: успеха в бизнесе добиваются не самые талантливые, способные, одаренные от рождения, а наиболее усидчивые, цепкие, терпеливые, упорные, вплоть до тупости...

Несколько цитат и замечаний.

«Стас не крадет и погибает...» — Не только Стас.

«Перегрузка, он взял больше нормы. Он хотел догнать годы...» — Я тоже хотел догнать годы...

Спустя полгода после публикации «Фарца» в «Звезде» позвонил Владимир Я., человек, некогда познакомивший меня со Стасом (в жизни — Леонидом). Звонок прозвенел 22 февраля 2001 года поздно вечером. Владимир сказал, что хотел бы «на минутку заглянуть». У меня сохранилось о нем приятное впечатление, к тому же я не видел его несколько лет и потому ответил с удовольствием:

— Заходи, дружище!

Почти сразу же заговорили о Стасе.

— Как он теперь? — любопытствовал я. — Наверное, большим человеком стал? Небось, заграницы осваивает? Угадал?

— А ты что, не знаешь? — удивился Владимир. — Стас умер! Сгорел!

Я был ошеломлен. Я не знал. Думал, предполагал, допускал, чувствовал, но — не знал.

— Ты не представляешь! — выдохнул я. — В рассказе «Фарц» я написал, что Стас погиб, — написал наугад, по какому-то наитию, ничего про него не зная. Этим, видимо, и приговорил его! Накаркал! Какой ужас!

— Тихо, тихо, — перебил меня Владимир. — Разберемся. Когда, говоришь, ты закончил рассказ? Полгода назад, летом... И тогда же он был опубликован? Выходит, зря шум поднял, ты здесь ни при чем. Стас умер не полгода, а года полтора назад. Я даже точно тебе сейчас дату назову: 30 сентября 1999 года. Да-да, накануне день рождения жены отмечали...

— Фу-у! — упал с сердца камень.

Дальше беседа не клеилась: я, как зацикленный, все думал и повторял что-то о Стасе. Какая-то догадка или предчувствие гнели меня. Владимир слушал, соглашался, потом высказал сожаление: «Уже ночь на дворе, а поговорить толком не успели, но ничего, в другой раз», — и вскоре попрощался.

Словно только этого и ожидал, ринулся к компьютеру. Чуть дождался окончания загрузки. Наконец

проиграла команда к началу работы. Вот она — папка с файлами рассказов. Где же запропастился «Фарц»? Так, есть. Поищем «статистику». Смотрим: количество слов (1767) — не то. Общее время правок (637 минут) — не то. Файл создан (вот оно!): 30 сентября 1999 года...

Я вспомнил слова Владимира: «Ты здесь ни при чем...»

Первое сентября. 19.09.2000 (2000).

Описанная встреча с однокашником оказалась последней...

Дочки Андрея в этом году поступили в «инязовский» лицей. Чтобы не сдавать экзамены одновременно, подали документы в разные языковые классы: сшитое совместными усилиями бабушки и ее подруги-соседки нарядное платье было одно на двоих.

«Грабят народ, — думал оперативник. — А тех, кто сопротивляется, убивают». В этом, думаю, с ним стоит согласиться.

Учитель физики. 10.10.2000 (2001).

Благодаря этому учителю я знаю не только закон Ома: в приложении к диплому по предмету «физика» стоит «пять».

Из окна моей квартиры видна эта «эксклюзивная» стоянка, а справа от нее — тот злополучный бак для мусора. Каждое утро мне кажется, что учитель вот-

вот появится со своей котомкой. Но дотлевают сигарета, а его все нет...

Не такие уж наши люди дураки. 29.12.1999 (?).

Не хочется, чтобы так все и закончилось...

Ни одного выдуманного героя, но страна Бенгалия — придумана. Не мною. Так поэт *Сяргей Астрэйка* (расстрелян 14 сентября 1937 года в одном из сталинских концлагерей недалеко от Челябинска) назвал в своей поэме (не сохранилась — сгорела в войну) страну, в которой повествуется о тяжелой жизни людей под колониальным гнетом англичан. Страна называлась Бенгалия, но очень уж смахивала на Беларусь.

Некоторые строки из «Бенгалии» (воспроизведенные по памяти) нам известны от поэта *Міхася Кавыля* (*Язэпа Лешчанкі*):

*Бенгалія,
Бенгалія...
Не спяшы ў чырвоны «рай»,
Дзе пакутуе, Бенгалія,
Беларусь, твая сястра.*

*Бенгалія,
Бенгалія...
Не румянь пажоўклы твар:
Няма розніцы, Бенгалія,
Душыць хан ці камісар...*

Содержание

Отец и сын	176
Две копейки	188
Качели	203
День «икс»	212
Третья попытка	218
Скорая помощь	225
Жокей	229
Самый Нижний Тагил	241
Интуиция	281
Музыка	295
Фарц	309
Первое сентября	320
Учитель физики	325
Не такие уж наши люди дураки...	330
Вместо послесловия	337

Редактор — М. Гиль

Компьютерная верстка — А. Липницкий

Отпечатано

Печать офсетная. Формат 60x84/16

Тираж Заказ